

Вера Чиркова

Сестры Тишины. Тихоня

© Чиркова В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес ()

Глава 1

– Демонская тьма!

Едва Змей обнаружил себя стоящим на порталной башне, в его душе вспыхнуло подозрение, что это дядюшка Кирт со своей женой каким-то образом подстроили переход.

Однако уже через пару секунд граф разглядел в предутреннем тумане обступающие башню вершины покрытых снегом скал, аккуратные высокие каменные перила, охраняющие площадку, и прочную будочку, укрывающую от непогоды вход на лестницу. И только в этот момент Змей с оглушающей ясностью понял: он находится вовсе не на той башне, где стоял вчера вечером. А вслед за этим пониманием в душе вспыхнули обида и боль, а затем и яростное желание что-нибудь порубить. Или кого-то выпороть.

Хотя нет... хвала святым, до такого он никогда не опускался и не опустится. Просто молча протянет руку и будет ждать, пока она сама догадается, что нужно в нее положить. Кольцо с изумрудом, которому до сих пор не везло, то самое, что Змей надел на пальчик глупышки вчера вечером.

Хотя, нужно признаться, Змей испытал огромное облегчение, когда не так уж давно фамильная драгоценность вернулась к нему вместе с прощальным письмом Фиалонны, привезенная ее секретарем. И граф вовсе не собирается расстраиваться, если кольцо вернется к нему в очередной раз. Обидно другое, Змей почти поверил, что оно наконец-то нашло свою настоящую хозяйку! И как только хитрая монашка сумела так задурить голову, самому теперь смешно!

Лестница, по которой Змей, едва не рыча от злости и нетерпения, торопливо бежал вниз, закончилась небольшой комнаткой, из которой вели неизвестно куда две двери, и граф на миг приостановился, решая, куда пойти. В этот момент, с такой точностью, словно кто-то ожидал его появления, в стене открылась третья, потайная дверца, и знакомый голос мягко сказал:

– Входи сюда.

– Но ведь в ваш монастырь нельзя входить мужчинам?! – мгновенно узнав голос, едко процедил граф, протискиваясь тем не менее в дверцу.

– А мы не в монастыре, а в порталной башне, – спокойно ответила настоятельница, снимая салфетку со стоящего на столе подноса. – А все башни, как ты знаешь, принадлежат магам почтовой гильдии. Садись.

– Не хочу, – непримиримо поджал губы Змей. – Дайте мне портал до столицы, я верну такой же, как только доберусь до банка.

– Не дам, – спокойно сообщила матушка Тмирна, поднимая со сковороды крышку, – и могу объяснить почему. Мне пришлось сегодня на полчаса раньше разбудить девочку-кухарку и самой резать мясо, дабы некий господин получил на завтрак именно те блюда, какие любит. И потом ждать его тут, вместо того чтобы еще немного понежиться под одеялом! А теперь он возьмет портал и куда-то побежит?! Даже не прочитав письма, ради которого другая девочка тоже вылезла из-под одеяла на полчаса раньше?!

Змею очень хотелось сказать, пусть бы она лучше так и лежала под тем одеялом, а не писала писем с указаниями, чем его кормить.

Но тут он вовремя вспомнил пункт контракта, который гласил: выполняющие работу сестры Тишины не заводят ни дружеских, ни любовных отношений и не оказывают никаких услуг личного свойства. И сообразил, что едва не выдал глупышку ее начальству, а это было бы подло, несмотря на то, как она поступила с ним самим.

И поэтому, хмурясь и всячески показывая свое презрительное отношение к наглому шантажу, Дагорд прошел к столу и небрежно присел на стул. И тут же обнаружил перед собой полную тарелку еще горячих румяных кусков мяса, мисочку с солеными грибочками и огурчиками под сметаной, кружку с крепким чаем, в котором плавал ломтик лимона... и горькая обида вонзилась в сердце с новой силой.

Вот почему Эста решила, что он не сообразит, для чего она с утра первым делом отправила настоятельнице точные распоряжения насчет завтрака? Ведь ясно же, заранее просчитала, как зол и оскорблен будет Змей. Значит, хотела этой едой немного примирить его со своим поступком. Потому и подумала про все: и что он любит на завтрак, и какотреагирует на Тмирну. Не подумала только об одном, как ему после случившегося жить рядом с ней, если всегда будет жечь душу воспоминание о том, как он спокойно ел мясо, пока над его женщиной издевались враги.

Ну разве он подал ей повод считать себя бесчувственным эгоистом? И как после этого поверить другой женщине, если даже справедливая и ответственная тихоня так жестоко обманула при первой же возможности?

– Дай письмо, – отодвинув тарелку с мясом, к которому так и не смог притронуться, глухо произнес Змей и одарил Тмирну таким пронзительным взглядом, что настоятельница молча достала из кармана тоненькую трубочку записки и протянула ему.

«Зайчик, – прочел Змей и невольно презрительно скривил губы. Он ей больше не зайчик! – Я знаю, что скоро совершу непростительный поступок, иным его нельзя назвать. Но я вдруг поняла, мне легче перенести твой гнев и лишиться твоего кольца, чем узнать, что по моей вине с тобой произошла беда. Этого я не переживу. Прости. Пока еще твоя глупышка».

– Демонская сила! Ну почему ты не научила ее, Тмирна, что мужчинам тоже можно доверять? Хоть иногда?! И вдвоем значительно легче отбиться, чем в одиночку? Там же сейчас очень опасно... и они меня узнали, не могли не узнать!

– Да научили мы ее, всему научили. – Монахиня поймала вскочившего со стула графа за рукав и почти силой усадила назад, начиная осторожно и умело растирать его шею и закаменевшие плечи. – Двенадцать лет учили, почти с того дня, как Эста с матушкой сюда пришли. Но матушки ее уже нет, почти два года, тут и похоронена, не дожидая до амнистии. А Эста ведь очень способная и умеет больше других. Только не нужно думать, что все сестры Тишины учатся быть глупышками и тихонями. Такая работа далеко не каждой по силам или по уму, в этом, как во всяком деле, талант нужен. А о том, чтобы у тихонь была возможность выжить, если попадут в руки врагов или в незнакомое место, мы заботимся заранее. Готовим зелья и хитрые приспособления, делаем особые наряды и вещицы.

Не переставая потирать еще скованные напряжением плечи гостя и мягко рассказывать про такие вещи, о каких и не подозревало большинство их клиентов, Тмирна, словно невзначай, подвинула Змею тарелку и сунула в руку вилку.

– Ты поешь, поешь. Сейчас все обговорим и решим, как действовать дальше, да пойдем в столицу, там тебе не до завтрака будет. А я пока чайку выпью и пару писем напишу... похоже, нам помощь понадобится.

– Тмирна! – Съев несколько кусочков мяса, Змей вспомнил слова Эсты и снова отложил вилку. – Она сказала, что намерена несколько дней сама там разбираться. Но в тот момент, когда Эста писала письмо, она еще и не подозревала, что эти люди меня хорошо знают. Они раньше служили в том поместье, где позже Олтерн держал жену. А потом уволились, будто бы по старости. Но они и сейчас еще очень бодрые, я следил, как Кирт спускался по лестнице. Чуть ли не вприпрыжку. Вот только вспомнил я про них лишь утром. Во сне они мне приснились.

К этому моменту его обида никуда не исчезла и не стала слабее. Зато одно Змей понял ясно, обижаться нужно не на его глупышку, а вот на этих покореженных жизнью монашек, которые сделали из девушки шпионку-одиночку. Ловкую и сообразительную, но совершенно не умеющую работать в паре даже с человеком, которому можно доверять до конца. Это они тренировали ее так, чтобы она полагалась только на свои собственные умения, не делилась с напарником ни замыслами, ни подозрениями и отодвигала его за себя, если видела приближающуюся опасность. И ведь как ловко все предусмотрела, и капсулу заранее сунула, скорее всего в ножны. Туда он и сам бы положил, достаточно чуть выдвинуть кинжал, и потом, возвращаясь, он обязательно раздавит хрупкую вещицу. Вот теперь ясно, что хрустело, когда он дернул пояс, торопясь вооружиться до прихода стучавших в дверь незнакомцев.

И ведь это не был старый слуга-предатель, запоздало сообразил Змей, тот не стал бы стучать так требовательно, когда еще не подошло оговоренное с вечера время! Это пришли другие люди... скорее всего бандиты, и Эста не могла не расслышать издали их шаги, сама говорила, слух у нее, как у зверя. Значит, все-таки выдали его старые знакомцы... и теперь он тоже может сложить два и два.

- Ты вспомнил еще какие-то подробности? - осторожно осведомилась настоятельница, внимательно следившая за выражением его лица.

- Да, - кивнул граф и начал рассказывать, понимая: они сейчас в одной лодке. Но только до тех пор, пока он не вытащит ту самоуверенную шпионку из петли, в которую она добровольно влезла. А вот потом... хотя у него, похоже, будет время спокойно обдумать, как поступить с ней потом.

Через час он закончил рассказ и ответил на два или три десятка таких неожиданных вопросов, что перестал сомневаться, кто именно учил Эсту наблюдательности и умению делать быстрые и зачастую неожиданные, но несомненно верные выводы.

А потом еще полчаса уныло доедал и мясо, и грибочки, и сметану, запивая все это остывшим чаем с лимоном и закусывая вчерашними кексами, в ожидании, пока матушка Тмирна, отправившая за это время с десятков писем, переоденется и выдаст распоряжения своим сестрам где-то в глубинах монастыря.

- Добрый день!

От звука мужского голоса Змей мгновенно вскочил со стула, выхватил кинжал и метнулся в свободный угол между очагом и низким буфетом, сочтя это место в небольшой гостиной самым подходящим для обороны.

- Я свободный целитель, - мягко сообщил старший из мужчин, вошедших в ту же узкую дверцу, что и сам граф, - и пользуюсь башней для отправки своих пациентов.

- О да, - язвительно подтвердил Змей, - войти в монастырь ведь не имеет права ни один мужчина.

- И это непреложная истина, - очень сухо сообщил лекарь, - вы можете убедиться, если попытаете зайти вон туда.

Змей лишь покосился на дверь, в которую ушла Тмирна, и плотнее сжал губы, не хочет он ничего проверять, да и разговаривать на эту тему не имеет никакого желания. Он хочет только оказаться на южной дороге, найти старую охотничью избушку и попасть в полузаброшенную башню, где творятся странные дела.

- А я Маст. - Крепкий мужчина ростом выше среднего и со светлыми волосами строго смотрел на Змея бледно-голубыми глазами.

- Даг, - коротко буркнул Змей, всем своим видом показывая, что ему совершенно не интересны ни целители, ни похожие на наемников незнакомцы с явно выдуманными именами.

- Вот и я. - Дверь приоткрылась, и в комнату проскользнула настоятельница.

Окинула быстрым взглядом целителя и наемника, приветливо им улыбнулась и почти пробежала к Змею.

- Вот тебе плащ, нигде не теряй, а вот сверток с одеждой и пояс с оружием, потом все покажу. Свое оставишь у Олтерна.

- Тмирна, - скептически ухмыльнулся Змей, - тебе не кажется, что поздно делать из меня комедианта? Все равно не получится.

- Никакому делу никогда не поздно учиться, - неожиданно строго отрезала она. - А вас у меня только двое, кому она может доверять. Ты да Маст!

- Что?! - Мужчины одновременно стремительно обернулись и разъяренно уставились друг на друга.

Однако очень скоро до Змея дошло, что встревожился он напрасно. Ведь глупышка с самого первого дня, как вышла из этого монастыря, все время была у него под присмотром. Ну, почти. За те короткие промежутки, когда Дага не было рядом, там был Герт, а к Герту у нее особых чувств никогда не было. Он это успел понять. Поэтому уже через несколько секунд граф изучал смотревшего на него почти с ненавистью блондина более миролюбиво и пристально. И не мог не отметить и чуть более светлую кожу на лице по сравнению с выглядывающей из ворота простой рубашки шеей, и почти незаметный след на щеке. словно от простой царапинки, но как раз на том месте, где, как успел узнать граф, палачи ставили уродующие метки осужденным. И ему сразу припомнилось, пришли они вдвоем, этот таинственный Маст и целитель.

– Тмирна! Объясни, что ты хотела этим сказать? – потребовал Змей, не снимая ладони с рукоятки кинжала.

– То, что сказала. Тебе Эсталис – невеста, а ему – сестра.

– Как это, невеста? – Светловолосый нахмурился, стиснул зубы, заиграл желваками.

– Очень просто, – лукаво улыбнулась настоятельница, и Змей только сейчас сообразил: она сегодня без маски. И чем-то очень похожа на свою личину, только моложе, бледнее и печальнее, – в последнем письме Эста написала, граф аш Феррез предложил ей взять в знак заключения помолвки его фамильное кольцо, и она согласилась.

«А потом выкинула жениха как бестолкового щенка, мешающегося под ногами», – горько усмехнулся Змей и отпустил рукоятку кинжала. Драться с ее братом он не станет ни под каким предлогом.

– Вот как, – переводя пристальный взгляд с матушки на Змея, протянул Арвельд, догадываясь, что не зря монахиня так упорно зовет Лэрнелию монастырским именем и не открывает графу его собственного. Значит, хитроумная сестрица пока ничего не рассказала новоявленному жениху ни про то, кто она на самом деле, ни про то, кто ее братья. Интересно, почему? Не доверяла или не успела? А может, решила проверить на истинность его чувства? Ведь не зря же Змей в последние годы так усердно охотился за весомым приданым?! И тогда ему тоже не стоит рассказывать Змею про себя правды. А еще лучше, если подвернется случай, попытаться немного помочь сестренке с проверкой жениха.

– Так мы идем? – напористо уставился на настоятельницу Дагорд, не понимая, чего она медлит, – ты уже все указания выдала?

– Змей, – подойдя к нему ближе, со вздохом приступила к объяснениям Тмирна, – ты же сам знаешь, тебя трудно забыть, если видел хоть полчаса. А те бандиты везли вас почти весь день, и слуги тоже тебя узнали. С твоей внешностью там появляться нельзя.

– А с чьей можно? – колко осведомился Дагорд. – Хотя погоди, не отвечай. Я уже понял, что ты собираешься меня изуродовать, и заранее на все согласен. Прямо тут начнешь?

– Это моя работа, – неожиданно вступил в разговор целитель, – и лучше пойти в мой кабинет. Это минут на десять, не больше.

– Иди, – кивнула Тмирна, – я подожду. Обещаю.

– У них это серьезно? – дождавшись, пока дверка за ушедшими закроется, тихо спросил Арвельд, – и что это за история с бандитами?

– Ваша светлость, – опустившись в кресло, устало вздохнула монахиня, – вы ведь уже немного знакомы со своей сестрой?! Вернее, с той, кем она стала за эти годы? Вот и скажите, похожа она на пустышку, для которой внешний вид мужчины значительно важнее его привычек, характера и принципов?!

– А какие это у Змея принципы?! – скептически прищурился Арвельд. – Я особых-то не заметил.

– Потому что не туда смотрел, – холодно отрезала Тмирна. – Вам ведь нужно было его из замка выжить, чтобы по старой дружбе не донес Эфройскому, вот и видели в нем врага. А враги, как известно, всегда рыжие, тогда как все друзья – блондины. Вот и не поняли, а

ведь он для Герта давно стал не только телохранителем и советником, но и другом, и братом, и отцом. И хотя его самого никто ничему не учил, кроме как мечом да кинжалом махать, да свою грудь за хозяина под стрелы подставлять, Змей для того, чтобы помочь Геверту, изучил и расчеты с торговцами и челядью, и банковские дела на себя взял, и охрану всего замка. Да и столичный особняк у него под надзором. И ни одной девицы, что так падки на знатных господ да горазды на хитрые приемы обольщения, после гибели герцогини к другу не допустил.

- Тмирна, - с изумлением посмотрел на настоятельницу опальный герцог, - если бы я не знал, кто ты, то решил бы, что передо мной сваха.

- И неправильно бы решил, - все так же холодно отозвалась монахиня, - я подобным никогда не занимаюсь. А они и без меня сосватались, судьба так решила. А я еще голову ломала, чего это возле них белобрысый пчелой вьется? Теперь поняла, для эльвов ведь чистые чувства как мед. Мне ваша матушка, светлая была женщина, умирая, поручила ее благословение Эсте перед свадьбой передать... знала, я девочку как родную люблю и ошибки сделать не дам. Вот потому и говорю тебе: не вздумай мешать. Им и так сейчас непросто, оскорбила ведь она его, отправила сюда обманом, как поняла, что слуги узнали в нем бывшего адъютанта Олтерна.

- Как это отправила? - побледнел Арвельд. - Разве они не вместе сюда пришли?!

- Нет. Она там осталась. Вот потому и уходишь ты раньше времени, но это и хорошо, сильно изменить твое лицо не успели. Зато Эста не будет сомневаться.

- А в Змее? Его ведь сейчас тоже изменят?

- Не переживай. Любящая женщина своего любимого за милую по походке узнает, - отмахнулась Тмирна и, заслышав за потайной дверкой шаги, поднялась с места, искоса поглядывая на герцога и гадая, не слишком ли много информации вылила на него для первого раза и правильно ли он все рассудит?

Глава 2

– Это со мной, – веско сообщила монахиня стражникам, встречавшим пришедших на portalной площадке замка Эфро, и решительно пошла вперед.

Змей криво ухмыльнулся и первым направился следом за ней, развлекая себя тем, что сможет теперь посмотреть на поведение своих подчиненных и слуг со стороны. Хотя и был почти уверен, челядь еще долго будет ходить по струнке после проведенной им три дня назад чистки. Но должен же он себя хоть чем-то порадовать?

Выходя из расположенного в подвале кабинета, Дагорд не стал смотреть в зеркало, как предлагал целитель. И так поверил, что он мастер высшего класса, еще когда следил за тем, с каким энтузиазмом тот принялся за дело. И уже по тому, как безжалостно посыпались с его собственной головы недавно приведенные Алном в порядок локоны, граф осознал: больше жалеть ему уже не о чем. А когда оставшуюся на голове растительность целитель вымазал чем-то светло-серым и обернул куском полотна, а затем так же рьяно принялся за холеные усы, четко понял, смотреть на результаты этой работы не желает.

На слово верит, что стал неузнаваем.

– Добрый день, матушка Тмирна, – Олтерн в сопровождении верных телохранителей шел им навстречу через пустынный проходной зал, – идем в мой кабинет. Всем, кого ты назвала, я приказал тоже прийти туда. А это кто такие?

– Надежные люди, – твердо заявила монахиня и пристально поглядела на герцога. – Лучше скажи, как продвигается освобождение осужденных?

– Хорошо, почти половину уже отпустили. Ты же знаешь, им нужно отдыхать сутки после того, как вернется память, чтобы прийти в себя.

– Убил бы того, кто придумал такое наказание, – тихо прорычал Маст, и Дагорд согласно кивнул:

– И я.

– Один из советников прадеда нашего короля, – ответила шагавшая впереди монахиня, – и тогда это было признано лучшим выходом. Не нужно строить тюрьмы и тратить деньги на продукты и тюремщиков. Вместо того чтобы запира́ть человека в клетке – просто запереть в его голове память о его делах, желаниях, имени и статусе.

– А потом он словно просыпается и обнаруживает, что жил так, как никогда бы не позволил себе до потери памяти, – горько выдохнул Арвельд.

– Ну, если бы до потери памяти они были осмотрительнее и не забывали о преданности королю, то их никто бы ее не лишил, – свысока обронил Эфройский.

– Ты не прав сейчас, Олтерн, – ледяным тоном оборвала его нравоучение Тмирна, – и прекрасно это знаешь. Многие получили чрезмерное наказание, можно было назначить им просто штраф или опалу. Я требую, чтобы ты не забывал об этом даже в неофициальных беседах. Иначе перестану помогать.

– Извини. – Герцог отлично помнил про их тайный уговор, заключенный при важных свидетелях, и об обстоятельствах коронации Лоурдена. – Я погорячился. Конечно, в тот момент дознаватели разбирали каждый день по несколько десятков дел, оттого и ошибки.

– Это не ошибки. Это преступление, не меньшее, чем продажа зерна мятежникам. Они старались быстрее отделаться от толп задержанных и не задумывались, что их спешка обернется чьими-то разрушенными жизнями, разбившимся счастьем, потерянной любовью, беспризорными сиротами и морями горя. Все правители всех веков обычно куда-то спешат, решая чужие судьбы: на войну, в поход, на коронацию или на свадьбу. Свои дела ведь всегда важнее чужой боли и горя.

– Тмирна! – Советник уже ругал себя за сорвавшиеся с губ слова, он почти не спал этой

ночью, подняв на ноги всех шпионов и ищеек после неожиданного исчезновения Дагорда с тихоней, и очень устал, вот и ляпнул то, что привык говорить много лет, даже не задумываясь над тем, верит ли в это сам. – Прости. Я все знаю и так не думаю, это просто пропажа Змея с Эстой меня так сильно расстроила. Я уже отправил в ту сторону всех агентов и поговорил с магами почтовой гильдии. Хоть и очень неохотно, но они дали мне карту всех башен южной провинции.

– Хорошо, – смилостивилась монахиня, – но больше не забывай об этом. И поставь самых внимательных и сердечных из своих помощников решать имущественные и прочие проблемы освобожденных, сейчас будет много споров и тяжб.

– Поставлю, – вздохнул он, – где бы еще найти таких столько, сколько нужно.

– Возможно, я подскажу, – веско обронила монахиня, и Змей ухмыльнулся.

Вот теперь ему ясно, для чего она вывела Эфройского на этот разговор.

– Обязательно приму все твои рекомендации, – серьезно прищурился Олтерн, явно пришедший к такому же выводу. – А пока прошу сюда.

Слуга, стоявший у дверей, распахнул створки, и Змей вслед за всеми вошел в один из самых любимых кабинетов герцога Эфройского. Повинуясь выразительному взгляду настоятельницы, скромно прошел к диванчику, стоявшему в самом дальнем и плохо освещенном углу. Маст сел с другого края того же диванчика, слишком не приближаясь к недавнему недругу, но и не оставляя его без присмотра.

А Дагорд не особенно присматривался к обещанному ему напарнику, очень надеясь, что им удастся быстро отыскать ту башню и открыть туда портал. Ворваться отрядом, перебить бандитов и вытащить из кладовки или камеры самоуверенную глупышку... в этом месте его мысли путались, и он никак не мог заранее решить, каким тоном будет с ней разговаривать и какие слова скажет. И со все возрастающей досадой понимал, что едва представив себе голубые глаза Эсты и нежный шепот – «зайчик», начинает думать вовсе не о том, как ее ругать или наказывать. Теперь он точно знал, что сильно погорячился, намереваясь отобрать у нее кольцо. Нет, такого она не дождетсЯ, особенно теперь, когда Тмирна всем объявила об этой помолвке. Но вот запереть глупышку в какой-нибудь дальней башне... или увезти в охотничий домик, эдак на полгода... пожалуй, все же постарается.

– Мы проверили все башни, три больше других подходят под ваше описание, – отчитывался в это время один из дознавателей. – Но когда маги открыли туда проходы для отрядов гвардейцев, выяснилось, что две не полностью совпадают с описанием. Одна находится в долинке и с нее видны заросшие лесом ближние холмы, а скалы почти скрыты за ними. А со второй хотя и видны скалы, зато она в центре маленького городка и имеет всего три этажа. А вот попасть на третью башню оказалось невозможно. Маги объяснили, что так бывает, когда в порталном амулете башни кончается магия или кто-то просто вынимает из него накопители.

– Этот кто-то обязательно должен быть магом? – мгновенно задал вопрос Олтерн, и Дагорд согласно кивнул, он тоже хотел спросить именно это, хотя давно знал, как и все, что маги почтовой гильдии не терпят, когда кто-то вмешивается в их работу или требует чего-то особенного. И даже не допускал до этого времени мысли, что кто-то захочет лезть в порталный амулет, запертый в ларце, вмурованном посередине каждой порталной площадки.

– Они не желали отвечать, пришлось показать королевский договор. Вот после этого объяснили: иногда клиенты пытаются самостоятельно менять накопители, и с такими гильдия ведет непримиримую борьбу, – обстоятельно доложил сыщик, поднимая на герцога взгляд воспаленных от бессонницы глаз.

– Значит, пусть проверят, не произошло ли такое самоуправство на той башне, и откроют нам на нее проход, – резко скомандовал герцог.

– Они уже пытаются, – удрученно произнес Наерс, сидевший до этого момента молча, исподтишка присматриваясь к приведенным монахиней людям.

Кого-то они напоминали имевшему отличную память на лица старшему дознавателю, хотя если бы потребовалось в этом поклясться, он скорее всего признался бы, что ошибся.

– Какая из башен ближе всех к той, упомянутой? – спросила настоятельница, и Змей подобрался, ему показалось, он угадал смысл ее задумки. Собирается сказать, что нужно перейти туда, купить лошадей и скакать во весь опор. И он уже согласен, хотя это и займет день или два, но быстрее все равно не получится.

– Немедленно выдайте моим людям пеналы, капсулы и большую пирамидку и отправьте их туда, – подтвердила Тмирна. – Если маги найдут другой способ, то мы сможем послать им письмо или капсулы с направлением. И не забудьте выдать денег.

– Может быть, выдать им другую одежду и оружие? – осторожно осведомился один из гвардейских офицеров, с очевидным пренебрежением рассматривая неказистые одеяния наемников, приведенных монахиней. Довольно заурядных, нужно сказать. Оба стрижены коротко, так что волосы лишь прикрывают уши, обоим хорошо за тридцать. Хотя плечистый и загорелый блондин явно помоложе. У темноволосого уже седина густо пробилась в пряди, неровно свисающие на виски и лоб, а опаленные брови и неопрятные усы говорят о том, что он недавно попал в потасовку или после лишней кружки вина повстречался в кабаке с очагом. А может, и с факелом ночного стражника, каких нанимают жители небогатых городков и поселков. Да и взгляд у него нехорошо мрачный, и эту мрачность подчеркивают глубокие морщины, прорезавшие переносицу и протянувшиеся от крыльев носа к подбородку.

– Не нужно одежду, – тихо сообщила Тмирна, – и так сойдет.

Змей снова едко ухмыльнулся, пока он сидел у целителя и потом наспех переодевался в его мыльне, успел оценить и удобство потайных карманов, и качество теплой подкладки неказистой куртки и плаща. И еще некоторые важные детали, вроде спрятанных в самых неожиданных местах иголок, пилочек и спиц, которые любезно показал ему хозяин подземного лазарета.

– Тогда я сейчас все выдам, идите за мной, – поднялся с места Наерс и направился к двери.

– До встречи, – кивнула напарникам Тмирна, и они, дружно поднявшись с диванчика, молча покинули кабинет.

Гадать, для чего монахиня развела такую таинственность, не желал ни один из них, по разным причинам. Арвельд пока не очень доверял Олтерну и его людям, а в памяти Змея еще очень живо было предательство старых слуг. Хотя он и не мог припомнить, обидел ли их когда грубым словом или каким-то действием, и предпочитал думать, что они просто получают слишком хорошее жалованье на новом месте и потому так им дорожат.

По коридорам и залам до знакомой Дагорду комнаты, где хозяйничал Наерс, странные наемники шли молча. Ничего не сказали и в кабинете, когда, выдав все необходимое, дознаватель попытался осторожно задать самые обычные вопросы, хватит ли им денег и знают ли они, как пользоваться пирамидкой. Только кивали, рассовывая все по карманам. И Наерс делал вид, что вполне удовлетворен таким общением, хотя его профессиональное любопытство просто коржило от недостатка сведений.

И только когда седой наемник, видимо сообразив, что они будут подозрительно выглядеть без дорожных мешков, но со шкатулкой в руках, уверенно направился в сторону кладовушки, в которой старший дознаватель хранил дорожные вещи и оружие для своих агентов, Наерс не выдержал.

– Скажите, что вам нужно, и я принесу... – Слова замерли у него на губах, когда наемник, откинув со лба неровные, словно обгрызенные пряди, окинул дознавателя таким знакомо-насмешливым взглядом темно-серых глаз, казавшихся в тени челки почти черными. – Дагорд?!

– Нет, – ответил наемник голосом Змея, – не знаю такого.

– Но вы же... – Дознаватель захлопнул рот, сообразив, наконец, что вовсе не зря его

командир ходит тут в каком-то сером тряпье, и поспешно полез отпирать ящик стола, где хранил самые ценные амулеты и вещицы. – Вот, особые зелья, все, что написано, действует наоборот. А вот еще деньги, чтобы хватило на лучших лошадей и седла.

– Вот так всегда и выдавай тем, кого приводит Тмирна, – строго произнес граф, бросая своему напарнику один из мешков, – и дай на всякий случай еще одну пирамидку, хоть малую.

– Большую дам, – понимающе кивнул Наерс, выдвигая другой ящик стола. И уже через пару минут торопливо шел впереди снова молчащих наемников, провожая их к портальной башне.

– Верни-исся... – еще звенел под сводами башни тоскливый, полный горя крик девчонки, а один из стоящих в коридоре мужчин, невысокий и стройный, уже опомнился и отдал категоричный приказ:

– Немедленно все собираем и уходим. Кэнк, запасной план. Самир, если она не заткнется и не захочет идти добровольно, дайте ей успокаивающего. – Но Эста уже молчала, нарочито изумленно тараща глаза на главаря, раздававшего жесткие приказы мелодичным женским голосом.

– Быстро иди за мной! – рявкнул на девушку плечистый мужчина, но она сначала бросилась к шкафу и схватила плащ, за что ее грубо сцапали за руку и поволокли прочь.

Однако, выведя тихонько всхлипывающую пленницу на улицу, бандит смиростивился, подождал, пока она оденется, и только после этого легко забросил на спину лошади, впереди объемистых тюков с грузом. Глупышке достался только краешек горного седла, более мягкого и широкого, чем седла гвардейцев, зато можно было облокотиться на мешки.

– Говорят, ты на лошади ездить умеешь? – Его насмешливый вопрос показал Эсте, что ничего из той болтовни, какой она вчера кормила бандитов, не прошло мимо их ушей.

И более того, все было записано и передано их госпоже, чье лицо, скрытое за низко надвинутой шляпой и поднятым воротником, тихоне удалось рассмотреть не очень хорошо, но вполне достаточно, чтобы сделать довольно смелые предположения.

– Умею, дяденька, – последний раз всхлипнула тихоня и перехватила покрепче поводья.

Притворно рыдать она, конечно, могла бы и еще, тем более в сердце острой занозой сидело понимание, как именно воспримет ее поступок Змей. Но были две очень важные причины, по которым этого делать не стоило. При все ярче разгорающемся свете нового дня ее личико вскоре можно будет рассмотреть во всех подробностях, и размазавшиеся веснушки наведут бандитов на нежелательные подозрения и догадки. А кроме того, таких суровых и выдавших виды женщин, какой показалась девушке атаманша этой банды, девичьими слезами пронять невозможно, да и все хитрости монашки она разоблачит намного быстрее своих подчиненных.

– Тогда езжай вон за ними, да не вздумай сворачивать или бежать. Здесь безопасная тропа только одна.

– Угу, – кивнула тихоня, хихикая про себя.

Знал бы он, что ее и силой сейчас невозможно заставить свернуть или убежать!

Уверенно направив лошадь вслед за чередой всадников и тяжело нагруженных животных, неторопливо поднимающихся по вьющейся между скал и камней тропке, Эста словно ненароком оглянулась на дом, ставший важной вехой в ее жизни, и с досадой прикусила губу. Дома не было. Крыши, которые она рассмотрела вечером в окно, когда якобы выбирала более удобную спальню, были возведены над старинными руинами, превращая их в стойла для нескольких десятков лошадей и склады с припасами. А то, что было некогда двориком, нынешние хозяева башни превратили в часть дороги, нырявшей в ворота с востока, со стороны поросшего лесом ущелья. И сейчас весь дворик был завален узлами, мешками и сундуками, которые крепкие, ловкие мужчины

подтаскивали из башни и из складов и грузили на лошадей и редких в королевстве шаргов.

Значит, решили бросить это логово, с сожалением вздохнула девушка, вознося молитву Святой Тишине, чтобы у них хватило ума не поджигать башню после ухода. Никакой выгоды это им не даст, а вот ищейки Олтерна не смогут не заметить столб дыма на фоне заснеженных вершин дальнего хребта.

Ехали бандиты неторопливо, но почти без остановок, да и, как оказалось, останавливаться здесь было негде. Зато на нескольких площадках, бывших немного шире, чем тропа, путников ждали уголки для уединения, отгороженные выложенными из камня стенками, и подвешенные на столбе или просто на вбитом в стену крюке корзины. Проезжая мимо, оттуда можно было взять сверток с едой или фляжку с кисленьким напитком. Эста встречала такую заботу о путниках впервые и не преминула взять и сверток, и фляжку.

В свертке оказался небольшой пышный хлебец, всего с ладонь размером, испеченный не далее как вчера, несколько нетолстых кусочков прикопченной кабанины и маленький круглый овечий сырок, какие обычно хранят в рассоле. Его Эста лишь попробовала, но есть не стала, слишком солоноват. Да и остального скушала только половину, дальше таких корзин вполне могло и не оказаться.

После нескольких часов пути Эсту начало удивлять странное поведение спутников. Необычное тем, что на молодую девушку никто из мужчин не обращал ни малейшего внимания. Упорно не замечали, словно она была невидимкой. Не разговаривали и не окликали, не предлагали еды и ничего не спрашивали. Но осторожные, испытующие взгляды спутников сестра Тишины чувствовала затылком, а подняв руку с неразлучным браслетом, будто бы оправить капюшон плаща, видела их в крошечном зеркальце. И старательно не подавала виду, что знает про эти осторожные, изучающие взгляды, притворяясь неимоверно расстроенной и подавленной разлукой с женихом.

Хотя притворяться особо и не приходилось, тихоня не без оснований предполагала, что жениха у нее скорее всего уже нет. Не такой Змей человек, дабы стерпеть подобное оскорбление. И произошедшее между ними ночью не будет значить для него ровно ничего. Хотя Дагорд был с ней так безупречно нежен и бережен, столько нашептал ласковых слов... Мечтательная улыбка тронула губы монашки, но уже через минуту померкла от невыносимой горечи воспоминания о том, как они со Змеем расстались.

Разумеется, в глубине души Эста очень надеялась уговорить Змея простить ее, во всяком случае, она сделает для этого все возможное и невозможное. Однако сведения, хранящиеся в секретном сейфе старшей сестры, подтверждали очень категорично: он никогда не возвращается к обманувшим или разочаровавшим его любовницам. И не верить этому у девушки не было никаких оснований, как и считать, что она чем-то лучше всех холеных красавиц, чьи портреты были собраны у настоятельницы в папке с надписью «Граф Дагорд аш Феррез».

Длинный подвесной мост, перекинутый через глубокую пропасть, прогнулся под тяжестью идущего через него каравана и раскачивался от свистящего по ущелью ветра, но никто не паниковал и не отступал. Только с лошадей слезли и шли впереди них, ведя в поводу. Эста тоже молча слезла со своей лошади и храбро подступила к выбеленным солнцем и дождями и вытертым не одной сотней ног дощечкам моста, явно сделанного контрабандистами. Зная наверняка, протестовать бесполезно. Не пойдешь сама, повезут в виде тюка на спине лошади, а это намного хуже с точки зрения безопасности. Лошадь может испугаться или поскользнуться, и у нее нет рук, чтобы ухватиться за веревочные перила.

– Если боишься, иди следом за мной. – Откуда появилась атаманша, монашка не заметила.

Решив оставить на потом выяснение, кто из новых спутников остался человеком, а кто стал монстром, Эста просто приказала себе расслабиться и не следить ни за звуками шагов, ни за негромкими приказами.

- Ничего я уже не боюсь, - расстроено вздохнула девушка и ступила на досточку, ведя за собой свою лошадку.

Через мостик Эста шла покорно и понуро, и никто не смог бы заподозрить, что в это время она чутко прислушивается к происходящему за спиной. А захватившая тихоню в плен женщина неотступно следовала за ней. Это могло ничего не значить, просто так совпало, вот только Эсту не один год учили не верить в совпадения, особенно когда они происходят слишком часто. И искать того, кто их подстраивает и кому они выгодны. Вот и теперь, вряд ли атаманша идет следом просто так, но разбираться в куче предположений, почти ничего о ней не зная, Эста не стала. Просто старательно смотрела под ноги, не дай Святая Тишина, попадется треснутая или сломанная дощечка.

Но тайком поглядывая по сторонам и внимательно прислушиваясь к шагам и тихим словам бандитов, девушка упорно пыталась восстановить в памяти взгляды и слова старых слуг из башни. И хотя Эсту что-то в их поведении все-таки настораживало, тем не менее не вызывало неприязни и отторжения, как откровенное притворство или ложь. Своим чувствам сестра Тишины привыкла доверять, натренированная в специальных играх и ловушках и не раз проверенная интуиция подводила очень редко. И если она молчала сейчас, то наверняка это не они выдали Змея. Даже если и узнали графа каким-то образом, что абсолютно нетрудно, с его-то запоминающейся внешностью.

Сестра Тишины снова поймала себя на том, что ее мысли, сделав круг, невольно вернулись к Дагорду, и грустно усмехнулась. Если он со всеми своими женщинами вел себя так же, как с ней, она может понять, почему они потом так упорно его преследовали. В памяти само возникло вдолбленное сестрами и всегда казавшееся очень правильным утверждение: девушка, бегающая за охладевшим к ней мужчиной, - это невыносимо унылое и смешное зрелище, и Эста не стала сдерживать тяжелый вздох. В конце концов, она сейчас не в зале под пристальными и заинтересованными взглядами придворных, как еще недавно стояла за спиной герцога, и не в кабинете матушки Тмирны, под не менее бдительным присмотром. А шагает по покачивающемуся над пропастью хлипкому мостику, под свист все усиливающегося осеннего ветра и не питает никакой надежды на быструю встречу со Змеем.

Глава 3

К вечеру, остановившись только один раз на обед в полого поднимающейся лоштинке, отряд добрался до места, откуда, казалось, больше нет никакой дороги. Нагромождение рвущихся вверх темных скал перекрывало сузившееся ущелье так надежно, что только свернув в тесную расщелину, Эста сумела рассмотреть темный и узкий, как нора, вход.

Возле него все спешили и дальше вели коней в поводу. Порядком уставшая девушка по-прежнему молча последовала общему примеру, уже давно сообразив, что спутники рады ее покорности и терпеливости. Беспокоило ее другое, к концу пути Эста поймала на себе не один заинтересованный и оценивающий мужской взгляд, и хотя отлично поняла их значение, больше не намерена была играть в кокетку. Вовсе не для людей такого сорта и не для подобной ситуации эта роль, и привести может только к неприятностям. А их у тихони и так уже было более чем достаточно.

Узкий, неудобный проход привел в небольшую пещеру с расчищенным от камней и немного выровненным полом, где работало несколько десятков мужчин. Разгружали лошадей и уводили в освещенный масляными фонарями проход, который виднелся в самом дальнем углу пещеры, а в другую сторону относили вещи.

– Иди за мной. – Голос атаманши к вечеру приобрел легкую хрипотцу, но не потерял ни капли твердости и властности.

Уже привычно не говоря ни слова, Эста с показной покорностью поплелась следом за женщиной, направившейся в сторону таскавших груз бандитов, тайком приготовившись к самому неожиданному и неприятному повороту в своей судьбе. И намереваясь сделать все, чтобы никому из любителей распоряжаться чужими судьбами больше никогда не захотелось этого повторить.

Однако мимо подчиненных хозяйка прошла, даже не замедлив шаг, а свернув за один из выступов, уверенно шагнула в тень. Если бы Эста не слышала отчетливо ее уверенное дыхание и легкие шаги, различимые лишь по шороху одежды и скрипу песка, то непременно остановилась бы, решив, что женщина прошла сквозь магический заслон. Амулеты, способные создавать такую преграду – вещь крайне редкая и дорогая в их нищем на магию королевстве. Хотя не совсем уж невозможная.

Но поскольку заслона все же не оказалось, тихоня спокойно шагнула на едва различимую ступеньку лестницы, привычно запоминая и повторяя рванный ритм. Шесть шагов подряд, крохотная пауза, как будто торопливые ножки атаманши переступили через ступеньку, еще три шага, снова пауза...

Выбор между вероятностью разоблачения и возможностью попасть в ловушку тихоня сделала не колеблясь. Перебрав за время пути в памяти все вопросы, заданные вечером кухаркой, и все слова ее мужа, Эста нашла для себя наиболее правдоподобный ответ, почему бандиты так быстро примчались в башню. Определенно, в поместье Олтерна у них остался доносчик, сумевший прислать сюда отчет, другого объяснения пока не находилось. Да и зачастую самое простое толкование оказывается самым верным.

Ну а раз он написал про Змея, значит, мог написать и про нее, и тогда бандиты с ней сейчас просто играют, как куча матерых котов с несмышленной мышкой. И в таком случае, чем быстрее все раскроется, тем лучше, не придется веселить хозяйку этого логова нагромождением лжи, которую потом самой же придется объяснять.

– Ни одного промаха. – В усталом голосе атаманши, стоявшей на верхней площадке темной и узкой каменной лестницы, слышалось торжество.

Не понять ее было невозможно, но Эста, выбираясь в вырубленную в скале тускло освещенную комнатку с давяще-низким потолком, продолжала упорно молчать. Как бы то ни было, первой раскрывать свои тайны предстоит не ей.

– Молчишь? Ну хорошо, молчи и дальше, но учти, никому твое молчание пользы не принесет. – Женщина откинула капюшон плаща и пошла под низкую арку в тесный коридорчик. – Мыльня в конце этого прохода, вода сегодня только холодная. Твоя спальня вторая справа, моя напротив. Как умоешься и устроишься, придешь ко мне, прислужишь за ужином. Поняла?

- Поняла, госпожа, - покорно прошелестела тихоня, направляясь смотреть свою спальню.

Сказать, что комната ее удивила, было бы неверно, именно этого Эста и ждала. Спальня чуть больше тюремной камеры для одиночек, лежанка - просто оставленный не вырубленным камень, потолок едва не задевает голову, и никакого окна. Только из пробитого под потолком отверстия сочится холодный воздух, оседая капельками росы на вездесущей паутине.

Девушка ловко растрясла набитый соломой тюфяк, расстелила грубый кусок кошмы, заменяющий и простыни, и одеяло, и решительно направилась искать мыльню. В то, что они останутся жить в этом каменном каземате, ей упорно не хотелось верить.

- Проходи, быстро ты. - То ли насмешка, то ли похвала прозвучала в голосе атаманши, когда тихоня, вежливо приоткрыв тяжелую и низкую дверцу, спросила разрешения. - Пока еду не принесли, можешь застелить постель.

Эста кивнула и принялась за дело. В этой комнате лежанка была такой же, но поверх камня лежала в несколько слоев кошма и шерстяной тюфяк. И простыни были, хотя и из неотбеленного полотна. Были даже подушки и меховое одеяло. А вот окна здесь также не было, и это укрепило веру тихони в то, что они находятся не в логове, а всего лишь в оборудованном для ночлега месте.

- Можно? - Мужской голос прозвучал очень уверенно, и Эсте стало ясно, спрашивает пришедший просто ради того, чтобы предупредить о своем визите, а не в ожидании разрешения войти.

- Да, - наблюдая за ловкими руками пойманной девчонки из застеленного мехом кресла, устало откликнулась госпожа.

К этому моменту она уже повесила на крюк свой плащ и сменила плотную куртку на мягкую и теплую кофту из нежно-серого пуха, а сапоги на отороченные мехом бархатные ботиночки. И хотя сняла пояс с оружием, зато по-прежнему оставалась в мужских штанах. Вот теперь у Эсты больше не было никаких сомнений, кого она видит перед собой, и она изо всех сил старалась сохранить на лице ровное, безразличное выражение. А ведь еще недавно считала: ничто не способно заставить ее обнаружить свои истинные чувства. Не знала только, как трудно оставаться равнодушным к тому, кто по своей прихоти или злобе исковеркал твою жизнь и жизни всех членов твоей семьи.

Несостоявшаяся королева Леонидия, несмотря на то, что все королевство ее давно похоронило, оказалась живой и здоровой. Хотя и раньше Тмирна и Эста, да и кое-кто еще догадывались об этом, точных сведений не имел никто. И только Олтерн не догадывался, а чувствовал любящим сердцем... хотя, возможно, не только он один.

- Я принес ужин. - Вошедший был плечист и высок и так привычно пригибал голову, проходя под неровным потолком, что Эста могла поклясться Святой Тишиной, по этой комнате он ходит далеко не в первый раз.

- Поставь корзинку на стул, Эста накроет. - В голосе Леонидии звучала легкая ирония, но тихоня успела собраться и не выдала свое удивление ни вздохом.

Пока они не добрались до окончательной цели путешествия и она не разобралась в целях, численности и возможностях этой банды, девушка намерена была выказывать максимум доброжелательности и даже преданности. И пусть они ей не поверят... на проверку и доказательство нужно время.

- Ты уже решила, за кого выдашь ее замуж? - Оставив корзину, где было велено, мужчина придвинул свое кресло к креслу госпожи и поспешил усесться, облегченно вздыхая.

- Пока нет, - так же откровенно ответила Леонидия, - нужно дать девочке время оплакать свою первую любовь.

- Глупость это, - поморщился бандит, - в объятиях мужа быстрее забудет этого бабника.

Надо же, какие все осведомленные, гневно сжала зубы Эста, и заботливые, просто как

родственники! Но, несмотря на злость, немудреную посуду и еду расставила по столу с привычной быстротой и сноровкой.

– Подала? Поставь себе тарелку, – приказала Леонидия и, бдительно следя за руками девушки, добавила, – положи всего, что хочешь, и не стесняйся.

Тихоня только ехидно усмехнулась про себя, несостоявшаяся королева даже не представляет, как облегчила ей сейчас понимание своих потаенных опасений и забот. Выходит, она живет в постоянном страхе за свою жизнь, раз так намертво въелась в сознание привычка проверять, не собираются ли ее отравить. Уж если она, даже заехав после трудного многочасового перехода по горным тропам на ночлег в потайное местечко, где почти невозможно подстроить попытку убийства, не забывает об осторожности, значит, для этого имеются достаточно веские причины. И в таком случае у Эсты есть шанс стать очень нужным человеком для беглой королевы. Хотя, теперь ни один суд ее таковой уже не признает, если она вздумает явиться во дворец. Один из прадедов ее бывшего мужа, озверев от капризов своей супруги, издал указ, по которому королева считается разведенной, если без уважительной причины больше недели не ночует в супружеской спальне.

– У, как ты вкусно все разложила, – предсказуемо протянула Леонидия, – я так не смогу. Дай мне эту тарелку, а себе положишь в мою.

– Вот, – протянула ей Эста еду, к которой не торопилась прикасаться и заметила, как почти неприметно напряглись кулаки их сотрапезника. – Господину тоже положить?

– Я сам, – сверкнул он раздраженным взглядом, – положи сначала себе.

Ели они в полной тишине, и по тому, сколько еды принес бандит, которого атаманша звала Кэнк, и как торопливо и без стеснения он ее поглощал, тихоня точно определила, что и ужинают они вместе далеко не в первый раз. Сам собой напрашивался вывод, ночевать Кэнк скорее всего останется тут же. И тогда можно больше не упрекать Олтерна в том, что, мечтая о любимой, герцог в открытую содержал в своем доме полный штат фрейлин.

– Спасибо, – доев, вежливо поблагодарила Эста. – Мне подождать, пока вы поужинаете, или утром прийти?

– А она сообразительная, – запивая мясо белым вином, ухмыльнулся Кэнк, – и из благородных. Видела, как ест? Думаю, как раз подойдет Тижану.

– У нас еще хватает неженатых парней постарше его, – отрезала Леонидия и строго глянула на Эсту. – Иди, отдыхай. Утром рано разбужу.

– И дверь не запирай, – ухмыльнулся Кэнк, – возможно, кое-кто захочет тебя утешить.

– Я им утешу, – всерьез разозлилась на него атаманша, – иди, скажи, кто посмеет подняться наверх – будет наказан.

– Да я только сапоги снял, – слишком бурно возмутился бандит, – если ей нужно, пусть сама идет и объявляет.

– Я не пойду объявлять, – кротко сказала Эста, – может сходить тот парень, что стоит за дверью.

– Кто там стоит? – нахмурившись, спросила Леонидия и встала с кресла, намереваясь посмотреть.

– Позвольте, я открою, госпожа? – еле слышно прошелестел вопрос тихони, и атаманша, утвердительно кивнув, опустила на свое место.

И сразу замерла, заинтересованно следя, как девушка уверенно подходит к дверке и резким рывком распахивает ее настежь. Бандит, прислонившийся к двери с той стороны, от неожиданности влетел в комнату и раздосадованно фыркнул, обнаружив себя напротив сверкающей разъяренным взглядом госпожи.

– Что ты делал под дверью моей комнаты, Тижан?

- Так это... - озадаченно замотал кудрявой головой молодой парень, - познакомиться хотел.

- Со мной?! - Голос Леонидии был полон сарказма.

- Нет, с ней. - Еще яростнее закачалась буйная шевелюра.

- Будем знакомы, меня зовут Эста, - кротко улыбнулась тихоня. - И теперь я служу камеристкой вашей госпожи.

- Но...

- Ты слышал? - грозно процедила атаманша. - Иди и передай всем, те, кто наберется наглости подняться наверх, будут строго наказаны. И могут сразу считать себя на завтра песочниками.

Бандит что-то недовольно пробурчал и нехотя покинул комнату, но Эста не закрывала дверь до тех пор, пока его шаги не стихли на лестнице.

- Я могу идти?

- А ты действительно решила стать моей камеристкой? - с неожиданной надеждой посмотрела на нее Леонидия.

- Если в цене сойдемся, - пообещала Эста, и сердито сопевший Кэнк язвительно заухмылялся.

Как видно, торгующиеся женщины были ему более привычны и понятны, в ответ усмехнулась про себя тихоня.

- Хорошо, утром поговорим, иди, - кивнула госпожа на дверь, и сестра Тишины покорно пошла прочь.

Но у самой двери на миг замерла, обернулась и кротко поинтересовалась:

- А если кто-то из ваших людей все же решится... проникнуть в мою спальню, что мне делать?

- Подвинуться, - развеселился бандит.

- Можешь делать все, - разрешила Леонидия, - только не убивай.

- Хорошо, - покорно кивнула девушка и теперь уже ушла окончательно.

Едва открыв дверь в свою каморку, тихоня поняла, здесь ее уже ждут незваные гости. Вот только определить, сколько их, один или больше, пока не могла. Зато дыхание того, который скрывался за выступом камня дальше по коридору, слышала отчетливо, в каменном убежище властвовала почти такая же тишина, как в ее родном монастыре. Девушка улыбнулась невидимой сестре и, не входя в комнату, направилась к тому бандиту, что сидел в засаде.

- Ты куда? - ударил в спину донесшийся из каморки горячий шепот.

- К нему, - не останавливаясь, уверенно сообщила тихоня в ответ.

- А я чем хуже? - Уже знакомый Тижан догнал девушку и схватил за рукав. - Ты не поняла?! Я ведь не играю! А жениться хочу.

- Прямо тут? - задумчиво переспросила Эста.

- Нет, пойдем в твою комнатку, - облапив ее как медведь, объявил парень, и, почувствовав, как прохладная ручка скользнула ему на шею, ухмыльнулся. - Или не терпится?!

Недовольно дернулся, почувствовав легкий укол, отметил, что нужно будет не забыть постричь ногти женушке, и начал тихо сползать по стенке на пол.

– Куда ты меня тянешь, – с притворной обидой проворчала Эста, расслышав, как стоявший в тени бандит шагнул к ним ближе. – Вот все вы такие! Ни цветочка девушке, ни колечка! Сразу обниматься и жениться!

– Я подарю тебе и цветочки, и колечки, – интригуя пообещал верзила низким голосом, надвигаясь на девушку. – Оставь этого молокососа.

– Уже оставила, – сообщила тихоня, – а ты тоже жениться хочешь? И тоже прямо сейчас?

– Ну да, догадливая моя. Идем к тебе.

– Там воздуха маловато, – загадочно объяснила она, крепко вцепившись в схватившую ее за талию руку.

– Полегче, милая, – недовольно цыкнул он, – когтищи-то отрастила!

– Какой нежный, – проворчала Эста, усаживая его рядом с Тижаном, – такой малости потерпеть не мог. Теперь, надеюсь, вам долго жениться не захочется.

В своей комнатке девушка первым делом заперла дверь на засов, проверила его крепость, потом прибавила свет в стоящей на маленьком столике лампе и села писать отчет. Стоявшую возле кровати госпожи высокую шкатулку, в каких хранили большие пирамидки, она не спутала бы ни с чем, даже если не сумела туда заглянуть, пока взбивала подушки.

Отправив пенал, тихоня очень тщательно перебрала и перепрятала свой арсенал, убрав самое ценное в атласный корсет телесного цвета, с которым не расставалась, когда была на работе, даже в купальне. И лишь покончив со всеми делами, перед тем, как устроиться на ночлег на жестком и холодном ложе, отважилась взять в руки единственную оставшуюся на столике вещицу. Старинное кольцо с изумрудом. Некоторое время рассматривала его, пытаясь представить носивших это фамильное украшение женщин и мужчин, угадать, счастье или горе оно им принесло, затем решительно поджала края ободка по своему пальчику и надела на тот, где положено носить кольца замужним женщинам.

Глава 4

– Ну, в чем дело? – подождав, пока стук в дверь превратится в грохот, сестра Тишины откинула засов и стремительно отступила, держа в руках лампу.

– Демонская девка! Как ты додумалась отравить моих воинов?! – мощным рывком распахнув дверь, рывкнул Кэнк и замер, подавившись невольным вскриком. – Пресвятые духи! Это что за нечисть?

В женщине, стоявшей гордо выпрямившись прямо напротив него, не было ровно ничего от вчерашней провинциалки. Ни в одежде, ни в лице. Впрочем, именно лицо он и рассмотрел в первую очередь, и вот оно-то и ввергло верного помощника Леонидии в глубокую оторопь. Никогда раньше он не только не видел такого, но и не мог представить себе девушку, способную добровольно так себя изуродовать. Черные и алые полосы, похожие на раны от острых когтей, капли сочащейся из них крови... только присмотревшись получше, Кэнк понял: все это нарисовано.

Да и одежда, которую он окинул взглядом чуть позже, стала другой, вместо чепчика голову пленницы прикрывала маленькая шляпка, обмотанная вуалью, вместо жакета почти мужская черная куртка, подпоясанная ремнем, с дерзко выставленным напоказ кинжалом, из-под укороченной юбки видны мужские штаны. Непонятно было, где она все это взяла, но еще сильнее стискивала душу тревога, а кого именно они привезли в тайное логово, от которого до их жилища осталось проехать всего несколько часов верхом?

– Не отравила, – ледяным тоном отрезала эта странная девушка, – просто положила поспать... и остыть. А как прикажешь обходиться с насильниками?! Вы ведь не простые разбойники... нетрудно было понять. Так почему начинаете действовать их методами?

– Что здесь происходит? – раздался недовольный голос Леонидии, и Эста тонко усмехнулась.

Девушка и на секунду не поверила, что та не стояла за приоткрытой дверью своей комнаты и не подслушивала.

– Ваш адъютант интересуется, почему его люди спят у меня под порогом, – с ледяной вежливостью пояснила сестра Тишины и скривила губы в едкой усмешке, отчего ее ужасное лицо показалось Кэнку особенно зловещим.

– Кто именно? – Хозяйка отважилась выйти в коридор и рассмотреть мужчин, слаженно похрапывающих, привалившись друг к другу. – А, Тижан! Я же послала его сделать объявление!

– Он решил начать с моей комнаты, – холодно пояснила Эста, с удовольствием наблюдая, как меняется взгляд Леонидии по мере того, как та осознает, что видит перед собой вовсе не ту девчонку, которая прислуживала ей за ужином.

– А как их разбудить? – Кэнк угрюмо смотрел на пленницу, догадываясь по ее новому облику, сколько неприятностей доставит ему эта перемена.

– Сами скоро проснутся, – сухо пояснила тихоня и, глядя только на Леонидию, добавила: – Госпожа... я принимаю предложение стать вашей компаньонкой.

– Вчера речь шла о камеристке! – едко ухмыльнулся адъютант.

– Или секретарем, – уточнила Эста, – на цену это не повлияет.

– А ты считаешь... – Атаманша на миг запнулась. – Мы договоримся о цене?

– Несомненно. Хотя она и будет очень велика, но жизнь ведь дороже.

– Да разве это жизнь, – с внезапной тоской выдохнула хозяйка, помолчала и, искоса глянув на помрачневшего Кэнка, поправила: – Но ты права. Я готова платить.

– Значит, сопровождающий секретарь, – окончательно определилась с должностью Эста, – с правами телохранителя.

- Ха! – с ядовитым весельем фыркнул злой, как весенний медведь, Кэнк. – Наглость в ней растет, как тесто на бешеных дрожжах!

- Неверное определение. – Эста больше не желала выражаться, как юная провинциалка. – Не наглость, а уровень взятых на себя обязательств. Как мне вас называть, госпожа?

- Так и называй, «госпожа»! – рыкнул раздосадованный адъютант, уже считавший вчера Тижана устроенным.

- Госпожа Ниди, – тихо произнесла несостоявшаяся королева, – ведь ты меня узнала?

- Разумеется. Потому и взяла этот контракт, что его оплатой смогу закрыть тот, что на мне висит, – одновременно откровенно и туманно объявила Эста и перешла к обыденным вопросам, – где и как мы будем завтракать?

- Сейчас скажу, чтобы принесли еды. – Кэнк дождался от подружки повелительного кивка и почти бегом ринулся к лестнице.

- А мы пока обсудим с тобой оплату. – Скользнув неприязненным взглядом по похрапывающим подчиненным, атаманша направилась в свою комнату. – Но не представляю, как ты будешь вывозить отсюда золото. Сама понимаешь, мы не храним деньги в гномьем банке.

- Ну если бы я взяла деньги, то воспользовалась бы вашей пирамидкой для отправки их друзьям, – входя следом за ней и накрепко запирая дверь, твердо пояснила тихоня, – но я намерена взять дом или поместье в придачу к информации.

- К информации?! – Леонидия побледнела и с надеждой глянула на дверь.

- Госпожа Ниди! – с укором уставилась на нее Эста. – Зря вы так испугались! Просто пока еще не знаете последних новостей! А когда узнаете, поймете, ваши секреты имеют какое-то значение всего для двух-трех человек, которые испытывают к вам личный интерес. А всему Ардагскому королевству больше совершенно не интересно, что делает несостоявшаяся жена бывшего короля!

- Последних новостей? – еще больше побледнела та. – Как хорошо, что мы заговорили сейчас! Расскажешь мне немедленно?

- Конечно, – помедлив всего секунду, кивнула Эста и метнулась к двери. – Кэнк идет.

Она успела неслышно отпереть засов и вернуться к столу, когда дверь резко распахнулась, и ворвавшийся адъютант смерил их испытующим взглядом.

- Вот еда.

Тихоня немедленно достала скатерть и расстелила на столе, отметив про себя, что остатки ужина кто-то убрал еще раньше, расставила тарелки и принялась их заполнять, следя краем глаза, как успокоенный Кэнк выглядывает в коридор, проверяя, не проснулись ли его друзья.

- Яда нет, – проведя над миской с политым медом творогом и над еще теплыми лепешками, сообщила она деловито. – Можете кушать спокойно.

- Как ты это определяешь?

- Амулет, – не стала скрывать Эста, – привязан ко мне кровью.

- Дорогая вещь, – подозрительно прищурился Кэнк и вдруг заметил на заветном пальце свежее испеченного секретаря нагло поблескивающее зеленым камнем кольцо. – А это откуда?!

- Амулет? – подняла делано-непонимающий взгляд Эста. – Это подарок матушки.

Которой именно, уточнять она не стала, не его это дело.

- Нет! – свирепея, прикрикнул адъютант. – Кольцо откуда?!

- Это? - Тихоня подняла руку, полюбовалась загадочной игрой света в гранях и широко усмехнулась, намеренно придав своей улыбке вид звериного оскала. - Муж подарил. Фамильное.

- Кто твой муж? - в рыке мужчины звучало что-то затаенное.

- Граф Дагорд аш Феррез, - веско отчеканила она, гордо поглядывая на адъютанта, - или проще, Змей.

- Но разве это он был в башне?! - резко обернувшись, испытующе уставился на свою госпожу Кэнк.

- Конечно, он, - с превосходством ответила за Леонидию сестра Тишины. - А ты кого надеялся увидеть? Ведь кричал же, змей?!

И сама замерла от вспыхнувшей яркой молнией неожиданной догадки.

Пресвятая Тишина! Так вот кто должен был попасть в ту башню! И вот почему там его давно ожидали хорошо знакомые слуги! Ах, как кстати они пришли в поместье герцога все вместе, если бы не предусмотрительность матушки, вряд ли бы ей, Эсте, удалось выполнить второе задание! Ведь после того, как Олтерн оказался бы в разрушенном доме, за его жизнь и самый беспечный игрок на ступенях храма Всех Святых не дал бы жалкого медяка!

- Просто слово у меня такое, - всматриваясь в ее лицо, мирно проворчал Кэнк, - а каким образом Дагорд оказался в поместье герцога?

- По службе, - отрезала девушка, - но больше ничего не спрашивай. Лучше скажи, откуда он тебе знаком?

- Когда-то был кузеном, - саркастически усмехнулся адъютант, - правда, потом мы были по разные стороны передовой. Вроде как врагами стали.

- Кто-то идет, - предупредила Эста и принялась торопливо хозяйничать на столе, разливать горячий отвар, подкладывать на тарелки еду.

- Госпожа, все готово, - доложил пришедший бандит, - лошади нагружены.

- Выступайте, мы уже идем, - скомандовала Леонидия. - А Тижан пришел завтракать? Напомни ему, они с Зартом сегодня песочники.

А едва посыльный ушел, повернулась к тихоне и с мольбой уставилась в ее лицо.

- Ты новости обещала... про короля.

- Король теперь Лоурден, его отец отрекся в пользу сына. И первые два указа, которые молодой король подписал по просьбе отца, были о полной амнистии и о более строгом свадебном ритуале. Каждая невеста и жених должны будут три раза ответить «да» на вопросы, по любви ли они вступают в священный союз, и по своей ли воле.

- Как амнистии?! - неверяще помотал головой Кэнк. - Для всех?

- Да, - чувствуя, как у нее перехватило горло, тихо подтвердила Эста. - Мой отец и брат тоже были осужденными. И даже лишены памяти. А Змею герцог сказал, что уже распорядился привезти его братьев и кузенов. И еще сказал, они были на самой легкой работе, рубили лес.

- И куда Дагорд их поведет? - собирая сумки, мрачно ухмыльнулся бандит. - Поместье разрушено, а у некоторых появились жены и даже дети.

- Поместье ему вернули. Правда, не так давно, но один друг Дага уже несколько лет как выкупил его в аренду и держит там охранников. Змей собирался все восстановить, он на это деньги копит.

- Вот теперь я верю, что ты его жена, - усмехнулся Кэнк, - все знаешь. Не знаешь только одного. Помнишь, вчера мы проезжали длинный подвесной мост через пропасть? Так вот, то ущелье - граница королевских земель. И сейчас мы уже находимся на чужой

территории. А того моста, через который мы все сюда пришли, больше не существует.

– И кому же они принадлежат, эти камни? – деловито поинтересовалась Эста, опуская на лицо вуаль и застегивая пряжки плаща.

Говорить кузену жениха, что она отлично знает очертания не только границ родного королевства, но и всех крупных стран на этом континенте, тихоня считала излишним.

– Лет двести назад здешние места принадлежали гномам, а потом они выгодно продали весь Западный хребет Торемскому ханству. Но торемцы очень скоро поняли, что им эти горы и даром не нужны. Добывать, кроме мрамора и гранита, тут нечего, но возить мрамор по горным тропам не возьмется ни один самоубийца. А железные и медные жилы очень бедны, все значительные гномы выработали сами. Ну а таких самоцветов, как в Геркойских горах, тут и вовсе нет, – шагая по коридору к лестнице, пояснял Кэнк.

Монашка согласно кивнула, все верно, то же самое говорила и сестра Армиса. Но еще она говорила, что после ухода гномов труднодоступные внутренние долинки и высокогорные луга Западного хребта облюбовали беглецы из всех ханств и королевств, да контрабандисты, доставлявшие по местным тропам ювелирам Торема самоцветы из Дройвии. А назад они везли голубые жемчуга Лорейского моря, тончайшие шелковые кружева из Гардена и расшитые дивными узорами Торемские покрывала.

Оседланные лошади ждали их в паре сотен шагов от той пещеры, куда отряд прибыл вечером. К выходу из широкого, но низкого тоннеля идти пришлось пешком, но вот поговорить о серьезных вещах здесь не удалось. Везде сновали бандиты, подтаскивающие последние тюки и заканчивающие приготовления к отъезду, и за пять минут они вылили на Эсту значительно больше заинтересованности, чем досталось ей вчера за весь день. Многие старались подойти к девушке как можно ближе, чтобы рассмотреть ее во всех подробностях, и их озадаченные лица яснее, чем написанное на двери трактира объявление, выдавали всеобщее потрясение.

Сегодняшняя пленница отличалась от вчерашней, как шмель от бабочки, и большинство бандитов искренне жалело, что наивная и веснушчатая селянка сегодня скрыта под непроницаемой вуалью и строгим полумужским костюмом. Но еще больше поражало ее поведение и отношение к ней госпожи и ее верного телохранителя и помощника. Хозяйка почти дружески о чем-то тихо переговаривалась с девчонкой, на которую вчера поглядывала издали с задумчивым интересом.

И конечно, всех нестерпимо интересовало, почему обычно веселый и болтливый Тижан и хозяйственный Зарт мрачны, как зимняя выюжная ночь, и везут у седел снаряжение песочников.

Эста слышала все шепотки, ловила все взгляды и понимала настроение большинства из нечаянных спутников и их мысли. Не понимала только одного, почему у нее никак не складывается четкое видение взаимосвязи причин и следствия произошедших пятнадцать лет назад событий и происходящего сейчас. Чего-то пока не хватало в объяснениях герцога и в обрывках сведений, полученных от так и не ставшей королевой женщины. И все росла в мозгу девушки уверенность, что именно эта неизвестная пока информация и является главной, и только ее и хватит, чтобы оплатить ее собственный труд и необходимость обмана Змея.

Тропа, вильнув несколько раз между скал и перебравшись через пару подвесных мостиков, значительно более коротких, чем тот, который бандиты сбросили в пропасть, обрубив за прошедшей последней лошадью канаты, внезапно вывернула на сверкающий на нежарком солнце, гладкий, как лучшее фрезийское зеркало, язык ледника. Он лез из соседнего, более широкого ущелья, подходившего к тропе под углом, и полностью перекрывал путь сильно подтаявшим, скользким катком почти в полтысячи шагов в ширину. И его невозможно было ни обойти, ни миновать никаким иным способом, кроме одного – пройти напрямик.

Вот теперь Эсте стало понятно, что означает название «песочник» и почему оно считается наказанием. Оба ее ночных жениха нацепили на сапоги и накрепко привязали к ним широкие ступни, усеянные снизу острыми шипами, затем повесили на плечи

мешки с песком. И осторожно выдвинулись на лед, предварительно посыпая перед собой дорожку смешанным с золой песком. Как вскоре стало девушке понятно, случайно укатиться и погибнуть они не могли, у каждого за пояс была привязана длинная веревка, второй конец которой держали оставшиеся на тропе бандиты. Но все равно работа песочников оказалась очень тяжелой, требовалось осторожно продвигаться по льду вперед и очень тщательно насыпать перед собой дорожку из песка чуть более полушага шириной. Эста прекрасно понимала, как непросто несколько часов, которые потребуются, чтобы закончить прокладку тропы, провести в постоянном напряжении на слепящем глаза льду. Но как ни сочувствовали песочникам сообщники, желающих встать на их место не находилось. Лишь еще один из бандитов, по-видимому, тоже за что-то наказанный, сновал между замершим на последнем каменистом отрезке дорожки отрядом и первопроходцами, поднося им мешки, остальные терпеливо ждали.

– И как долго простоит такая тропа? – заинтересовалась тихоня.

– Ровно один день, – испытующе глянув на нее, веско сообщил Кэнк, – к вечеру она наполнится талой водой, а за ночь замерзнет, сверху, с горных вершин, все время стекает холод. А через несколько дней тропа еще и сдвинется, этот язык все время потихоньку сползает вниз, к бурной речке. Ну а ниже переходить очень неудобно, там пришлось бы в конце подниматься к тропе, и лошадям такое намного тяжелее.

– А почему бы вам не протянуть к той стороне веревку? – задумчиво рассматривая темнеющую напротив низкую, поросшую кустами и кривыми деревцами гору, предложила тихоня.

– Для кого? – усмехнулся один из бандитов, остановившихся неподалеку и бесстыдно подслушивающих чужой разговор. – Для тех, кто пойдет по нашим следам? Нет уж, пусть попробуют, найдут в этих местах песок для тропы.

– Ты думаешь, без песка тут не пройти? – заинтересовалась девушка.

– Конечно, – уверенно ухмыльнулся он и подавился своим смешком, увидев, как странная пленница слезает с лошади.

– Эста! – В голосе Кэнка прозвучала настолько знакомая возмущенная интонация, что девушка не смогла не улыбнуться лукаво.

Все-таки хорошо, что она поверила своей интуиции и была с ним предельно откровенна, когда заметила слишком горячий интерес к кольцу Змея.

– Веревку потом можно будет убрать, – кротко и проникновенно сообщила тихоня, – последним пройдет песочник без груза. Зато по ней можно им передавать песок, и вообще они смогут привязаться. Думаю, тогда мы переправимся намного быстрее.

– Ты куда-то торопишься? – едко ухмыльнулся адъютант, но в его глазах плеснулась острая тревога.

Вот за нее Эста была благодарна ему намного сильнее, чем если бы получила в подарок диадему с лунными камнями. И если бы могла, обязательно рассказала ему, как долго не сходит по весне в окрестностях северного монастыря слежавшийся снег, как подтаивают вешними днями и к утру замерзают скользким стеклом слежавшиеся кучи снега и притоптанные дорожки. Насколько хорошо нужно уметь по ним ступать и скатываться с пригорков, если не хочешь набить синяков. И как старшие сестры учат младших ходить и по льду, и по каменным уступам, и по перекинутому над пропастью бревну, не уставая приговаривать: там, в большой жизни, никто девочкам-тихоням и глупышкам не приготовил копны соломки, чтобы постелить в каждой ямке.

Хотя сейчас тихоня вполне могла бы спокойно сидеть на коне или на солнечном повороте тропы в ожидании, пока песочники прокладывают путь. Вот только все росло в ее душе беспокойство, металась в поисках выхода интуиция, все чаще повторяя, время сейчас играет вовсе не за тихоню. Там, куда так упорно и обреченно стремилась госпожа Ниди, ждали их неизвестные, скорее всего уже знавшие о смене короля и об амнистии. И трудно было представить, что этот указ мог им понравиться. Ведь, узнав о помиловании, все, кто до времени тайлся тут, как ее брат в потайных комнатах замка, немедленно захотят вернуться домой. Ну, может, за исключением нескольких человек,

кому по душе такая жизнь или просто некуда идти.

И тогда тот, кто построил где-то в недостижимых горных долинах маленькую, но крепкую и надежную страну с преданными и покорными подданными, вмиг окажется охранником ее руин.

– Ну не сидеть же тут полдня? – Девушка достала из кармана моток шелковых нитей, с которым никогда не расставалась.

Если было нужно сделать занятый вид – ловко вязала ажурные шарфики, а если требовалась прочная леска или бечевка, так же уверенно их распускала. Привязав один конец нити к большому обломку камня, тихоня сунула клубок в оставшийся от спрятанных денег Змея и привязанный к поясу пустой кошель и завязала его, оставив лишь щелочку для выходящей нитки.

– Это гарденский шелк, – пояснила напоследок внимательно следившей за нею хозяйке и смело ступила на лед.

Все бандиты, открыто или тайно следившие за ее действиями, смолкли и напряглись, а стоявшие неподалеку торопливо шагнули ближе, готовясь спасти глупую девчонку. Но она шла спокойно и уверенно, как-то очень мягко, словно кошка, ставя ноги. Всего несколько секунд, и девушка обогнала потихоньку продвигающихся по льду песочников. Прошла мимо, даже не повернув головы, и они от изумления замерли, не веря своим глазам.

– А если она не вернется и не станет ждать? – подозрительно проворчал один из бандитов, когда пленница ушла уже шагов на пятьдесят, оставив за собой только паутинку неимоверно крепкой нити.

– Ты предлагаешь выстрелить ей в спину? – холодно осведомился Кэнк, меряя соратника презрительным взглядом.

– Возможно, и стоит, – не сдавался тот.

– Хватит говорить глупости, – резко оборвала этот разговор Леонидия, – собирайте и крепко связывайте самые прочные веревки.

– И сначала самые тонкие, притащить на нити веревку не так легко, – поправил ее указание Кэнк. – Бовин, заберись на камни, найди местечко повыше, где можно надежно закрепить веревку. А потом несколько человек переберутся на ту сторону и помогут ее натянуть.

Бандиты торопливо бросились выполнять его указания, отлично понимая, что он имеет в виду. Такую переправу из нескольких натянутых канатов, за которые можно держаться при переходе и быстро переправлять грузы, они устраивали в прошлые годы и ходили до новой весны, пока дожди и таявшие снега за ночь не начинали намораживать на веревках неподъемные глыбы льда, рвавшие все в клочья. Но в этом году госпожа почему-то запретила так делать, а после того, как вчера приказала обрубить тросы единственного моста, у многих появилось ощущение, что они беспомощная дичь, убегающая от своры натасканных собак и отряда вооруженных до зубов охотников.

Девушка тем временем ушла так далеко, что ее не достала бы ни одна стрела, и только несколько заинтересованных взглядов не выпускали из виду идущую уверенно, словно по песчаной дорожке, фигурку.

Момент, когда девушка, пошатнувшись и словно падая, взмахнула руками, многие пропустили, но дружный вздох не остался незамеченным, и уже в следующий миг все снова следили, как она идет дальше, все более нетвердо ставя ноги и слегка пошатываясь.

Но даже самые зоркие не рассмотрели, как выскочили из-за камней на противоположном склоне навстречу отважной пленнице мужские фигуры, схватили ее и утащили в тень скал.

Глава 5

В том, что Маст в лошадях разбирается не хуже его самого, Змей понял, едва они, сбегав по лестнице порталной башни, выскочили на рыночную площадь. Лишь мельком окинув взглядом несколько прилавков с готовой снедью и разнообразными продуктами, брат Эсты ринулся в дальний угол, к длинному навесу, под которым продавался различный домашний скот. Шаргов предсказуемо не оказалось, но никто из напарников особо расстраиваться не стал. Хотя они и выносливы и очень удобны в пути, но корма не напасешься. Тем более сейчас, когда ни плодов, ни листьев уже нет. А торбочки овса, как лошади, шаргу на день не хватит. Если бы было больше времени, можно бы поохотиться или поймать рыбу, шарги всеядны. Но напарникам нужно спешить, и так отстали от бандитов, ворвавшихся в башню, на пару часов, и неизвестно, сколько потратят еще, пока до нее доберутся.

Змей уже привычно скрипнул зубами, как делал теперь каждый раз, когда вспоминал свою глупышку. Разумеется, девушка не виновата, просто поступает так, как ее учили много лет. Ни на кого не надеяться, не верить и не ждать помощи, кроме как от своих сестер. О том, что сейчас ей на помощь устремились жених и брат, она вряд ли догадывается.

Этот самый брат вынырнул из толпы, ведя в поводу первого коня, и Дагорд, одобрительно кивнув, принялся подтягивать упряжь под себя, искоса следя взглядом за крепкой фигурой спутника. Мужчина, назвавшийся Мастом, был едва ли намного старше Дагорда, но чуть ниже и коренастее, хотя и сохранялась в его осанке тень бывшего изящества знатного господина. А налитые силой плечи и мускулистые руки говорили лишь о том, что ему за последние годы пришлось провести больше часов с мечом в руках, а не с пером.

– Вот еще две лошади, – доложил напарник. – Продукты докупать будем?

– Думаю, не стоит, а ты как считаешь? – проверяя спутника, задумчиво проговорил Даг, покосившись на выданные Наерсом дорожные мешки, и получил в ответ утвердительный кивок.

– Предпочитаю доверять в этом вопросе тебе.

Вот же хитрец, усмехался граф, выезжая из городка в южные ворота, так ловко свалил со своих плеч самую хлопотную часть путешествия. Даже не поинтересовавшись, под силу ли это напарнику.

– Маст, – разводя костер, спросил он через несколько часов, когда пришлось остановиться напоить лошадей и дать им немного передохнуть, – а почему ты ничего не спрашиваешь про меня? Тебе неинтересно, за кого выходит замуж твоя сестра?!

– Знаешь, Змей, – приняв из его рук кружку с горячим отваром и задумчиво подув на него, чтобы чуть остудить, как-то нехотя сообщил тот, – мне не хотелось бы сейчас об этом говорить. Я намерен сначала спросить у нее... насколько серьезно это решение и почему она не открыла тебе ни своего, ни моего имени. А тебя я знаю, и намного лучше, чем ты думаешь. Однако еще недавно считал своим недругом... и хотя теперь понимаю, что был не прав, но так сразу проникнуться доверием не могу, уж извини.

Змей долго молчал, и пока запивал чаем подсушенное копченое мясо с плотным дорожным хлебом, и пока упаковывал мешки и седлал коня.

И лишь выезжая на дорогу, хмуро сообщил:

– Она приняла контракт на тихоню и ведет себя так, как положено тихоне. И у нее просто не было времени ничего мне объяснить... а когда оно появилось, Эста опасалась, что нас подслушивают. Но на самом деле мне все равно, собирается она поведать о своем прошлом или нет. Я сказал это просто для сведения. Король отдал мне фамильное поместье, и там хватит места для всех.

– Спасибо, Даг, и извини. – Арвельду стало стыдно за эту проверку. Не стоило играть в прятки с самым преданным другом Герта, и он намеревался все объяснить, едва они освободят Эсту. Однако воспоминание о почему-то смолчавшей настоятельнице

заставляло герцога подозревать некий особый смысл в действиях сестры и крепче сжимать твердые губы.

Старую грушу, от которой нужно было поворачивать к башне, они отыскиали лишь к вечеру, и вместе с ней обнаружили очень неожиданный и, непонятно пока, приятный ли сюрприз.

– Это еще кто? – рассмотрев сидящую у дороги беловолосую мужскую фигуру, настороженно придержал коня Маст и схватился за рукоятку привешенного к седлу тяжелого меча.

– Это мой знакомый... – поспешил его успокоить Змей, – вернее, наш общий. Вот только как он сюда попал, понять я не могу.

– Привет, Даг, – спокойно заявил полукровка, едва они приблизились, – это хорошо, что ты взял для меня лошадь.

– Как ты сюда попал?

– Наши тайны долго объяснять, – небрежно обронил Алн, влезая на прихваченную для Эсты лошадь, – сейчас я поеду вперед. Они уже бросили башню и едут на запад, в сторону земель, принадлежавших раньше коротышкам.

– Демон, – помрачнел Маст, – кажется, я догадываюсь, куда они ее везут. Но туда ведут только тропы контрабандистов, и на всех есть ловушки.

– Ваши ловушки нас не тронут. – Алн и в самом деле выехал вперед, но через несколько минут придержал лошадку. – Даг, а еда у тебя есть?

– Конечно, – заторопился Змей, начиная понимать, вовсе неспроста полукровка выглядит сейчас бледным и усталым, – мясо, хлеб, сыр, орехи, чего ты хочешь?

– Всего, только положи в миску или туесок. Я должен смотреть дорогу, здесь слишком много камня, слои совсем тонкие, – непонятно пожаловался Алн и смолк, полузакрыв глаза.

Лошадка полукровки неторопливо потрусила вперед по знакомой Змею тропе в сторону гор, и он невольно вспомнил, как они вчера ехали тут с Эстой, привязанные позади бандитов. И как тихоня тараторила всякую ерунду, отвлекая и развлекая плотоядно поглядывавших на нее мужиков. Внезапно острая злость на негодяев, вылавливающих на дороге одиноких путников, удушливой волной окатила Дагорда, и он крепче сжал кулаки, начиная понимать, сегодня Эсте уже не удалось бы удержать его от драки. Какая-то новая грань открылась в душе Змея, и он, никогда ранее не ревновавший своих подруг и никогда не вспоминавший о вчерашних приключениях, особенно если они закончились в постели, сегодня готов был убить тех бандитов за жадные взгляды, какими они так нагло ощупывали его глупышку.

– Это хорошо, – тихо забормотал полукровка, – что ты ее вспомнил, подумай еще немного, так легче искать.

– А о чем подумать? – неожиданно даже для себя стушевался Змей, – и кого ты ищешь?

– Эсту, конечно, – невозмутимо отозвался тот и снова прикрыл глаза.

– То есть... – начал понимать граф, – ты специально сюда пришел?

– Даг! – жалобно воззвал тот. – Ты думай про нее, а то они по скалам едут, там слои едва заметные!

– А можно я буду думать? – предложил Маст. – Она мне сестра. Младшая. И единственная.

– Думать ты можешь, – отстраненно сообщил снова прикрывший глаза полуэльв, – но мне это не поможет. Нужна истинная любовь.

– Вот как, – озадаченно проворчал Арвельд, с новым интересом разглядывая Змея, это что же, выходит, у этого кумира придворных дам к Лэни истинная любовь? Вроде он слышал или где-то читал, будто такую только эльвы способны отличить?

А Змей, невидящим взором уставившись на поднимавшиеся перед ними отроги Западного хребта, освещенные заходящим солнцем, горько усмехнулся своей несообразительности. Ведь говорил же нечто такое полукровка и раньше, и он сам знал про эту особенность эльвов лечить собственные беды и разочарования ярким светом истинной любви. Но вот почему-то не сложил вместе все эти сведения, не догадался, отчего полукровка так упорно стремился все время держаться рядом с ним.

И в этот момент Дагорду вдруг четко припомнилось, как Алн сказал о своем намерении пойти туда же, куда отправится она. Сердце неожиданно замерло и сразу же забилось горячо и сильно.

Демон! Так ведь получается, этот белобрысый гад еще там, во дворце, почувствовал любовь глупышки к нему, Змею!

Сто раз демон! И столько же раз кретин он сам, если не сообразил этого сразу же. Хорошо хоть хватило ума вечером предложить ей свое кольцо... и руку, иначе сейчас у него не было бы никакого права отрывать головы наглым похитителям чужих женщин.

– Нет, сейчас мне их не достать, – сказал вдруг Алн и, взяв из миски хлебец, жадно откусил, – но завтра с утра они должны дойти до широкого слоя. А сегодня мы можем дальше не идти, заночевать здесь. Мне нужно отдохнуть.

– Хорошо, – согласился Змей, посмотрев на голубые тени, залегшие вокруг глаз полуэльва, – тут через полмили речка, там есть удобное для стоянки место.

Спорить с ним никто не стал, и вскоре они уже устраивались на ночлег. Маст занялся лошадьми, а Даг костром, радуясь своему решению приоткрыть свое инкогнито Наерсу. Потому-то прижимистый дознаватель и не поскупился ни на магические зажигательные палочки, ни на тонкий и легкий походный шатер, пропитанный не пропускающими воду смолами.

Однако, разведя огонь и поставив на него котелок, Змей обнаружил, что полукровка и не подумал лезть в благородно предложенное ему укрытие. Он вообще устроился так, как не додумался бы ни один знакомый Дагу гвардеец или опытный обозник. Наскоро сжевав все содержимое своей миски, выбрал недалеко от костра самый густой куст, каким-то образом раздвинул его ветви и влез в середину, замотавшись, как в кокон, в свой рыжеватый плащ. И теперь просвечивал сквозь полуоблетевшие ветви этой рыжиной, словно невиданных размеров тыква.

– Чего это он? – показав глазами на куст, тихо спросил вернувшийся напарник, бросая рядом с костром охапку сухих сучьев.

– Не знаю, – пожал плечами Змей, мелко нарезавший копченое мясо, раз встали на ночевку чуть раньше, можно сварить похлебку, – он всегда действует только так, как считает нужным.

– Счастливый, – подумав, вздохнул Маст, – а вот я почти девять лет действовал по приказам и жил не своей жизнью.

– Ну, тогда тебе еще повезло, некоторые жили чужой жизнью все четырнадцать лет. Даже если не были лишены памяти, – вспомнив Эсту, добавил граф.

– Я решил... вернее, должен тебе кое-что рассказать. – Арвельд закончил ломать сучья и присел на свой брошенный плащ. – И попросить извинения.

– Уже интересно, – насторожился Даг, ссыпал мясо в закипающую воду и взялся за лук, – и хотелось бы подробнее про извинения. Мы ведь никогда раньше не встречались.

– Встречались, – невесело усмехнулся Арвельд, – только я хорошо умею прятаться, вот и делал все, чтобы не попасться тебе на глаза. Это я жил с друзьями в потайных комнатах

замка Адер, и это меня прятал Лаутр. Потому Эста и увела меня в монастырь, а знакомый тебе целитель снял со щек шрамы.

- Демон, - всплыло перед глазами Змея видение крепко обнимавшей незнакомца глупышки, и из его сердца выпала острая заноза, про которую он не мог забыть, как ни хотел, - спасибо за откровенность. Я рад... что мне больше не нужно тебя убивать.

- Ого, - присвистнул Арвельд, и глаза его озорно блеснули. - Ну тогда я рад еще больше. Жаль, нельзя как следует отпраздновать эту радость... хотя у меня есть фляжка вина.

- Не стоит, - предостерегающе поднял руку Дагорд, - в этих местах бродит дозор бандитов, которые поймали нас с Эстой.

- И это тоже нужно объяснить, - сразу помрачнел герцог. - они вовсе не бандиты, а такие же беглецы, как я. Хотя и есть среди них несколько случайных людей, примкнувших по личным причинам, но в основном все подчиняются приказам и стараются вести себя по-человечески.

- Ловить девушек на дороге и пытаться сразу затащить в кусты очень человечно, - едко зашипел Змей, - если бы она мне не запретила на них нападать, сейчас не была бы в плену.

- Может, Эста и хотела попасть в плен? - осторожно предположил Арвельд.

- Как ты догадался? - язвительно ухмыльнулся граф, помешивая похлебку. - Конечно, хотела. Почему-то подозревала бывшую жену Олтерна в причастности ко всем этим событиям.

- И была права, - нехотя произнес Арвельд. - А почему Зоралда бывшая жена?

- С недавнего времени она считается покойной. - В глазах Змея мелькнул мстительный огонек. - Документ, подтверждающий это, подписан почти дюжиной надежных свидетелей, мне доподлинно известно.

- Вот как. - Герцог начал понимать, что планы его давних освободителей трещат, как углая лодчонка в шторм, и не мог этому не радоваться, потому как больше не испытывал ни прежней горячей благодарности, ни желания исполнять данные клятвы.

Хотя и нарушить их не имел никакой возможности, чтобы не упасть в собственных глазах до статуса презренного и неблагодарного клятвоотступника.

Спать напарники договорились по очереди, но, когда доварилась похлебка, из куста вылез Алн, подставил свою миску и, торопливо вычерпав варево, небрежно заявил, что они могут спокойно ложиться отдыхать и не переживать, он принял меры.

Не поверить хоть и нечистокровному, но потомку древнейшего народа не решился ни один из мужчин. Поэтому оба чувствовали себя полными сил и отдохнувшими, когда на рассвете над шатром раздался мелодичный голос полуэльва, распеваящий что-то проникновенно-торжественное.

- Варить еду будем на месте, - едва напарники выбрались из шатра, сообщил он загадочно, - они уже собираются в путь. Я видел большой караван.

- Как мы их догоним? - торопливо собирая вещи, осторожно осведомился Дагорд и получил в ответ снисходительную улыбку.

- У тебя хорошие сны... я полон сил.

- Интересно, - задумчиво произнес себе под нос Маст, - какие такие сны?

- Нормальные сны, - возмутился Змей и в первый раз за много последних лет почувствовал, как у него, словно у подростка, полыхнули огнем уши.

Он отчетливо помнил свой сон, и в нем действительно не было ничего такого... но рассказывать всем его все равно не хотелось. В этом сне Эста сидела за столом напротив

него и подкладывала ему на тарелку жареное мясо, как когда-то утром в имении Росалины. А у Змея было так хорошо и тепло на душе, ведь это был Их дом и Их собственная кухня...

– Давайте мне поводья и держитесь крепче, – скомандовал Алн, усевшись на лошадь, и Дагорд беспрекословно выполнил все его указания.

Полукровка далеко не болтун и пустослов и зря ничего говорить не стал бы.

– Можете закрыть глаза, – отстраненно предложил эльв, направив свою лошадь в гущу кустов, – чтобы не тошнило.

Змей и это указание выполнил беспрекословно, успев заметить краем глаза испытующий взгляд напарника. Хотел еще сказать тому, что напрасно он не верит полукровке, но не успел. Все вдруг закружилось вокруг, словно на сумасшедшей ярмарочной карусели, а потом она сорвалась с места и начала стремительно падать, все ускоряя свое бешеное вращение.

Глава 6

– А-а-ах! – сам сорвался с губ отчаянный вскрик, но под ногами уже была твердая, каменистая земля, а меж чахлых кустов, изредка торчавших вокруг ошалело трясущихся коней, скользили плотные клубы холодного тумана.

– Нужно покушать, – тихо прошептал полукровка и мешком свалился с лошади.

– Демон, – емко сообщил свое отношение к такому способу перехода Арвельд и, торопливо прыгнув на землю, принялся отвязывать от седла вязанку толстых сучьев, прихваченных по совету Ална.

Даг прыгнул следом, расстелил шатер и одеяла, перенес на них полуэльва, сунул ему в руки хлеб и сыр и достал флягу с вином.

– Налить?

– Лучше воды с медом.

– Сейчас.

Через некоторое время, когда под прикрытием большущего валуна разгорелся костер и начала закипать вода, настороженно оглядывавшийся герцог сообщил, что уходит осмотреть окрестности.

– Не ходи, – слабым голосом остановил его беловолосый, – мы в трехстах шагах от ледника. И Эста уже едет... часа через два будет на той стороне.

– От какого ледника? – ничего не понял Змей, бросил в котелок мясо, накрыл крышкой и поднял взгляд на покорно присевшего напротив напарника. – Ты что-то знаешь?

– Жил здесь, – мрачно признался тот, – когда внезапно возвращается память, для большинства людей это оказывается огромным ударом. У одних появляется желание всех убить, и правых, и виноватых, другим самим жить не хочется. Особенно тем, у кого была невеста или молодая жена.

– У тебя была невеста?

– Милосердные духи миловали. Отец с матушкой уговаривали меня подарить свое кольцо одной девице, но она меня невыносимо раздражала своим высокомерием и умными высказываниями. И хорошо, что не решился на помолвку, сейчас она уже давно и прочно замужем, а мне никого не хочется убивать. Но мы говорили про это место. Если я правильно понимаю, Эсту везут в крепость. Она стоит в долине, за той горой, но была давно заброшена. А теперь там все восстановлено, мастера работали из Торема. И деревня есть, скот разводят, пчел.

– Я правильно понимаю, там хозяйкой – бывшая герцогиня Зоралда? – не выдержал Змей.

– Нет, хозяйка там госпожа Ниди. А про герцогиню я точно не знаю, но однажды подслушал разговор... случайно, разумеется. Так вот, она вроде писала письма Ниди, как я понял, с указаниями. Но вскоре сюда прибыли новички, а нас, тех, кому было где укрыться, отпустили в королевство. Лаутр к тому времени уже работал в замке у Геверта... и он провел нас в закрытую половину.

– Мог бы мне сказать, неужели думал, будто я пойду вас сдавать?

– Прости... но именно так и подумал. Тут есть и твой родственник, он адъютант у госпожи Ниди, и вот он нам сказал, что ты всегда был очень преданным воином. Да мы и сами понимали, если бы Олтерн тебе не доверял, то не отправил бы пасти Герта.

– Вот оно что! И кто же этот родич?!

– Здесь его зовут Кэнк. И мой тебе совет, придумай себе другое имя. Сейчас тебя трудно узнать, а я за тебя поручусь. Скажу, что ты такой же, как мы, только успел вовремя сбежать в Торем. Признаться никогда не поздно, но так безопаснее. И Эсте так легче будет помочь. И о нашем родстве я тоже никому не скажу.

– Хорошо. – Змей пока не думал, как они будут спасать глупышку. А зачем зря тратить время, если ничего не известно?! Ни сколько рядом с ней бандитов, ни что именно она задумала сама? – Зови меня Тао. Это имя легко запомнить, и здесь его не может знать никто.

Через час, поев и спрятав лошадей за грудой камней возле тощих кустиков, маленький отряд обогнул стороной тропу и вышел к леднику.

– И как они собираются его преодолевать?! – скептически осмотрев со склона гладкое, как зеркало, ледяное поле, слегка наклоненное в их сторону, осведомился Змей. – Вряд ли тут можно пройти напрямик!

– А они пройдут, – опроверг его предположение Арвельд, – сначала двое или трое посыпают дорожку песком с золой, а с тропы их держат веревками. А потом осторожно проводят лошадей, и последними идут люди. Обычно все проходит удачно, хотя иногда бывали и несчастные случаи. К вечеру должны переправиться все. Мы останемся ждать здесь? Если стоять в тени камней, то с той стороны нас не заметят.

– Я буду ждать тут, а ты иди, отдохни, – твердо объявил Змей, и Арвельд покосился на будущего зятя с возросшим уважением.

За последние годы он многое повидал и знал теперь жизнь с такой стороны, с какой никогда бы не столкнулся, если бы остался в замке, занимался хозяйственными делами и учился управлять герцогством. И уже давно осознал, значительная часть людей вовсе не думает того, что говорит вслух, и уж тем более никогда так не поступает. Потому и остаются всего лишь громкими словами призывы к благородству, честности, самопожертвованию и состраданию. И тем приятнее найти в мужчине, который скоро станет родственником, редкого человека, у которого обещания не расходятся с поступками.

– Я останусь с тобой. – Герцог постелил на высохшую кочку плащ, сел и задумался.

Как-то раньше он не гадал, чем будет заниматься, когда рассчитается с долгами чести за возвращенную память. Крутилось в мозгу несколько смутных планов, очаровать состоятельную вдовушку из провинции или уйти в Торем, один знакомый бей звал его управляющим. И разумеется, он даже не мечтал вернуться в замок официальным владельцем, зная, что эта дорога для него закрыта навсегда. Теперь правящим, аш-герцогом, чьи дети будут носить этот титул и иметь право осуществлять власть в Адерском герцогстве, был Геверт, и выкинуть брата с законного и выстраданного места Арвельд считал подлостью. Хотя сам Герт, похоже, был бы искренне рад такому повороту в судьбе. И Эста, кажется, тоже считает правильным, если старший брат вернется. Разумеется, никто из них не потеряет права всегда жить в Адере и называться герцогами без приставки – «аш», которая положена только старшему в роду. А если женятся или выйдут замуж и захотят уйти – то получают один из городских домов и пожизненную ренту или небольшое поместье, каких, как правило, у каждого герцога не одно и не два. Вот только у их семьи переворот отнял большую часть пастбищ и почти все городские дома. Преданным королевским солдатам полагалось вознаграждение, а взимал его король, как обычно, с виновников мятежа и их пособников.

– Змей, а ты случайно не знаешь, как молодой король собирается возвращать имущество бывшим заключенным, если оно уже имеет нового хозяина?!

– Знаю. Будут работать самые рассудительные и опытные судьи и искать в каждом случае свое решение. Ну и Тмирна обещала помочь, – думая о своем, отозвался граф, – вот, например, Геверт поехал за отцом, и еще неизвестно, как тот воспримет известие о смерти жены и дочери. Он же до сих пор ничего не знает. Вряд ли ему сейчас до управления герцогством, сначала нужно отдохнуть и подлечиться.

– Идут, – вдруг коротко объявил Алн.

Вмиг забыв все, о чем они говорили, Змей вскочил на ноги и уставился на скалы, темнеющие по ту сторону поблескивающего на солнце ледника.

Их действительно оказалось много, почти полсотни фигурок всадников и столько же вьючных животных, выезжающих из ущелья и на несколько секунд возникающих

четкими силуэтами на фоне восходящего солнца. Затем они остановились под скалой напротив холма, на склоне которого прятались в тени камней Змей с напарником и пришедший вслед за ними полукровка, и некоторое время Дагорду казалось, по ту сторону ледника ничего не происходит. А затем Маст почему-то шепотом сообщил, что начали работать песочники. Вскоре, присмотревшись, Змей и сам увидел, две или три фигурки путников отделились от замершей у края ледяного поля толпы и очень медленно продвигаются в их сторону.

– Похоже, ты прав, они действительно не скоро сюда придут, – понаблюдав несколько минут за еле заметным отсюда движением песочников, разочарованно вздохнул Дагорд, тщетно пытаясь рассмотреть, которая из сидящих на лошадях фигурок – его глупышка.

– Иначе нельзя, – искоса посматривая на хмурого Змея, сочувственно подтвердил Арвельд, – пока песочники не проложат дорожку, никто не двинется с места. Да и потом лошадей сплошной чередой не пускают, если одна поскользнется, может покатиться и как лавиной сбить всех идущих впереди. Может, пойдем все-таки...

Договорить он не успел, Алн, молча стоявший рядом, вдруг вытянул руку в сторону обоза и многозначительно изрек:

– Идет.

– Кто идет? – не понял герцог, присмотрелся пристальнее и заметил, что одна из фигурок движется в их сторону заметно быстрее и увереннее, чем оставшиеся чуть в стороне и позади нее песочники.

– Сумасшедшая, – сквозь зубы яростно процедил Змей, – если упадет, сам выпорю.

– Я тебе помогу, – сообразив, что напарник каким-то образом узнал свою невесту, угрюмо пообещал Арвельд.

Действительно сумасшедшая, солнце поднимается все выше и теряющий ночную изморозь лед становится все более скользким, а она идет как по бархатной дорожке и даже на миг не замедляет шага, проходя через наплывы и трещины.

– Сам справлюсь, – зловеще прорычал Змей, только теперь начиная отчетливо понимать, что истинная любовь – это вовсе не сплошные страстные объятия, как он полагал в юности, и не тот мирный уют, который приснился ему ночью.

Это прежде всего тонкая чувствительная струна, туго натянутая в его душе, которая на каждое действие девчонки со смешным прозвищем «глупышка» отзывается незнакомыми прежде волнением и болью. И сейчас прямо по этой струне, легкомысленно помахивая ручкой, приближается к нему легкая фигурка в уже знакомом костюме тихони и с обмотанным плотной серой вуалью лицом. Даже не подозревая, какой болью отзывается в сердце затаившего дыхание Дага каждый ее самоуверенный шаг.

И когда, уже подойдя так близко, что граф начал считать секунды до того момента, как сможет схватить глупышку за руку, Эста вдруг вздрогнула и покачнулась, словно в нее попала стрела или дротик, острая боль пронзила и Змея.

– Демон, – прорычал он и ринулся навстречу глупышке, но белобрысый полукровка перехватил это движение с неожиданной силой и ловкостью.

– Держи! – сунув герцогу в руки его напарника, так уверенно приказал Алн, что Арвельд даже на миг не засомневался в правильности этого распоряжения.

Просто облапил будущего зятя мускулистыми руками и притиснул к себе намертво, словно воришка сундук с сокровищами.

И все время, пока полуэльв решительно и торопливо махал руками и что-то шептал, а чуть покачивающаяся Эста неуверенно брела к краю ледника, стойчески держал вырывающегося напарника. Из всех сил стараясь поворачивать его так, чтобы Дагорд не видел дорожки из алых капель, остающейся за спиной сестры.

Отпустил только в тот миг, когда она вступила в тень скалы, и наперегонки с рычащим

от ярости напарником ринулся ей навстречу. И снова их обоих опередил полукровка, схватил девушку за предплечье и торопливо повел к расстеленному на сухой траве плащу Арвельда.

Змей налетел на них ураганом, подхватил монашку на руки, потащил куда-то, сердито сопя.

- Выпороть тебя мало!

- Зайчик... - нежно пробормотала она, и Арвельд, мчавшийся следом, споткнулся от неожиданности.

Чего?! Это кто, Змей, что ли, зайчик? Ну и дела!

- Даг, нужно ее положить сюда, - устало произнес вслед графу Алн, уже усевшийся на плащ. - Я еще не все раны залечил.

- Какие раны? - сделав по инерции еще пару шагов, резко остановился Змей и, чуть отстранившись от крепко притиснутой к груди глупышки, начал ее осматривать. - Демон!

Кровавые разводы, оставшиеся на его ладонях, он разглядел почти одновременно с алой струйкой, стекающей из-под вуали.

- Но откуда? - настороженно озирался герцог. - Никого же близко не видно!

- Я скажу, - кротко пообещал полукровка, невесомо водя руками над девушкой, которую Змей так и не выпустил из рук. Просто сел на камень и сузившимися от боли глазами следил за действиями блондина.

- Зайчик, - как видно, собравшись с силами, снова прошептала Эста, - тут Алн?!

- Да, - замирая от страшного подозрения, хрипло ответил Даг, - и еще твой брат, Маст. Его Тмирна послала. А ты... не видишь?

- Пока нет, - помолчав, виновато вздохнула она, - но все будет хорошо...

Ее рука, затянута в традиционную перчатку тихони, приподнялась и неуверенно потянулась к лицу Змея. Он тут же перехватил ее, поднес к губам и только в этот миг рассмотрел свой перстень, надетый поверх перчатки на палец, где его имели право носить только замужние женщины.

- Я согласен, - сглотнув вставший в горле комок, шепнул Даг, отгибая край перчатки и целуя запястье.

- И я, - тихо откликнулась она, вызвав у графа невольную, хотя и грустную усмешку. Стоило ли сомневаться, будто его глупышка вовсе не просто так показывает ему этот палец?!

- Только я сейчас выгляжу немного по-другому, - предупредил Змей, вспомнив, кого она может увидеть, открыв глаза, - и зовут меня - Тао.

- И никого из нас ты не знаешь, - сочувствующе добавил Маст и, не выдержав, осторожно поинтересовался. - Так что же там произошло?

- Глаза целы, - невпопад сообщил полукровка, утомленно глянул на герцога и пояснил: - хороший амулет. И платье хорошее, и эта ткань на лице. Им всем очень повезло... да и нам. Если бы ты шла не одна, спасения бы не было. Кто-то очень хотел убить всех.

- Немного не так... - качнула она головой, - всех приговорили, дабы скрыть одну смерть... но сейчас некогда. Я несла нить... Торемский шелк, они привяжут к ней веревку.

- Я ее обрезал, - виновато сообщил герцог, сразу сообразивший, в чем дело. - Сейчас пойду, поищу.

- Она привязана к камню, - отстраненно объяснил Алн, - там кровь, увидишь.

- Нужно привязать ее к крепкому сучку... - попыталась растолковать девушка, но ее брат снисходительно хмыкнул.

- Не учи старших. Сам знаю, как это делается. А пока не привяжу и не начну понемногу тащить, ничего не рассказывайте.

- Ладно, - фыркнула она и, на миг теснее прижавшись к груди Змея, попросила: - Зайчик, отпусти на минутку. У меня зелье есть, в кошеле на поясе, но тебе его лучше не трогать. А пока я пью, объясните, откуда вы тут взялись?

- Алн провел, своими путями, - пояснил Змей, с тревогой следя, как она на ощупь достает из кошелька флакон. - Эста, а ты уверена, что не выпьешь случайно какую-нибудь гадость?

- Они все разной формы, и я знаю их наизусть. Ведь зелье может понадобиться ночью или в таком месте, где нет света.

- Малышка, - с обманчивой мягкостью поинтересовался граф, внезапно осознав, что ни какие-то там шелковые нитки, ни обоз с бандитами, ни даже проблемы Олтерна его больше не волнуют. Вообще ничего не волнует, кроме неизвестной ему опасности. Ведь кто-то невидимый, стрелявший в Эсту, вполне мог ее убить, - а ты еще не задумывалась бросить к демону этот контракт?!

- Конечно, думала, зайчик, - подняв вуаль, нежно улыбнулась она.

- Демон, - охнул от неожиданности Змей, увидев ужасную маску, - а это еще что за жуть?

- Ткань, - коротко сообщил ему полукровка и с облегчением добавил, - все, я закончил.

- Ну да, - подтвердила его объяснение Эста, - эта маска связана из торемского шелка. Очень удобно, просто надеваешь на голову, и все. Она очень крепкая, с одного удара ножом не прорежешь.

- Скоро тебе не понадобятся никакие маски, - категорично постановил Змей, и подошедший ближе с сучком в руках Арвельд одобрительно кивнул, он думал точно так же.

- Конечно, зайчик, - и не собиралась спорить Эста, совершенно согласная с мнением Тмирны, твердо уверенной: оспорить каждое слово любимого мужчины пытаются только непроходимо глупые женщины.

А Змей ее любимый мужчина... и хотя Лэни вовсе не желала такого поворота в своей судьбе и до сих пор не может понять, как возникло в ее душе это чувство, отвергать или упускать его не намерена ни за какие блага.

- Значит, мы сейчас уходим, - обрадовался Дагорд, но вскоре оказалось, что эта радость преждевременна.

- Как? - заинтересованно спросила Эста, сделав глоточек зелья и скривившись, - а водички нет, запить?

- Держи, - протянул ей кружку Арвельд и испытующе посмотрел на напарника.

Разумеется, он был совершенно с ним согласен и тоже мечтал очутиться подальше отсюда. Но видел то, чего пока не замечал смотревший только на Лэни граф. После исцеления сестренки полукровка снова побледнел и осунулся, и вряд ли у него хватит сил их увести, даже если они бросят коней.

- Я устал, - тихо подтвердил его слова Алн, - запрещенное заклинание было очень сильным. Оно называется огненный песок. Лежит незаметно несколько дней, пока не наступит нога человека, с прилипшими к подошве песчинками. Каждая песчинка становится раскаленной, как уголек, и впивается в тело, в лицо, в глаза. Эста шла по льду, песка было очень мало. И лицо было хорошо закрыто, попало только в шею и в веки.

- Я глаза сразу зажмурила, - тихо подтвердила девушка, - последние шаги шла по памяти. И еще слышала ваше дыхание... но думала, это враги. Потом почувствовала, как кто-то снимает боль и лечит.

- Да, - подтвердил полукровка, отобрал у нее флакончик, понюхал и тоже сделал глоток, - хорошее зелье.

- А почему ты сказал... - прищурившись, осведомился герцог, - что погибли бы все?

- Это заклинание распространяется как лавина, - невесело объяснила Эста, отлично знакомая с описанием действия всех запрещенных заклинаний. - Если бы в него встал кто-то из песочников, вспыхнул бы весь песок, который они рассыпали, и пошел на отряд. Ведь заклинание было на самом краю, я уже подумала, что дошла. Когда песочники дошли бы до этого места, с той стороны начал движение обоз.

- Ты правильно сказала, злая ловушка. Огненный песок вливается во все живое. Они бы все истекли кровью, - подтвердил Алн, понаблюдал, как герцог понемногу подтягивает нить и наматывает ее на рогатину, и резко переменяет тему: - глаза открыть можешь?

- Сейчас попробую, только кровь сотру. - Девушка намочила водой платок и осторожно потерла им веки.

- Давай я, - не выдержал Змей, - не бойся, я осторожно.

- Да уже все. - Один глаз приоткрылся, и на Дага глянула знакомая яркая голубизна. - А неплохо тебя покрасили, мне очень нравится. Никакие Ивессы не станут теперь покушаться.

- Глупышка, - с трудом припомнив, кто такая Ивесса, довольно ухмыльнулся граф, - да та Ивесса даже пальчика твоего не стоит. Особенно того, на котором мое кольцо.

- Это я на всякий случай. - Тихоня закончила протирать второй глаз, и душу Змея осветил лукавый взгляд. - Спасибо, Алн, даже не чувствуется. Я думала, дольше заживать будет.

- Дагорд сильно волновался, - невозмутимо выдал Змея полукровка и довольно прижмурился, почувствовав вспыхнувшую в душе девушки теплую волну признательности и ответной нежности. - Мне это очень помогло.

Собравшийся было огрызнуться Змей захлопнул рот и промолчал, крепче прижимая к себе невесту. Впрочем, теперь уже жену, раз он не стал протестовать против ее решения, хотя и сам невероятно поражался собственной покладистости. Вряд ли хоть одна из бывших претенденток на руку графа аш Феррез осталась бы в числе его знакомых больше пяти минут, осмелившись без его согласия объявить себя графиней.

Глава 7

– Дагорд, иди помогай, – через четверть часа позвал Змея напарник. – Не представляю, как она собиралась одна тащить эту веревку. Кстати, сестрица, а почему ты не назвала жениху свое настоящее имя?

– Не было возможности, – нежно погладив по щеке посадившего ее на плащ мужа, отозвалась она, – и теперь рада, что не было. Не нравятся мне люди, которые так легко разбрасываются смертельными заклинаниями запретной магии. И не стоит давать им лишних сведений, поэтому пусть он пока побудет Тао, а я Эстой.

Еще через полчаса сердито шипевшие мужчины вытянули, наконец, всю нить и ухватились за веревку. Хотя она и была тяжелее, но за нее можно было взяться без опасения разрезать руки до кости.

Взобравшись повыше, напарники обернули веревку вокруг одного из камней, на котором были видны когда-то вытесанные именно для этой цели бороздки и, завязав узлы, помахали обозу. Оттуда тоже махнули, как-то неуверенно, видимо, уже рассмотрели, что это не их бесшабашная пленница.

– Недоверчивые, – проворчал рядом со Змеем голос тихони, и он вмиг обернулся, свирепо зыркнул на неугомонную.

Вот куда она лезет? Еще и половину следов от недавних ран с маски и куртки не оттерла, у него от вида кровавых потеков душа переворачивается, а ей все неймется!

– Не сердись, зайчик. – Эста покорно прислонилась к плечу Змея, и его возмущение начало стремительно таять, как масло на раскаленной сковороде. – Нам нужно торопиться. Там, в их тайном логове, сидит бешеное зло, и всего противнее, что оно притворяется чистым и светлым добром и совершенно не ценит человеческие судьбы и жизни.

– Тебе нужно отдохнуть, – мрачно заявил он, отлично понимая, кем сейчас выглядит: эгоистом, глупым упрямым и даже деспотом.

Но поделаться с собой ничего не может и не желает. Разумеется, ему жаль всех тех людей, которые сегодня могли тут погибнуть, и тех, кем играет неведомый злодей. Но свою глупышку ему жалко немного сильнее, и зубы сводит от понимания, как ей сегодня повезло. Ведь если бы они не успели прийти заранее к этому демонову леднику и им не встретился Алн, не помогли бы ни пирамидки, ни советы Тмирны. Кстати... настоятельнице определенно нужно об этом знать, и это отличный способ, чтобы отправить Эсту отдыхать возле костра, с которым уже возится полукровка.

– Я сейчас пойду. – Она снова погладила его по щеке. – Не волнуйся.

– Не могу не волноваться... – Змею нравилось смотреть в ласковые голубые глаза и хотелось постоять рядом с ней еще хоть немного, но он сдержал свои чувства и заявил озабоченно: – Тмирна велела нам взять большие пирамидки и пеналы, ты сама напишешь ей обо всем или мне писать?

– Я напишу, – кивнула она, но не пошла вниз одна, а потянула Змея за собой. – Идем, скоро отвар будет, Алн травы варит. Посидим рядом, пока обозники не прибежали. Там теперь Леонидия от любопытства умирает, обязательно будет их подгонять.

– Какая Леонидия? – озадаченно уставился на девушку Дагорд, невольно вспоминая худенькую большеглазую девчонку, похожую на старинную статуэтку с ее пепельными волосами и серебристыми глазами, – та самая? Королева?

– Именно. Она все эти годы скрывалась тут и напрямую связана с попыткой переворота и с беглыми осужденными, – серьезно подтвердила тихоня, крепко держась за его локоть. – Но вот знаешь, зайчик, на мой взгляд, не хватает в ней смелости, отчаянности и силы воли, чтобы все это затеять. А Зоралда все время сидела в башне и сбежала не так давно, иначе там уже все заросло бы грязью, заставить кикимор мыть посуду и протирать пыль совершенно невозможно.

С этим выводом Змей был согласен, но говорить этого вслух не спешил. Возникло уже в душе подозрение, не просто так Эста все это ему объясняет, а подводит к какому-то выводу. И он уже даже понял, к какому, только подводится к нему не желал. Поэтому промолчал, осторожно снял ее ручку с локтя, сам крепко обнял девушку за талию и так и повел к костру, наслаждаясь ее близостью и покорностью. А на хмурый косой взгляд напарника ответил широкой улыбкой и демонстрацией того самого пальчика глупышки, на котором сиял его перстень.

- Как у вас все быстро, - не удержался и съязвил Арвельд. - А про ритуал не забыли?

- Вот вернемся домой, и все будет, - невозмутимо ответила тихоня и смело положила голову на плечо Змея, - а пока без ритуала. Но ведь он не самое главное.

- Не самое, - по инерции еще продолжил спорить герцог, на самом деле уже принявший и одобрявший в глубине души этот союз, - но как указ недействителен без печати, так и женитьба без ритуала.

- Ты стал практичным занудой, - сообщила тихоня, обвивая руками шею Змея, опустившегося на плащ и усадившего ее на колени, - даже не знаю, как мы тебе с таким характером невесту будем подбирать.

- Какую еще невесту? - поперхнулся Маст, рассмотрел лукавое веселье в глазах сестры и возмутился: - Не шути так. И не могла бы ты снять эту жуткую маску, у меня каждый раз все в желудке переворачивается, когда я ее вижу.

- Неужели ты всерьез думаешь, будто я бы ее не сняла, если бы могла? - с неожиданной печалью осведомилась Эста. - Но на это нужно время, а скоро придется снова надевать. Ведь мне нельзя показывать всем свое лицо.

- Пусть сидит в маске. - Змей еще слишком хорошо помнил, как реагировали на его глупышку бандиты, и вовсе не желал наблюдать за этим снова. - Эста права, так безопаснее, как выяснилось, эта маска очень полезная вещь.

- Ты все правильно понимаешь, зайчик, - нежно погладила его по щеке девушка, - у них тут есть обычай... жениться на пленниках. Сегодня у меня под дверью спали два таких жениха, а теперь они за это работают песочниками.

- Недолго им осталось работать, - свирепо сообщил Змей, - пусть только дойдут сюда!

- Не нужно, - еще нежнее провела она по его лицу, - они уже все поняли. К тому же одного из них для меня выбрал Кэнк... Тогда он еще не знал, что я жена его брата.

- Хотел бы я на него посмотреть, - лишь теперь Дагорд с сожалением сообразил, что Эста не по своей воле объявила себя его женой, а была вынуждена так поступить в ответ на действия бандитов, и это почему-то кольнуло душу разочарованием.

- Но это решение я приняла раньше, - склонившись к его уху, тихо призналась монашка, - намного раньше. Еще вечером... когда взяла твое кольцо.

- Эста... - светлое тепло облило душу Змея, и он с облегчением выдохнул, как все-таки с ней легко!

Не нужно ничего самому угадывать или выяснять и мучиться сомнениями, верно ли понял взгляд или знак. Глупышка сама сразу понимает, что именно его волнует, и не скупится на объяснения, не ждет, пока он сам догадается. И вообще она замечательная, ничего от жениха не требует и ни с чем не спорит, во всем его поддерживает, а если и не согласна с его доводами, то сразу говорит почему.

- А теперь я буду писать письма, - так же нежно глядя любимого по искореженному рукам целителя лицу, с сожалением прошептала девушка, - а то они скоро придут, и тогда уже придется снова играть тихоню. Кстати, я вам не сказала, что приняла у Леонидии контракт на защиту в обмен на все ее тайны? Так вот, она еще не расплатилась. И нужно настоять, чтобы вы присутствовали при этом разговоре. Возможно, за мной будут следить, и я не смогу написать все, что сумею узнать, Тмирне.

- Как это... контракт?! - чувствуя, как похолодело в груди, растерянно пробормотал

Змей. – Эста! Я надеялся... мы сейчас поговорим с ними и уйдем... как только Алн отдохнет.

– Прости, зайчик. Но мне нужна была ее защита, а ей моя, вот мы и договорились, сразу после ужина. Кстати, твой кузен ходит у нее в фаворитах и очень дорожит этим званием, не забывайте об этом. Думаю, ради нее он готов на многое... если не на все. И еще, если у вас две пирамидки, то лучше одну вместе с парой пеналов спрятать где-нибудь неподалеку, на всякий случай. Они вполне могут вас обыскать и забрать все, что сочтут опасным.

– Я сам займусь, – серьезно кивнул Маст, – именно так они и сделают. А вам потом покажу это место.

Герцог немедленно принялся потрошить вещевые мешки, выбирая те вещи, которые лучше приберечь, Эста, выскользнув из рук Змея, села рядом писать отчеты, а Алн прикрыл глаза, торопясь собрать как можно больше энергии, пока эти двое находятся рядом и согревают его замерзшую душу живительным теплом. Он решал для себя очень сложный вопрос, следует ли ему и дальше нарушать неписанные законы своего рода и помогать этой парочке уберечь святой дар или пора уйти своим путем? Скорее всего эльв принял бы второе решение, как делал обычно, но уж очень необычные подопечные попались ему на этот раз. Сильные, преданные, умные и выдержанные... жаль будет, если и они, как сотни других, пойдут неверным путем, потеряют в мелких ссорах, обидах и поисках выгоды или удовольствий свет, подаренный судьбой, чтобы озарять их всю жизнь.

А Змей, наблюдая за напарником, ловко раскладывающим содержимое мешков на две неравные кучки, пытался просчитать, как могут развиваться события и можно ли что-либо еще предпринять прямо сейчас? Иначе не пришлось бы потом пожалеть о непредусмотрительности.

– Маст, положи в тайник шатер и одеяло, – приказал он, дойдя в размышлениях о том, как пережить холодную ночь тому, кому понадобится запасная пирамидка, – еще зажигательных палочек, мяса и один котелок. В общем, все необходимое на случай, если нужно будет продержаться до прихода подмоги.

– Это ты правильно придумал, зайчик, – на миг оторвавшись от письма, нежно глянула на жениха тихоня, и Маст поторопился отвернуть лицо, чтобы его напарник не заметил невольной ухмылки, широко растянувшей губы герцога.

Змей был сейчас похож на кого угодно, на седого, матерого волка, хмуро озирающегося в поисках недобитых врагов, на разозленного ведьмака, изгнанного из облюбованной пещеры более сильным соперником, или на старого одинокого орла, мрачно следящего за подбирающимся охотником с вершины скалы. Но никак не на пушистого, серенького и лупоглазого зайца.

Хотя и воспринимал это прозвище с таким видом, словно это самый изысканный комплимент. А когда Арвельд, спрятав тучок с вещами в пустующей норе и надежно привалив его камнем, привел Змея показать тайник, тот вдруг попросил лист бумаги и перо.

– Свои я Эсте отдал, – пояснил он, торопливо царапая на листке небрежные строчки, – а просить назад не хочу, она очень сообразительная. Вот, отдашь матушке Тмирне, если со мной что-то случится, она сумеет все сделать, как нужно.

– Подожди... – нахмурился герцог, – ты хоть объясни мне, что это за записка?

– Завещание. И подписанное всеми моими именами пояснение, что Эста является моей законной женой, так как ритуал провел один из потомков древнего народа. Я Ална попрошу подтвердить, думаю, не откажет. Ведь эльвов полагают святыми, и их слово считается незыблемым наравне со словом жрецов.

– Хорошо, я это возьму, – думая о своем, уверенно взял бумагу герцог и не читая засунул в потайной карман, выданная Тмирной одежда имела десятки незаметных укромных местечек. – Но, по-моему, раз уж ты так решил, проще попросить его провести этот ритуал сейчас. Я буду свидетелем.

- Демон. Какой-то я стал несообразительный в последнее время, - искренне расстроился Дагорд. - Веду себя как новобранец на плацу. Ну конечно, нужно попросить, спасибо за подсказку.

- Змей, прости еще раз, - с досадой пиная камни, попросил Арвельд, шагая к прогоревшему костру, - за те пакости, которые мы устраивали в замке. Мне сейчас самому странно, почему мы поверили Кэнку, а не Геверту, ведь он считал тебя самым преданным другом, это хорошо видно со стороны.

- Забудь. Я вам должен быть благодарен, иначе мог никогда не встретиться с твоей сестрой.

Герцог хотел бы сказать, что вот как раз этого быть и не могло, но вовремя прикусил язык. Права Лэни, рано еще открывать имена и лица.

- Алн, у меня к тебе огромная просьба, - едва дойдя до костра, выпалил Змей, - я слышал, вы можете скреплять законной силой брачный союз, пожалуйста, проведи сейчас для нас этот ритуал.

- А невесту ты не спрашиваешь? - осторожно осведомился герцог, поглядывая на невозмутимо сворачивающую письмо Эсту.

- А я уже дала согласие, - не поднимая головы, кротко объяснила она.

- Когда? - не поверил старший брат, - это я минуту назад подсказал ему, что можно провести ритуал немедленно.

- А... Маст. Я все решила в тот момент, когда он спросил, возьму ли я кольцо. Я же взрослый человек и нахожусь в здравом рассудке, зачем спрашивать меня пять раз? Это король придумывает смешные указы после того, как сам чего-то нахитрил, когда привел в храм Леонидию. Они и ритуал проводили в замке Олтерна, и свидетелей было всего двое, сам герцог и Зоралда... Святая Тишина! Как я раньше не сообразила!

- Эста! - решительно прервал Змей, точно знавший, какими неожиданностями могут обернуться догадки его глупышки, - сейчас разговор про нас.

- Извини, зайчик, это привычка, - мгновенно повинилась тихоня, - Алн?! Ты проведешь для нас этот ритуал?

- Они уже близко, - с сомнением оглянулся на ледник полукровка, - очень торопятся, но попытаюсь успеть. Идите сюда.

И решительным шагом направился к самым пышным из растущих на склоне чахлах кустиков. Арвельд направился за ним, а Змей шагнул к Эсте. И не успела тихоня подняться с расстеленного плаща, как оказалась у него на руках.

- Зайчик, - и не собираясь спорить или жалостливо бормотать, как ему наверное тяжело, Эста обвила шею графа руками и прошептала, - нам нужно еще договориться об условных знаках и словах. Не нравится мне этот любитель запретной магии. Хотя, судя по мелочной подлости, этот негодяй все же женщина. И вот это хуже всего.

- Давай поговорим про нее чуть позже?! - мягко попросил Змей, пряча ехидную усмешку.

Никому бы не поверил еще месяц назад, если бы ему сказали, будто он будет нести на руках невесту на брачный ритуал, и вместо заверений в нежной любви девушка будет рассказывать ему, кто, по ее мнению, намеревался убить Олтерна и несостоявшуюся королеву Леонидию. А он, граф аш Феррез, и не подумает оскорбиться, а станет смотреть на нее с неподдельным восхищением.

- Это я просто чтобы не забыть, - кротко вздохнула тихоня, кладя голову ему на плечо.

- Входите туда, - приказал эльв, и Дагорд обнаружил свободный от веток клочок, образовавшийся между кустами - теперь встаньте лицом друг к другу, поднимите левые руки, перчатку снимите...

Молодожены быстро и серьезно исполняли все его указания, а у Арвельда вдруг сдавило горькой обидой сердце. Его единственная сестренка, Лэни, которую он считал погибшей, стоит среди полуоблетевших кустов в страшной маске напротив человека, также замаскированного под бродягу, и собирается сделать самый важный в жизни девушки шаг. Связать свою судьбу с любимым человеком. А у него, урожденного герцога Адерского, бывшего наследника и правителя целого герцогства, нет для нее не только подарка, но и букетика цветов или достойного ее наряда. Пальцы сами побежали по карманам, ища хоть какую-то безделушку, и с досадой замерли, это была чужая одежда, и в ней не могло быть ничего, принадлежащего лично ему.

– Соедините руки, переплетите пальцы, – скомандовал тем временем Алнервиэль.

А едва жених с невестой исполнили это требование, достал откуда-то тонкую гибкую лиану, усыпанную мелкими серебристыми листочками и горошинками бутончиков и ловко опутал ею соединенные руки.

Сообразив, что вторая рука у него свободна, Даг немедленно обнял ею Эсту за талию, и девушка повторила этот жест.

– Посмотрите друг другу в глаза и мысленно скажите все слова, какие вам хочется сказать, – важно произнес эльв и поднял руки, творя странные, замысловатые и изящные жесты, похожие на начертанные в воздухе руны.

Окружающие парочку кусты внезапно соединились, прильнули к ним, переплелись ветвями в тесный шатер, стремительно покрывающийся молодыми побегами и листиками.

– Ты мое счастье и удача, моя радость и нежность, моя душа и моя половинка, – сияя, шептали голубые глаза серым. – Я хочу разделить с тобой весну и осень, дни и ночи, радости и беды.

– Ты мой неожиданный подарок, моя награда и надежда, моя умница и глупышка, – истово вглядывались в голубые омуты серые глаза. – Хочу отдать тебе все, что имею: и душу, и жизнь, – и получить твою любовь и доверие. И клянусь никогда не предать и не обмануть.

Откуда-то извне, из-за плотно укрывших их веток доносился негромкий, но невероятно значительный голос эльва, мелодично читавший нараспев совершенно непонятные слова, обвивающая руки лиана обросла многочисленными побегами и вдруг разом раскрыла сотню бледно-розовых душистых светящихся цветочков.

Дурманный аромат становился все насыщеннее, сердца жарко бились в унисон, а губы упорно тянулись к губам, напрочь изгоняя непрощенное сожаление молодожена, отчего он не выяснил заранее, когда можно будет целовать молодую жену?

– Дагорд...

– Глупышка моя...

Лиана, оплетшая соединенные руки, на миг стиснула их крепко, почти до боли, и вдруг исчезла. И сразу, как живые, расступились кусты, спешно втягивая листья и побеги.

– Поздравляю вас, – торжественно сообщил Алн и деловито добавил, – как раз успеете поцеловаться и спрятать руки. Первые обозники уже на подходе.

– Зачем прятать?! – не понял Змей, выполнив первую часть предложения и рассматривая свою жену с гордым видом собственника.

– Затем, – счастливо засмеялась Эста и покрутила перед его глазами запястьем, – большое спасибо, Алн! Я даже не ожидала, что это будет так прекрасно.

– Я тоже, – ошеломленно пробормотал Дагорд, рассматривая отпечатавшиеся на ее коже изящным браслетом листики и цветочки исчезнувшей лианы.

Глава 8

Они все-таки успели и наглухо застегнуть опущенные рукава, и повторить по три раза предложенные Эстой условные слова и знаки, и даже вернуться к прогоревшему костру и устроиться в самых непринужденных позах. Труднее всего пришлось Змею, ему нужно было не только спрятать рисунок на коже чуть выше запястья, но и стереть с лица блаженную улыбку.

Но и это удалось, едва Дагорд представил, как сейчас ринется к ним толпа отщепенцев, желающих жениться на его жене.

Мрачно уставился в сторону ледника, всем сердцем желая оказаться от него подальше, и услышал неподалеку легкий стук камня, покотившегося под чьими-то ногами. Глянул на руки Эсты, отметил, что они уже сложены накрест в условном знаке, указывающем, с какой стороны к ним крадется кто-то из воинов обоза, и спокойно повернул голову в ту сторону.

Высокий широкоплечий мужчина строго смотрел так знакомыми с детства язвительными глазами. Змею нестерпимо захотелось крикнуть: «Привет, Гарт!» и броситься к кузену, которого не видел много лет. Но он только крепче сжал губы, настороженно следя за длинным кинжалом в руках родича.

– Убери оружие, Кэнк, – мирно сказал Маст, – тут все свои. Как же вы додумались отправить девчонку одну? Повезло ей, что со мной полуэльв, залечил ее раны.

– Это им всем повезло, – допив отвар и ставя на камень пустую кружку, мелодично и строго поправил его Алн, – если бы девушка не захлопнула ловушку на себя, завтрашнего рассвета не увидел бы никто из них.

– Как это?! – встревоженно воскликнул женский голос, и из-за камня решительно выступила Леонидия. – Какую ловушку?

– Огненный песок, – строго сообщил эльв. – Приходилось слышать, потерявшая дар?

– Алн? – Даже сквозь слой белил, защищающих нежную кожу от горного солнца, стало заметно, как сильно побледнела госпожа Ниди. – Неужели это ты? Какими путями?

– Мы ходим, где хотим. – В голосе эльва проскользнула нотка высокомерия, и Эста могла бы поклясться, полукровка выказал его нарочно. – А вот вам так нельзя. Кому ты перешла дорогу, неразумная?

– А то ты не догадываешься, мудрейший, – с легкой укоризной отозвалась госпожа и, пройдя к Эсте, села рядом с девушкой. – Сильно тебе досталось? Мы видели кровь...

– Сейчас уже лучше, – прошептала тихоня слабым, безжизненным голосом, и у Змея невольно сжалось сердце. – Если бы не Алн, было бы намного хуже. У меня ведь одежда вся закрытая, угольки попали в шею и в веки. Ловушка была почти на краю ледника... я дошла до конца с закрытыми глазами.

– Если бы она не вскрикнула, мы не успели бы добежать, – поймав неточность в рассказе сестры, хмуро поправил ее Маст, – не думали, что кто-то пойдет через ледник в одиночку. Не стой, Кэнк, садись. Обоз не скоро весь перейдет.

– Откуда ты меня знаешь? – недоверчиво поинтересовался адъютант, не двигаясь с места.

– Помнишь Торем? Старого купца Ирсена? А красавиц из его гарема? Черноглазая Хайяна звала тебя – «мой тигр».

– Маст?! – недоверчиво уставился на герцога Кэнк. – Но лицо не совсем твое.

– Нашлись добрые люди, свели с целителем, – туманно сообщил Маст, – вот потому я и тут. Пообещал в благодарность отнести сюда новость, которая до этих мест вряд ли еще дошла. Король отрекся от трона в пользу сына. А Лоурден подписал всем нам полную амнистию. Знатным помилованным будут возвращать имения и дома, а если невозможно

- возмещать деньгами. Судьи уже работают.

Герцог специально произнес последние фразы громко и уверенно, несколько охранников, следовавших за Леонидией, следили за ними, обступив широким кругом.

- Маст? - Еще один охранник подошел ближе. - А меня ты помнишь?

- И хорошо, громкий Олив. Но буду помнить еще лучше, если ты вернешь мне деньги за ту цепочку, что я купил для твоей рыженькой подавальщицы.

- Точно, - засиял обрадованной улыбкой охранник. - А верно, что нам амнистия?

- Это правда, - важно подтвердил полукровка, и недоверчивые взгляды остальных отверженных сразу посветлели и стали задумчиво-растерянными.

Все отлично знали, эльфы никогда не лгут, но сейчас не могли так сразу уяснить, что им теперь нужно делать? Идти назад, в королевство? А как идти, если единственный мост они разрушили?! Или все-таки дойти до крепости? Но зачем? Чтобы потом возвращаться назад, на тропу контрабандистов, и пробовать пройти через Торем?

- Лошадей привели? - оглянулась Леонидия. - Поедем в пастуший поселок. Пообедаем, подумаем. Да и Эсте нужно отдохнуть.

- Тао, приведи наших лошадей, - скомандовал Арвельд, и Змей немедленно поднялся с места.

Таков был уговор, Маст договаривается и ведет себя как командир их маленького отряда, а Даг изображает из себя нелюдимого молчуна.

- Откуда ты его взял? - подозрительно покосился Кэнк вслед вызывавшему смутную тревогу незнакомцу.

- Он давно с нами, надежный человек, - не моргнув глазом солгал Арви, хотя, если вдуматься, все сказанное - чистая правда. Смотря с какой стороны глядеть.

- Ты в седле ехать сможешь? - с беспокойством поинтересовалась у тихони Леонидия.

Когда она чем-то занималась или о ком-то волновалась, от сердца на время отступали тревога и страх. Вот и сейчас Нида предпочитала думать о ранах этой почти незнакомой девушки, чем о ловушке, которой они избежали. Огненный песок... она читала описание и прекрасно помнит, какой ужас испытала, попробовав представить, что будут чувствовать обреченные, когда в них разом вопьется несколько сотен раскаленных игловок. Наверное, ей было очень больно, этой храброй девушке, выдающей себя за жену кузена Кэнка.

Хотя о чем это она? А сама всю жизнь за кого себя выдает? Особенно последние пятнадцать лет.

- Смогу, - помедлив, сказала Эста, намеревавшаяся потянуть время, пока Змей не приведет лошадей.

В последний момент перед тем, как девушка расслышала приближение подкрадывающихся бандитов, муж взял с нее слово, что она будет держаться как можно ближе к нему, и нарушать это слово без очень веской причины тихоня не собиралась.

- Эста, - внезапно взял ее за руку эльф, - я с вами дальше не иду. Отсюда моя дорога в другую сторону.

- Далеко? - взглядела девушка в прозрачно-зеленые глаза и сразу поняла, что зря задала этот вопрос, он не ответит, - мы еще встретимся?

- Нет, - печально качнул он головой, - я возвращаюсь домой.

Рассказывать человеческой девушке, что он, наконец, залечил собственные душевные раны и избыл все печали, эльф не собирался, тогда придется объяснять, что ему помогло тепло их объединившихся душ. А это может изменить их отношение к нему. Алнервиэль давно знал, то, что для эльфов обычное дело, восстанавливать свой покой за счет

бесконтрольно выплескивающегося из людей счастья, самым младшим братьям кажется чрезвычайно предосудительным. По их мнению, пусть лучше рассеется по миру драгоценная энергия, чем вылечит душу полукровки.

– А разве ваша долина Эмаельгейл еще жива? – тихо, одними губами спросила она, но эльв услышал.

Слух его народа ничуть не хуже, чем у нее. Потому он и унесет с собой ее тайну... маленький, но важный секрет храброй девочки, за долю секунды просчитавшей страшную вероятность и мгновенно принявшей героическое решение.

– Конечно, – улыбнулся он ей так светло, как никогда не улыбался людям, – но хорошо спрятана. Прощай, храни свой дар.

– Спасибо, ты замечательный, – так же светло улыбнулась Эста, не сомневаясь, что он увидит ее улыбку сквозь вуаль и маску, ведь эльвы смотрят душой.

Алн только рассеянно кивнул, мыслями он был уже далеко, там, куда не было доступа людям, ведь они умудрялись вкус даже самого райского счастья испортить завистью, подозрениями, ревностью или злорадством. И пока у него душа настолько наполнена энергией, полученной во время ритуала, что он сможет проложить себе почти прямой путь до родной долины, нужно спешно уходить, иначе снова застрянет здесь на долгие годы. Ведь последний раз ему удалось так щедро пополнить свой резерв целых пятнадцать лет назад.

Подъезжавший к кострищу Змей скрипнул зубами, рассмотрев, как нежно белобрысый держит за ручку его жену, но, когда эльв встал и, не оглядываясь, пошел по направлению к кустам, граф отчетливо осознал, это было прощание. Взамен настороженности в его душе возникла шемяще-острая грусть, слегка приправленная горьковатым пониманием непростительности собственных подозрений. Нестерпимо захотелось напоследок сказать этому непостижимому существу, делавшему добро не по просьбе, а просто по велению души, как Дагорд ему за все это благодарен.

И Змей не выдержал, бросил поводья двух лошадей и направил свое животное наперерез эльву. Соскочил с седла прямо перед белобрысым, пристально уставился в отстраненные прозрачные глаза и со всем жаром души выдохнул:

– Спасибо тебе, Алн, за все, и прости. Счастливого пути!

– Ваши браслеты скоро наберут силу, – невпопад произнес полукровка, впитывая щедрый дар чистосердечного порыва и думая, что теперь он сможет пройти напрямик там, где раньше намеревался сделать остановку, – вы начнете издали узнавать друг друга... береги ее.

И решительно шагнул в расступившиеся перед ним кусты.

К костру Змей ехал не торопясь, последнее предупреждение эльва следовало обдумать, а еще лучше – передать Эсте, вряд ли Алн сказал ей подобное при всех. А еще пора было решить непростой вопрос, каким способом они будут возвращаться назад, если бандиты и в самом деле уничтожили единственный мост. Хотя последнее утверждение Змей предпочел бы проверить лично. Разумеется, он верил словам Эсты, что бывшая возлюбленная Олтерна приказала обрубить державшие мост канаты, но слишком давно и не понаслышке знал методы тех, кто считал себя вправе решать чужие судьбы. И потому вполне допускал, что приказ был с заранее оговоренным двойным подтекстом и верные люди могли сделать вовсе не то, что услышали в этом указании окружающие.

– Молчун, возьми девушку в седло, – подняв Эсту на руки, приказал Маст, – вторую лошадь я отдал госпоже Ниди и Кэнку. А сзади меня может сесть кто-то из парней, вот хоть Олив.

– Угу, – нарочито мрачно хмыкнул Змей, бережно подхватывая жену, и придержал лошадь, чтобы ехать последним.

Тогда он сможет шепнуть ей на ушко несколько слов, абсолютно не предназначенных для посторонних.

Поселок пастухов оказался обычным летним лагерем, с временными хижинами, слеplенными из не связанных раствором камней и кривых стволиков и крытых соломой, с громыхающими вместо дверей пересохшими невыделанными шкурами. Лишь единственный дом был построен более аккуратно и добротно, и именно к нему направил свою лошадь Кэнк.

- Стойте, - звонкий оклик Эсты вовсе не напоминал недавнего слабого голоса умирающей, но никто об этом не подумал, услышав следующие слова. - Там может быть ловушка.

- А как проверить? - разом останавливая лошадей, помрачнели мужчины.

- Я пойду, - заикнулась было тихоня и тут же почувствовала, как руки мужа, прикрытые полами плаща, стиснули ее талию мертвой хваткой.

- Я против, - резко заявил Маст, - ты же не почувствовала тот песок?! Лучше остановимся в простой хижине, все равно это удобнее, чем на улице.

- Там все было не так, - робко заспорила Эста, - когда идешь по льду, лучше шагать быстро и смело, не останавливаясь. Вот и я заметила ловушку в последний момент, когда свернуть уже было некуда. Зато глаза зажмурить успела.

Теперь, когда никто не мог выдать ее тайну, можно говорить все, что хочешь. А рассказывать правду тихоня не собиралась никому.

- У меня есть метод лучше, чем проверять твои умения, - не согласилась Леонидия, - но остановиться действительно стоит там, где советует Маст. Теперь я его тоже узнала... просто никак не ожидала увидеть здесь.

- Поверь, я и сам не ожидал, госпожа, - склонив почтительно голову, чтобы скрыть выражение глаз, признался герцог.

Змей исподтишка усмехнулся, наблюдая за новым родичем, похоже, теперь он знает, откуда у его жены такие таланты. Определенно, это у них семейное.

Выбор места для ночлега закончился скоро, как выяснилось, госпожа Ниди категорически не желала ночевать в больших балаганах, предпочитая тесноту небольшой хижины обществу прочих членов отряда.

В этот раз Дагорду пришлось волей-неволей расстаться с женой, спрыгнувший с лошади напарник забрал ее так решительно, словно являлся законным покровителем.

- Ты поосторожнее с этой девушкой, Маст, - едко усмехаясь, предостерег его Кэнк, - она утверждает, что мой кузен Даг - ее муж.

- И она не лжет, - уверенно ответил ему Арвельд, - они и в самом деле женаты. Я могу заверить, Змей обожает свою жену и приберет каждого, кто протянет к ней лапы.

- Я это чувствовала, - потаенно вздохнув, сообщила Леонидия, - но у тебя, Маст, по моему, было раньше о графе иное мнение?!

- Я заблуждался, - безапелляционно отрезал Арвельд, - и до сих пор об этом сожалею. Но меня сбила с толку рекомендация Кэнка, и теперь мне очень интересно узнать, за что же он так не любит родича?! Уж не за руины ли, которые Олтерн милостиво отдал его кузену? Так, думаю, Змей с удовольствием от них отказался бы, если бы не мечтал восстановить для семьи.

Привязывающий лошадей Дагорд крепче сжал зубы, все сказанное Мастером задевало самые сокровенные струны его души, и хотя лжи в этом не было, выставлять свои чувства и мечты напоказ он никогда не умел и категорически не желал.

- Пусть воины разведут костер, - попыталась скомандовать госпожа, но Эста не позволила ей взять над собой власть.

- Пусть костром займется Олив, а Молчун покараулит у входа, раз Маст говорит, что он надежный человек, – безапелляционно объявила она и, дождавшись, пока Кэнк неохотно подтвердит кивком головы ее распоряжение, продолжила, – а мы пока поговорим о делах. Пришло время, госпожа Ниди, расплатиться со мной. Сами понимаете, в нашем деле оплата – всегда вперед.

И девушка решительно уселась на топчан напротив госпожи, для которой Кэнк застелил сиденье своим подбитым мехом плащом.

- Но ведь... – заикнулась Леонидия и столкнулась с холодным взглядом голубых глаз, глядящих с жуткого лица.

- В чем дело? Я могла сегодня погибнуть вместе с вами. – Голос тихони звучал жестко, и в нем не было даже намека на недавнюю слабость. – И моя гибель осталась бы для моих сестер не только глупой случайностью, но и большой ошибкой взявшей контракт наемницы. И больше эту ошибку я повторять не намерена. Рассказывайте все подробно с того дня, как вашей кузине Зоралде пришла в голову идея выйти замуж за короля.

Глава 9

– Наверное, ты права, – помолчав с минуту, безнадежно признала Леонидия и плотнее завернулась в плащ, словно ее знобило. – Полагаю, действительно пора все рассказать. Но только не о том, будто Зоралда хотела стать королевой. Она никогда такого не желала. И эта история началась задолго до нашего приезда в Датрон. Наверное, лет на пять раньше. Я тогда была еще почти ребенком и жила с родителями в поместье. А Зоре было уже шестнадцать, и когда в наш провинциальный Торог приехал по своим делам красавчик-герцог, она влюбилась в него с первого взгляда. Он ее тоже заметил... но ненадолго. Как только дела закончил – уехал и больше о ней не вспоминал.

Стоявший за шкурой Змей помрачнел, судя по его подсчетам, Олтерну было в тот момент двадцать семь. И если припомнить рассказы самого господина, в те развеселые годы на него толпами вешались девушки и женщины всех возрастов во всех городах и селениях, куда Олтерна посылал с поручениями король.

– Вот как, – в задумчивом голосе тихони сквозило печальное понимание, – и она не оставила мечту о нем, как это делали десятки прочих брошенных возлюбленных?

– Зора всегда была очень... сильная и настойчивая. Она потом говорила, что готовилась пять лет и сделала все для того, чтобы этот негодяй не выскользнул из ее сетей.

– Но при чем тут король? – недоуменно осведомился Арвельд. – Ей нужно было ехать к герцогу.

– Олтерн не нуждался в невесте и тем более не нуждался в деньгах, – печально усмехнулась Ниди, – а вот король нуждался. И у Зоры как раз все это было: и красота, и деньги.

Эста незаметно, не отвлекая рассказчицу, опустила прожженную в нескольких местах вуаль и саркастически усмехнулась. Надо же, как хорошо подготовилась Зоралда и как откровенно действовала! И никто из рассудительных дознавателей ничего не заподозрил, ослепленный длинным рядом нолей в цифре, обозначающей сумму ее приданого!

– И еще кое-что, кроме денег, – подождав минутку, подтолкнула госпожу Ниди к откровениям тихоня, – и вот для этого ей и нужна была свита из хорошеньких кузин. Думаю, она сделала выгодное предложение каждой из вас.

– Да... ты все правильно понимаешь. Она так правильно говорила и обещала, что обязательно поможет... почему королевой должна стать какая-то кокетка, если у Зоры получится выйти замуж за Олтерна? А своей кузине она даст очень приличное приданое и подскажет, как стать королевой. Иначе ей не с кем будет поговорить, пока муж занят государственными делами.

– И как было не согласиться, – сочувственно поддакнула тихоня, хотя на самом деле никакого сочувствия не ощущала. Не стоит сочувствовать тем, кто ради собственного блага готов попытаться обжудить судьбу, – и чем вы должны были привлечь внимание короля? Наряды и прически не в счет, у столичных дам они были намного изысканнее. Любовные зелья для короля не пропустил бы дворцовый стряпчий, на приворотные амулеты поднял бы тревогу королевский охранный медальон. Остается ведьминская ворожба, очарование оборотней и морок нечисти. Чем она привлекла к тебе короля и Олтерна?!

– Я не знаю, что это было... она сама составляла... – побледнев, как перед виселицей, тихо прошептала несостоявшаяся королева. – Но я выпила больше всех... очень хотелось жить во дворце, а не в обнищавшем поместье.

– Демон, – почти с ненавистью рыкнул Маст, и все слышавший Змей был с ним полностью согласен. – Где были королевские стряпчие, целители и хранители амулетов?

На месте были, – мог бы сказать Дагорд, но смолчал. Ведь никто ничего не заметил... и он тоже, хотя был тогда рядом с герцогом почти неотлучно. Ну а стряпчие скорее всего и не старались особо искать, ведь Георгиус заблаговременно всем сообщил о своем намерении жениться на Зоралде в первый же удобный момент. Вот только король не мог

и предположить предусмотрительности ведьмы. Она загодя все устроила так, чтобы их свадьба никогда не состоялась.

Граф осторожно выдохнул и, припомнив правила сидящего в засаде, крепко зажал зубами уголок воротника. Вскрывающаяся история становилась все более странной и скверной, и он боялся выдать себя неосторожным или возмущенным восклицанием.

– Я же говорю, она долго готовилась. Вот только никто не мог заранее догадаться, что ко мне вспыхнет чувствами не только король. Но хуже всего... я тоже не видела никого, кроме герцога. словно все разом померкли, лишь он стал еще ярче и красивее.

Кэнк недовольно фыркнул, но на Леонидию его недовольство не произвело никакого впечатления. Она была сейчас там, в прошлом, и видела только его, своего истинного возлюбленного.

– Леонидия, а зачем же тогда ты согласилась выйти замуж за короля? – осторожно продолжила допрос Эста.

– Так она же и постаралась... Зора. Я ведь говорила, она поклялась страшной клятвой, что заполучит Олтерна в мужья любой ценой. Кузина пошла к королю... я не знаю, какие именно слова она ему говорила, но определенно пообещала меня, если он поможет ей выйти за герцога. И Георгиус уговорил друга. А потом они поменялись одеждой... а Зора подлила мне какое-то зелье... я была как в тумане. И хотя смутно понимала, что рядом со мной перед жрецом стоит вовсе не Олт, все равно сказала – «да». И сразу потеряла сознание.

– Демон, какие дураки, – расстроено выдохнул Арвельд, начиная понимать, с чьей сумасшедшей выдумки все началось и за чье неумное желание получить вожделенного жениха любой ценой заплатил он сам и вся его семья такую страшную цену.

Не говоря уже о многих сотнях остальных мятежников.

– А потом? – мягко спросила Эста. – Как король оказался в реке?

– Я пришла в себя в карете... – нехотя продолжила рассказ Ниди. – Она куда-то мчалась, а король целовал меня и называл своей женой. И на моем пальце действительно был надет королевский перстень. Но действие зелья уже прошло, и я начала понимать, как подло они со мной обошлись. Во мне словно проснулся взбесившийся зверь. Я кричала на него, била, царапала, рыдала, пыталась выпрыгнуть из кареты, но он в ответ на все мои слова твердил признания в любви. Наконец я устала и пообещала прыгнуть с башни или в колодец или повеситься при первой же возможности. Объявила, как бы меня не караулили, жить без любимого все равно не стану. И тогда он сообщил, что Олтерн женился на моей кузине в тот же час.

Леонидия смолкла, отстегнула с пояса серебряную флягу, украшенную бирюзой, и сделала из нее несколько торопливых глотков. В хижине запахло вином.

Путники молча ждали, пока она возьмет себя в руки, начиная отчетливо понимать, сколько тайн хранит бывшая королева. И желали узнать все немедленно и до конца. Леонидия горько усмехнулась, прочтя на их лицах эту решимость, глотнула еще вина и продолжила рассказ хрипловатым, безразличным голосом.

– Когда я услышала эту новость, просто обезумела от горя. Сумела извернуться и достать его кинжал... король не мог и представить, будто я умею обращаться с оружием. Приставила себе к груди и прокляла... и его самого, и его ненавистную любовь. Он, конечно, бросился отнимать, а я успела надавить... хотя рана была небольшая, но кровь текла сильно. Король велел кучеру остановиться и вынес меня из кареты. Оказалось, неподалеку протекала река, Георгиус нес меня на руках, карета ехала сзади, а я, не переставая, призывала на его голову все мыслимые беды. И тогда он сдался. Заявил, что я могу идти, куда хочу. Но должна взять охрану до того места, где останусь жить, в тех местах иногда встречались разбойники. Потом помог мне перевязать рану, отдал кошелек и несколько драгоценностей, я не хотела их брать, но сил спорить не было, ослабела от потери крови. Охранники посадили меня на коня, привязали к подушкам и повезли... тогда я еще не понимала куда.

– Ну, думаю, это я и сама могу теперь сказать, – хмуро вздохнула тихоня. – Не мог король позволить, чтобы его непокорная жена оказалась на свободе и ее кто-нибудь узнал. А для остальных разыграл спектакль с похищением или гибелью королевы и объяснять ничего никому не стал, решил некоторое время выждать. Наверняка самоуверенно считал, будто через некоторое время Леонидия успокоится, одумается и смирится. Не учел он только одного, чувств Олтерна. Наверняка не подозревал, что едва узнав об этом происшествии, Олтерн раскается и будет искренне переживать. И совершенно перестанет обращать хоть какое-то внимание на молодую и страстно влюбленную жену. Разумеется, Зоралда такого стерпеть не могла и наверняка не раз пыталась напоить его своими зельями. Или приворожить чарами. Думаю, все поняли, что герцогиня имеет ведьминские способности и усиленно их развивает?

– А ты очень умна, тихоня, – с преувеличенной ласковостью заявил глубокий женский голос, и в одном из дальних углов хижины проявилась сидящая на топчане крупная женская фигура.

И в тот же миг, не дожидаясь следующих слов неожиданной гостьи, Эста выхватила из потайного кармана метательный кинжал и с силой швырнула ей прямо в сердце.

Раздался противный визг, фигура вскочила, закрутилась, задержалась и вдруг растаяла зловонным облачком. Ошеломленные этим внезапным нападением и его странным исходом зрители, сидевшие до этого момента молча и неподвижно, схватились за платки и воротники, стремясь уберечь свои легкие от вони. Только Эста, застыв гордой статуей, смотрела в противоположный угол, казавшийся на первый взгляд совершенно пустым.

– Неужели видишь? – насмешливо спросила эта пустота уже знакомым Эсте голосом, и Леонидия с Мастом резко вздрогнули, – какая способная девочка! Нужно будет подумать, куда тебя приспособить.

Сестра Тишины только презрительно усмехнулась в ответ. Она лгала, эта хитрая, расчетливая и безжалостная герцогиня, еще не догадывавшаяся, что в поместье герцога подписан документ о ее смерти, и теперь она будет считаться самозванкой, если попытается вернуть свое имя или имущество. Впрочем, сама Эста тоже лукавила, когда, расслышав, как сужается вокруг хижины круг из полусотни крадущихся шагов, не перестала выяснять правду про давно прошедшие события и объяснять брату и мужу свои догадки. Точно зная, что бесполезно даже пытаться сопротивляться такой куче самых преданных охранников Зоралды и малейшая попытка достать оружие ничем иным, кроме как немедленной гибелью строптивцев, закончиться не может.

Потому-то девушка и перевела весь гнев ведьмы на себя, швырнув кинжал в сидевшую под мороком кикимору, в попытке заинтересовать Зоралду, прежде чем та отдаст последний приказ. Дабы как можно дольше протянуть время, ведь, едва оценив безвыходность положения, Эста успела, пользуясь спрятанными под плащом руками и близостью пирамидки, лежавшей рядом в мешке, незаметно достать и отправить тревожный пенальчик. Самый важный и самый дорогой из всех, какие она носила с собой. В него не нужно было вкладывать письмо, он сам по себе был письмом, говорящим о том, что тихоня больше не видит ни одного из десятков обычно доступных ей способов повернуть обстоятельства себе на пользу.

– Ну это долго думать не нужно, – помолчав всего лишь пару секунд, кротко ответила Эста, чтобы не злить и без того взбешенную крушением своих планов ведьму. – Я очень многое умею. И готовить, и шить, и вязать шелковые кружева.

– А еще метать дротики, – в тон ей едко поддакнула Зоралда. – Так зачем ты, раз такая умелая и чуткая, убила мою кикимору?

– С детства их ненавижу, – печально вздохнула тихоня, – и с тех пор сразу узнаю по причмокиванию.

– То есть ты хочешь сказать, что пыталась убить не меня, – с недоверчивым смешком протянула бывшая герцогиня. – Хитра...

– Тебя я могла бы убить и сейчас, – усмехнулась в ответ тихоня, отмечая про себя необычайную молчаливость всех присутствующих и какой-то странный запах, исходящий от морока, – потому как точно знаю, где ты стоишь. За спиной у Кэнка. А вот та, кого

видят все, – это очередной отвод глаз.

Она специально назвала морок отводом глаз, зная о том, что это разные по силе и степени умения чары, и точно попала в цель.

– Это морок, девочка, но поскольку в тебе нет ни капли ведьминского дара, такая ошибка прощительна. А вот простить тебе порчу моих ловушек я не могу. Но просто убивать не буду... никого из вас. Вы выдали врагам мое убежище и теперь будете выкупом... или ключами к моей новой жизни. Кэнк, свяжи всем четверым руки и выводи по одному на улицу, клетки уже ждут. Да прикрой им головы, хоть вон мешками.

Это было самое подлое наказание из всех, какие она могла для них изобрести и приготовить. Клетки для перевозки на лошадях самых опасных злодеев. Из стальных прутьев и намертво пристегнутые к особым седлам, клетки закрывались сверху крышками и запирались простым штырем, продетым в несколько петель. Его невозможно было вытащить изнутри, и потому обычно преступникам развязывали руки, заперев в этом демонском приспособлении, чтобы они могли держаться и во время скачки не разбивать себе носы о неудобную клетку. Но Кэнк или не знал о таком способе, или слишком боялся своей настоящей госпожи, только, заперев недавних собеседников, и не подумал развязать им руки.

И хотя это не могло не тревожить тихоню, гораздо больше ее беспокоило странное молчание остальных узников. С того самого момента, как она убила кикимору, ни один из них не произнес ни слова, и это не могло быть простой осторожностью. Пусть смолчал бы Змей или Арвельд, но Леонидия непременно должна хотя бы спросить кузину, за что та ее приговорила?

Ведь это только Эсте понятно, ведьма мстит Ниди за любовь Олтерна, ошибочно полагая, как, впрочем, и большинство брошенных прелестниц, будто у нее увели любимого. И никто в целом мире не сможет ей доказать простой истины, невозможно увести того, кто не желает быть уведенным. Ну, если только приворожить или очаровать, да и то ненадолго. Таково уж свойство истинной любви, со временем она стирает любые чары и снимает всякие привороты.

И раз герцог Эфройский до сих пор, как и Георгиус, мечтает о среброглазой Леонидии, стало быть, не подействовали на них никакие тайные снадобья и ведьминские заклинания Зоралды.

В путь отряд ведьмы двинулся не мешкая, и, чутко прислушивающаяся к топоту копыт, тихоня вскоре определила количество сопровождающих. Вместе с пленниками десяток или чуть больше всадников, если не предположить, что еще несколько могут ехать дозором впереди отряда и в арьергарде. Стало быть, большую часть тех, кто с ней приехал, ведьма оставила в пастушьем поселке, то ли не доверяя им до конца, то ли не найдя места бывшим подданным в своих новых замыслах.

Эста тихо вздохнула, осторожничая скорее по привычке, чем от необходимости, и задумалась. Все выясненные ею довольно важные сведения могли быть им очень полезными, если бы тихоня поверила, будто Зоралда решится продать пленников Олтерну. Ну, или их жизни. Но верить бывшей герцогине никак нельзя, она оказалась неимоверно злобной и лживой и вполне способна убить много лет верно служившую ей кузину. Наверняка нахлебавшуюся за эти годы от мстительной сестрицы и оскорблений, и подлостей, и унижений.

Лошади, скакавшие первыми, неожиданно встали, и до чуткого слуха монашки донеслось несколько тихих слов строгого приказа. Зоралда требовала от сопровождавших ее воинов отправиться в крепость короткой дорогой и выдать указания греть побольше воды, готовить ванну и комнату госпожи, сразу по приезде она намерена взяться за изгнание завладевшего телом госпожи Ниди проклятья. А еще приготовить камеры и цепи для шпионов, умудрившихся обмануть их госпожу и бросить в нее запретное заклинание.

«Как ловко!» – восхитилась Эста. Стало быть, это не сама Зоралда ведьма, а кто-то из них четверых. Ну а судя по тому, что кузину аферистка намерена выдать за потерпевшую, стало быть, на роль ведьмы определена она, сестра Тишины. Так вот почему бывшая герцогиня не сделала даже малейшей попытки посмотреть пленнице в лицо или сорвать

с нее жуткую маску, о которой наверняка доложил услужливый Кэнк! И вот почему им не стали развязывать руки! Чтобы Эста не попыталась снять ее сама!

Девушка язвительно усмехнулась, прислушалась к топоту коней уменьшившегося почти вдвое отряда и принялась за дело. Спрятать руки под одежду в клетке не так-то легко, но проще, чем без оной. Приподнять полу плаща коленкой, прижать к железным прутьям и просунуть в эту щель связанные кисти рук удалось ей за пару минут. Ну а дальше уже проще. Многократно отработанным движением изогнуть тонкие пальчики, подцепить ногтем и вынуть крохотный кинжальчик, копию того, какой она подарила Змею. Затем зажать его в кулаке особым способом и перерезать хоть одну веревку. А после, постепенно подергивая обмотанный в несколько слоев кожаный шнур, освободить его настолько, чтобы выскользнула изящная кисть, неотъемное наследство бабушки-герцогини.

Ну вот и все. Теперь, чуть ослабив, можно отложить путы в сторону. Но оставить возможность в любой момент вернуть их на место, показывать все свои таланты захватчице не стоит.

Еле заметными движениями, не уверенная в том, кто именно скачет чуть позади нее, Эста стянула на груди полы плаща, сколола спрятанной за отворотом булавкой и просунула руки под прикрытием редкого грубого мешка под вуаль. В случае надобности маску можно было снять очень быстро, расстегнув за ушами незаметные крючочки. Но после этой, сотни раз проделанной ранее процедуры девушку ждал неприятный сюрприз. Оказывается, затекшая под маску и не до конца промытая кровь приклеила тонкий шелк к коже, и теперь он не желал отставать. Пришлось поплевать на пальчик и, немного смочив прилипшие места слюной, некоторое время усиленно их тереть. А потом искать у пояса кошель с зельями, доставать душистое масло и протирать уголком платка все лицо, чтобы не напугать никого видом засохшей крови. Поди докажи потом настроенным против мнимой ведьмы отщепенцам, что это кровь из заживленных эльвом ран, а не жертв! Ведь как любят рассказывать в своих байках болтливые обозники, напиться горячей крови для злобной ведьмы самое обычное дело.

Успокоилась девушка только тогда, когда от недавнего происшествия на леднике, по ее ощущениям, на щеках и шее не осталось больше никаких следов. Осторожно спрятав подальше все свои приспособления, какие хотела бы спасти от неминуемого обыска, тихоня занялась новым делом. Проковыряла против глаза в мешке маленькую дырочку и начала изучать обстановку, осторожно поворачивая голову. Попутно не переставая просчитывать возможные планы Зоралды. И когда рассмотрела, как на одной из развилок почти незаметной тропы их отряд свернул не на северо-запад, где была расположена захваченная отщепенцами заброшенная крепость, а на юг, ухмыльнулась.

Все-таки она снова их обманула, своих теперь уже бывших соратников, эта безжалостная ведьма. Отправила подальше, чтобы никто не видел и не смог потом указать, в каком именно месте она свернет к Торему. А в том, что Зоралда намерена исчезнуть, с удобством устроившись в заранее подготовленном логове, тихоня уже не сомневалась. Как и в том, что будет очень трудно найти ее в одном из многочисленных городов, поселков, дворцов или даже гаремов Торемского ханства.

Убеждена она была и в другом: пленники не нужны ведьме ни для выкупа, ни для каких-то иных целей. Слишком это опасное и ненадежное дело, торговаться с разъяренным Олтерном, молодым королем и настоятельницей монастыря Святой Тишины. И нужно быть намного глупее, чем Зоралда, чтобы польститься на мнимые выгоды от подобной сделки.

Все по той же причине не верилось Эсте и в желание использовать своих пленников в каких-либо ритуалах. Узнав об их гибели, Тмирна перевернет не только все соседние королевства и ханства, но и подземелье гномов. И найдет убийц. И постепенно у Эсты осталась всего одна догадка.

Месть, вот что давно уже стало смыслом жизни Зоралды, и ради мести она недавно приговорила к ужасной смерти не только кузину, но и всех без исключения ее спутников, даже безропотного и исполнительного Кэнка. И она не откажется ни за какие блага от своих черных планов, потому и везет Леонидию в клетке со связанными руками, лишь бы доставить сопернице как можно больше боли и унижения. А всех остальных прихватила за компанию, желая выиграть как можно больше времени и не позволить

организовать за собой погоню. Ну и заодно примерно наказать за крушение своих тщательно просчитанных планов и за вот это поспешное бегство. А уж о том, какие у Зоры могут быть идеи насчет этого наказания, тихоне не хотелось даже думать, ясно ведь, ведьме-самоучке неведомо даже слово – сострадание. Особенно если оно относится не к ней самой.

Значит, нужно быть готовой к любой мерзости и попытаться использовать любой, даже самый незначительный шанс в попытке опередить Зоралду и разрушить безжалостный замысел отвергнутой мужем герцогини.

Глава 10

Было далеко за полдень, когда отряд остановился на привал под каменным козырьком, нависающим над тропой, вьющейся почти по дну ущелья. Ведьма и трое охранников, считая Кэнка, спешили и занялись своими делами, поили и кормили коней, умывались, что-то ели. На сидящих в клетках с мешками на головах пленников никто из них не обращал никакого внимания и определенно не собирался ни водить в кусты, ни поить водой, не говоря уже о еде. И это неимоверно злило Эсту, слышавшую, как странное оцепенение и немота наконец-то начинают спадать с остальных узников. Тихо скрипнул зубами Змей, яростно рыкнул Арвельд, горько всхлипнула Леонидия.

Ее лошадь стояла бок о бок с животным Эсты, жадно хрупая овсом, насыпанным в выдолбленную в камне чашу. Стенки их ящиков почти соприкасались, и сестра Тишины отчетливо видела опухшие руки бывшей королевы.

– Придвинь руки к стенке клетки, – приказала тихоня тихим шепотом, дождавшись, пока ведьма уйдет подальше, – узлом ко мне. Потом спрячешь под плащ.

Ее узкая кисть как раз пролезла в дыру между прутьями, и она молила удачу только об одном, чтобы не кончился овес и лошади не отодвинулись друг от дружки.

– Спасибо, – всхлипнула Ниди чуть громче. – Какая же она гадина!

– Тихо, они рядом. Ты что, раньше этого не поняла? – дорезав веревку, Эста вздохнула с облегчением. – Теперь подсунь руки под мешок и зубами помогай себе снять путы.

Некоторое время пленница с сопением и тихими стонами возилась с впившейся в кожу веревкой, потом приподняла край мешка и огляделась.

– Ниди! – возмутилась тихоня. – Опусть мешок и спрячь руки.

– Я хочу попросить... чтобы отпустила хоть на пять минут.

– Проси, – презрительно фыркнула Эста, – только не жалуйся мне потом. Я не помогаю самоубийцам и дуракам.

Леонидия немного повздыхала, повозилась, устраиваясь удобнее, но просить о чем-либо кузину так и не стала. А еще через четверть часа отряд двинулся дальше, и больше всего тихоня жалела о том, что не смогла освободить руки мужу и брату.

Ехали они почти дотемна и на последнем отрезке дороги так погоняли уставших лошадей, что Эста начала всерьез тревожиться. Хоть пропастей под тропой и не видно, зато хватает камней и участков с осыпями и крутыми берегами горной речки, и издерганная лошадь вполне может от резких окриков и ударов кнута оступиться и покатиться туда вместе с клеткой и заключенным в ней человеком.

Однако пронесло. Видимо, удача была в этот день в хорошем настроении и не стала отворачиваться от и без того замученных пленников. Еще тлели осенние сумерки, когда отряд свернул к темнеющему между кустов входу в явно заброшенную каменоломню и остановился.

Охранники торопливо соскочили с коней, повели их внутрь, вспыхнул впереди в тоннеле один факел, потом второй, третий. Эста внимательно рассматривала покрытые копотью стены, считала повороты и по уверенному движению возглавлявшей отряд Зоралды все яснее понимала, ведьма чувствует себя тут как дома. Следовательно, уже давно готовила для себя это убежище и скорее всего не удержалась и понаделала здесь каких-нибудь особо гнусных ловушек или сюрпризов. И определенно, как все мстительные люди, долго готовившие кому-то гадость, мечтает насладиться видом чужих мучений. А если так, то пленникам нужно попытаться использовать эту ее слабость, чтобы спастись. Не исключено, что это единственный шанс, который им остается, потому как каменоломни – самое удобное место, где можно спрятать следы любых злодеяний.

И только в таких условиях наступает для тихони тот самый крайний случай, когда она имеет право сама убить врага, и ее монастырь всегда защитит сестру от дознавателей и судей. Вот только Эсте, несмотря на всю ее подготовку, никогда не приходилось не

только убивать, но даже по-настоящему бить человека, и теперь при мысли о том, на какое действие нужно решиться, девушку поневоле бил легкий озноб.

Охранники, приведшие лошадей в просторную выработку, где по вырубленной в полу канавке текла вода, ушли заниматься своими делами, снова оставив пленников в клетках. Маст почти рычал, и в этом рыке слышались всевозможные угрозы и ругань, но от употребления самых грязных словечек, почерпнутых за время скитаний, его сдерживало присутствие сестры. Змей же сумел сбросить с головы мешок и, обнаружив, что руки Эсты свободны, с раскаянием вспомнил про ее подарок. И теперь, шипя от злости на собственную недогадливость и неловкость, пилил веревку, еле держа опухшими и непослушными пальцами кинжал.

– Тсс, – шепнула следившая за ним Эста, – идет.

– Да пусть хоть бежит, – рыкнул ничего не видевший Арвельд, – мне уже все равно.

Однако в пещеру вошел Кэнк с одним из охранников и, наконец, принялся по одному вытаскивать пленников. Для этого лошадей подводили к каменному выступу, отстегивали седло и сдвигали его вместе с клеткой на камень. А потом, открыв крышку, так же бесцеремонно вытряхивали из нее узника.

Вскоре подошли и остальные охранники и принялись помогать товарищам. Грубо поднимали своих жертв на ноги, застегивали на поясах железные обручи, скованные между собой, и принимались за следующего узника или узницу.

Арвельд со Змеем отбивались, ругались и высказывали бывшим соратникам Маста все, что о них думают, однако отщепенцы невозмутимо продолжали делать свое дело. Связав всех узников на одну цепь, как бусины на нитку, охранники повели их прочь из конюшни, не забыв прежде насыпать лошадям овса.

Пещера, куда их притащили, была низкой, темной и запиралась из тоннеля массивной железной решеткой, определенно оставленной еще камнетесами, не пожелавшими таскать по горам такой груз. В стенах были вырублены ниши, указывающие, что когда-то тут была кладовая, а в одном углу виднелась куча старой травы и разного мусора.

Рассмотрев все это при свете факела, который стражники, уходя, оставили в тоннеле напротив решетки, Леонидия опустила на каменную полку и захлопала носом.

– Прекрати, – строго прикрикнула на нее тихоня, доставая отмычку. – Сейчас все наладим. В дальнем углу, где сыро, сделаем отхожее место, вон валяется какая-то дерюжка, ею и занавесим, а спать устроимся возле выхода, там воздуха больше.

Первый пояс, снятый с освободившего руки Змея, тихоня аккуратно положила на пол и принялась освобождать брата, потом Леонидию. С себя она снимала цепи в последнюю очередь, решив, что утром их нужно будет надеть, не запирая. Никогда не знаешь, какая предосторожность может пригодиться, а какая – нет.

Через некоторое время, когда столь важное место было устроено и даже приготовлена постель из жалкой кучки травы, остались лишь два самых важных вопроса, мучившие всех. Как собирается поступить с ними Зоралда и где достать воды.

– И думать забудь, – пришлось Эсте снова прикрикнуть на бывшую королеву, когда та предложила купить воды за ее драгоценную брошь у одного из стражников, если он еще пройдет мимо. – Боюсь, после той воды я тебя спасти не смогу. У твоей кухни очень грязные методы. Убедились, как она с вами поступила, когда вы молчали и исполняли все ее приказания?!

– Но все чувствовали и соображали. – Змей сразу, едва они с Мастером устроили общую лежанку, усадил девушек посредине и устроился рядом с женой. – И это было отвратительно.

– Леонидия? – оглянулась тихоня на соседку, плотнее прижавшись спиной к груди мужа и наслаждаясь его близостью. – Ты нам так и не успела утром досказать, куда тебя увезли. И откуда взялась Зоралда?!

– Все так просто... – тихо вздохнула та, – теперь, когда прошло столько лет. А тогда мне

было очень трудно и ужасно обидно. В голове крутилась только одна мысль, почему он так легко отдал меня королю? Я ведь ему предлагала тайно провести ритуал, и никакой король этого не смог бы отменить. Но он сказал... что любит меня, но не может нарушить данного слова. Для королевства очень важно, чтобы король женился на достойной девушке и перестал чудить. Я очень обиделась и ушла... а когда пришла в свою комнату вся в слезах, она дала мне успокоительное. А потом записку от Олтерна, где он назначил свидание.

– Вот тут ты врешь, – вдруг заявил Змей, обнаруживший отсутствие на голове жены ненавистной маски и исследовавший под прикрытием вуали губами нежность ее шейки, – когда он отказался жениться тайно, ты обозлилась и столкнула его с галереи, на которой вы стояли. Он спасся лишь чудом... неподалеку был адъютант, следивший, чтобы вам не мешали. Он и вытащил Олтерна, успевшего ухватиться одной рукой за столбик перил.

– Что? – охнула Леонидия, и даже в полумраке стало видно, как побелело ее личико. – Но это ложь! Чтобы я, и его... ты не понимаешь, в тот день я лучше прыгнула бы сама, чем причинила вред ему!

– Значит, она вас подслушивала, – задумалась Эста, – и выяснила невыносимую для себя истину. Есть двое достойных мужчин, король и герцог, и есть она, богатая, статная и красивая. Но они оба почему-то любят тебя. Вот тут и сказался ее подлый характер. Святая Тишина, да ведь она в тот момент почти нашла к нему дорожку, к Олтерну. Ведь если бы адъютант не ринулся спасать господина, тот неминуемо бы упал. Но не думаю, будто ей нужен был труп герцога, значит, она что-то подстроила заранее? Ведь Леонидия наверняка ей рассказывала, где у них свидание, так, Ниди?

– Ты как будто там была, – горько всхлипнула расстроенная женщина. – А я столько лет жила глупой, как курица. И королю тоже поверила, а его люди привезли меня в его охотничий домик и заперли. Король каждый день присылал мне подарки, сладости и цветы, и в букетах лежали длинные и нежные письма. Но я недолго там прожила, однажды ночью пришла Зора. Она одна не поверила в болезнь короля и приказала своим людям проследить, чем он занят и с кем разговаривает. В то время Олтерн почти все время находился возле него, и она была предоставлена сама себе. А еще Зора обнаружила в замке герцога старых слуг, семейную пару оборотней. И заставила служить себе, пользуясь тем, что, кроме нее, никто не понял, какой они расы. Вы же знаете, в нашем королевстве их почти нет.

– Кирт и Олита? – сообразила Эста всего на долю секунды раньше графа.

– Они самые. Вот они и вывели меня из охотничьего домика и спрятали в одном из поместий, которое купили на деньги кузины. Она разделила свое наследство перед тем, как выходить замуж, и часть положила в гномий банк на тайный счет. А потом начала подкупать и собирать заговорщиков... Олтерну она была безразлична, вот и завела тайного любовника... маркиза Пэгирта.

– И никто этого тогда даже не заподозрил, – с досадой выдохнула Эста, тайком хлопнув ладошкой слишком расшалившегося под прикрытием вуали Змея. – Вот теперь мне понятно почти все, кроме одного, кто сидел все эти годы в башне Олтерна? Ведь оборотни ушли оттуда вскоре после того, как герцог запер свою жену. Никогда не поверю, что они уходили одни.

– И правильно не поверишь. Они вытащили Зору через люк, в который ей опускали корзины с едой, а взамен кузина отправила очень похожую на себя селянку. Та согласилась на это за новый домик, и на ней Зора испытала свое новое зелье. Приняв его, девушка стала считать себя герцогиней и даже научилась вести себя очень похоже на кузину. Только так и не смогла отвыкнуть от привычки все время все мыть и протирать.

– Святая Тишина... – огорченно пробормотала тихоня, – а вот это мы пропустили. Считали, что это герцогиня из-за своего провинциального происхождения такая чистюля... впрочем, и герцог тоже так думал.

Змей только тихо хмыкнул, она вообще была очень большой лгуньей, эта Зоралда, и он убедился в этом самолично еще в день ее приезда. Получил из-за нее выговор и потому

терпеть не мог яркую и наглую баронессу. И очень радовался, когда через два дня после их свадьбы перебрался вместе с Олтерном во дворец короля, тот самый, где теперь правит Лоурден.

– Нужно поспать, – закончив писать письма, Эста сунула один экземпляр брату и нырнула под плащ к Змею, миглом заключившему жену в плен горячих рук и едва слышно вздохнувшему от разочарования. Вовсе не так и уж точно не тут должна была пройти их первая брачная ночь. Здесь между ними не может быть ничего, кроме скромного поцелуя. Даже если бы не было спутников и охраны... слишком он любит и ценит свою жену.

Казалось, они лишь мгновение назад успели заснуть, и тела, измученные неудобными клетками, еще не успели даже немного отдохнуть на жестком ложе, а ручка Эсты уже требовательно трясла Змея за плечо.

– Зайчик, проснись! Сюда идут!

– В чем дело? – Он размышлял всего секунду, потом резко поднялся, сел, нацепил на пояс проклятую железку, слова Эсты о том, что цепи смогут помочь им притупить бдительность Зоралды, показались разумными всем им.

– Сюда идет ведьма и с нею охранники... но шагают они как-то странно, – негромко объясняла тихоня, торопливо заканчивая заплетать почему-то распустившуюся косицу и натягивая шляпку с вуалью, – а время сейчас – всего час после полуночи.

– Выспались? – едко осведомилась Зоралда, и у ног Маста звякнул ключ, – можете открыть замки, если раньше не сумели, и выходить оттуда.

– Старайтесь этим не дышать, – еле слышно шепнула Эста, ощутив исходящий от ключа знакомый по хижине запах, – на нем зелье, подавляющее волю.

– Бесполезно, от него только амулеты спасают, – успела обреченно пояснить Леонидия и смолкла, покорно поднимаясь на ноги и направляясь к двери.

– Гадюка, – яростно прошипел Арвельд, чувствуя, как его охватывает знакомое безразличие, и последовал за Ниди.

В этот момент Змей ощутил весомый тычок и обнаружил, что Эста покорно встает с подстилки следом за ними, помедлил еще мгновение, получил дополнительный и очень убедительный пинок. Этот жест мог значить только одно, Эста снова не подпала под влияние мерзкого зелья, но почему-то намерена показать ведьме обратное. Следовательно, ему нужно поступить так же, понял ее намек Дагорд и, словно по привычке прихватив с собой плащ, последовал за сокамерниками.

Охранники во главе с Кэнком, нагруженные увесистыми мешками, уже прошли в сторону конюшни, и сначала Эста решила, что сейчас узникам придется снова лезть в клетки, но ведьма свернула в другую сторону. Шла она торопливо и не оглядываясь, и с первого взгляда можно было подумать, будто Зоралда совершенно уверена в силе своего зелья, но тихоня со все возрастающим ужасом понимала, что это вовсе не так.

Догонявший их невнятный шорох, все усиливающийся и сопровождавшийся характерным причмокиванием, говорил, что вслед за пленниками неотступно следуют кикиморы, и не только они. Пару раз окативший девушку холодок, как от сквозняка, мог быть только признаком присутствия очень редкой нечисти, каменного оборотня, и вот его нужно было бояться всерьез. Он способен подчинить пленника своим единственным даром, природным обаянием, и потом много дней водить за собой, поить и кормить, понемногу высасывая жизненную силу.

– Сзади кикиморы и оборотень. – На одном из поворотов Эсте удалось шепнуть предупреждение шедшему последним мужу, но вот заставить его уступить ей свое место девушка не сумела.

И потому меньше следила за ведьмой и тем, куда их ведут, чем за невидимой и неподкупной охраной. До тех пор, пока вдалеке не грохнуло эхо обвала и по выработке не прокатилась пахнувшая пылью волна воздуха.

- Это Кэнк завалил вход сюда, - не оглядываясь и не останавливаясь, с высокомерной язвительностью сообщила Зоралда, - а второго просто нет.

Но Эста ей не поверила. Даже близко не похожа была ведьма на самоубийцу, и все ее действия красноречиво это доказывали. Сейчас скорее нужно бы беспокоиться судьбою ее верных охранников, но после вчерашнего их бессердечия в душе тихони почему-то никак не хотел загораться огонек сострадания, несмотря на подозрение, что все они тоже были пленниками подлого зелья.

Зато там росла убежденность в жестокости и неизбежности очередной подлой интриги ведьмы. Ведь если Зора собирается уйти таким путем, о котором никто не знает и не должен знать, то вряд ли она намерена посвящать в эту тайну своих пленников, которых очень постаралась сделать своими врагами.

И, стало быть, их ждет либо участь добычи кикимор, либо еще какая-то, более изощренная расправа.

Однако тихоня ошиблась и начала понимать это, едва рассмотрев место, куда они попали.

Глава 11

Когда они поднялись по нескольким лестницам, тоннелям и переходным мостикам в просторную пещеру, ни у кого не появилось и малейшего сомнения, чем занимается здесь Зоралда. Да и чем, как ни ведьминскими тайными ритуалами и алхимическими опытами можно заниматься в помещении, щедро увешанном травами, сушеными зверюшками и полками с флаконами всевозможного вида и размера?! Столы и скамьи были заставлены разнообразными котлами, колбами и прочей посудой для варки зелий, а также ступками, мерками, перегонными приспособлениями и гномьими поделками вроде часов, весов и сушилок.

Из этой пещеры, кроме входной дверцы, за которой в спину пленникам пыхла нечисть, вела только одна дверь. Вернее, проем на нависший над скалой уступ, огороженный высокой стенкой из неподъемных плит и крытый лишь звездным небом. Едва узники, следуя приказу ведьмы, оказались на этом неуютном балконе, освещенном четырьмя факелами, преступница дернула рычаг, опустивший на вход тяжелую плиту. А потом выдернула его из гнезда и, размахнувшись, выбросила за стену. И далеко не сразу звон упавшего на камни металла достиг слуха тихони.

– Мне все равно, – нагло усмехаясь, заявила ведьма, шагнув на покрывало, застилавшее часть пола, – хотите вы жить или нет. Я могу уйти отсюда в любой миг. – Она подняла руку и показала зажатую в ней капсулу, потом ткнула пальчиком другой руки себе под ноги, – под этим покрывалом порталный амулет. И кристалла хватит на всех. Но тот из вас, кто тоже желает иметь капсулу перехода, получит ее только на моих условиях.

Эста прекрасно помнила, у нее тоже есть пара капсул, но сильно сомневалась, что тут они сработают. Ее капсулы настроены на переход в монастырь и с трудом достают до него с башен южных городов. А вот отсюда, из-за пограничных гор, можно уйти только на одну из этих самых южных башен, иначе можно оказаться среди ночи где-нибудь на склоне горы в самом диком и недоступном месте. И все равно двух капсул на всех никак не хватит, а остальные остались в тайнике у ледника.

Следовательно, поскольку для перехода нужна именно та капсула, которую даст Зоралда, никакого выхода нет, и ведьма очень хорошо это знает. И хотя есть шанс, что она запросто может снова обмануть, Эсте не очень в это верилось. Если они просто замерзнут на ледниках, никакого удовольствия от этого злобная фурия не получит. А она, судя по зловещей ухмылке, придумала нечто очень мерзкое.

– Первому выбирать тебе, Маст, – с издевкой произнесла интриганка, – так как ты заслужил это наказание. Я помогла тебе бежать, сняла с тебя заклинание ложной памяти, дала пристанище, пищу, друзей и возможность жить, как хочется, а ты за это привел в мои владения шпионов моего мужа! Не делай удивленное лицо, я все знаю. Остались еще преданные люди, предупредили. И за твою неблагодарность ты получишь новую память... ненадолго, нет у меня такой силы, как у королевских амулетов. Всего-то на год или полтора. И даже не будешь после ее обретения нищим или незнатным. Тебя ждет небольшое поместье, где ты давно не был и вот теперь, наконец, возвращаешься к семье. Любимой жене и сыну. Быстрее думай, эта дверь выстоит не более получаса, каменные оборотни умеют быстро проедать проходы в граните.

– Согласен, – мрачно проронил Арвельд, – давай капсулу.

– Сначала выпей зелье, вон на столике четыре чашки. Берешь ту, на которой лежит конверт с твоим именем. Его тоже берешь, там нужные документы. И учтите, тот, кто откажется от зелья или случайно его прольет, лишает права получить капсулу... сестру Тишины.

«Святая Тишина! – расстроено выдохнула Эста, – значит, она действительно много знает, и многих. И тогда понятно, почему ведьма так долго умудрялась обманывать дознавателей и сыщиков.

Герцог стиснул зубы и шагнул к столу. Он не понаслышке знал, как трудно победить каменного оборотня, несмотря на его медлительность. Особенно без оружия и боевых амулетов. И очень хорошо помнил, что выхода больше нет, а позади оборотня толпятся голодные кикиморы, запертые так далеко от привычного и сытного для них болота.

- Стерва, - беря одной рукой конверт, а другой зелье, с чувством прорычал герцог и поднес чашечку к губам.

Выпил одним махом, хрустнула на крепких зубах порталная капсула, мимолетно вспыхнул портал, и на балконе стало на одного человека меньше.

Душу Эсты резанула острая боль, бедный Арви! Только почувствовал себя свободным человеком, только поверил в возможность возвращения к нормальной жизни, и такой удар.

А Зоралда язвительно хихикнула и уставилась на Леонидию.

- Теперь твоя очередь, сестричка, иди, бери чашку и конверт, чтобы не забыть свою роль. Надеюсь, ты уже поняла, чьим мужем он будет работать в ближайший год?

- Но ты же обещала... - Голос несостоявшейся королевы задрожал, и из ее глаз полились слезы.

- Ты мне тоже пообещала... соблазнить короля! А сама в первый же вечер влезла в постель к моему любимому мужчине, шлюха! - внезапно взорвалась вулканом гнева и ярости ведьма. - А какую скромницу изображала! Зато теперь всем известна цена твоей скромности!

- Это была не я... - убито пролепетала Ниди, - это все твое зелье... и я ведь искупила... столько лет сидела в этой крепости, исполняла все приказания!

- Да, - так же резко успокоилась герцогиня, - ты побыла в моей шкуре... но не все еще испытала. Вот теперь узнаешь, каково на вкус презрение... самых родных и любимых людей... и будем квиты. Пей зелье и уходи, вот твоя капсула.

И она разжала кулак.

Леонидия больше не спорила. Взяла чашечку, проглотила зелье, разорвала конверт и пробежала взглядом находящуюся там записку. Положила ее в карман, выхватила из протянутой к ней руки ведьмы капсулу и разломила. И все это без единого слова, только слезинки катились по бледным щекам.

Эста считала, что теперь ведьма примется за нее, но полные яда глаза смотрели на Змея.

- Ты надеялся, красавчик, меня собьют с толку твои вымазанные мелом волосы? Или какие-то там морщинки? Да я твою подлую рожу столько раз мечтала еще хуже разрисовать, что помню наизусть каждую черточку! Ведь это ты, преданный дурак, испортил все ловушки, которые я готовила столько лет! Из подлой вредности маленького человечка, вообразившего себя другом герцога, хотя его всего-то назначили - «подай сапоги». И ведь я тебе такие деньги предлагала... Зазнался, поганец. Зато твой кузен неплохо отработал за тебя... и еще отработает, он ведь без зелья уже не может... хи, хи, мало кому известно, почему они пьют его все безропотнее. Но ты тоже должен ответить за свои подлости... это справедливо. Бери свою чашку и иди... для тебя я приготовила особенно веселое занятие. Ты же любишь риск, острые ощущения, горячих женщин? Вот это и будет на ближайший год твоей жизнью. Хотя и опасность будет настоящая, за все нужно платить.

Перекрывающая вход плита, за которой скреблась и урчала нечисть, дернулась, заскрипела, но устояла.

- Поторопись! - прикрикнула на Змея ведьма, - если не хочешь посмотреть, как каменный оборотень будет пить твою жену.

- Хорошо, - прорычал Змей, подходя к столу, - но запомни, потом я тебя все равно найду. И еще... если бы все вернулось, я снова не пустил бы тебя в его спальню.

Он схватил конверт со своей чашки, разорвал и прочел, зло кривя губы. А потом пошарил пальцем в зелье и обернулся к ведьме.

- Где капсула?

- Вот, - победно ухмыляясь, достала она из кармана очередной ключ и повертела в воздухе, - пей быстрее зелье.

- Сначала капсулу, - недоверчиво сощурившись, шагнул к ней Дагорд.

- Еще шаг - и капсула полетит за стенку, - чуть отступая, предупредила ведьма, и граф остановился.

Глядя прямо на нее, медленно выпил зелье и протянул руку за капсулой. Ведьма рисковать не стала, ловко швырнула ему капсулу, когда между ними оставалось еще шага три. Змей так же ловко поймал ключ и, едва требуемое оказалось в его руке, мощно выплюнул в лицо интриганке большую часть непроглоченного снадобья. Одновременно тигром прыгая вперед, в яростной попытке достать отшатнувшуюся ведьму свободной рукой.

За время их переговоров Эста сумела сделать в сторону ведьмы пару незаметных шажков. Тихоня разгадала намерение мужа попытаться добраться до ведьмы и собиралась вступить в схватку при первой же возможности, право благородного отношения или честного поединка не для таких особ, как Зоралда. А пока пристально следила за происходящим и чудом успела рассмотреть, как рука ведьмы поспешно стиснула капсулу, намереваясь сломать.

- Ломай! - отчаянно закричала Эста мужу, прыгая к нему в попытке ухватиться хоть за край куртки.

Как девушка убедилась чуть позже, ей все-таки удалось вцепиться в полу его плаща, хотя в тот момент, когда перед глазами молнией мелькнула сдвоенная порталная вспышка, показалось, будто она опоздала.

Потому-то тихоня не вскочила сразу на ноги, а чуть-чуть полежала неподвижно на колючей стерне, постепенно успокаиваясь, выравнивая сбившееся дыхание и истово радуясь, что голодная нечисть и все ужасы прошлого вечера остались где-то очень далеко. Однако даже в эти мгновения она не забывала о перенесшейся вместе с ними ведьме и пыталась рассмотреть в непроглядной темноте происходящее в нескольких шагах от нее, но даже не пробуя туда соваться. Рассвирепевший воин несомненно сильнее ведьмы, не имеющей возможности колдовать, и мешать ему не стоит. Неизвестно еще, как отразился на сознании Дагорда глоток подлого снадобья, вполне возможно, он примет Эсту за подругу Зоралды и ей придется сражаться с собственным мужем.

- Гадина, - удовлетворенно прорычал, наконец, в непроглядной мгле запыхавшийся граф, но в его голосе прозвучали какие-то незнакомые нотки, заставившие сестру Тишины насторожиться.

А последующая грязная брань мужа наглядно убедила ее, зелье все-таки подействовало, несмотря на то, что большую его часть Даг не стал глотать.

Следующие пару минут он возился в темноте и чем-то шуршал, не переставая тихо ругаться, и тихоня постепенно начала различать привычными к темноте глазами его смутный силуэт. Потом Змей встал и неторопливо куда-то направился, видимо, совершенно позабыв про жену, прыгнувшую в портал вместе с ним. Эста проводила его огорченным взглядом, печально вздохнула и полезла в один из самых укромных карманов за редким зельем ночного зрения.

Выпив положенный крошечный глоток горьковатого снадобья, девушка прикрыла на минуту глаза, а когда распахнула их вновь, темнота больше не была такой глубокой. Она стала полупрозрачной тенью, в которой проступали серебристые силуэты окружающих предметов, редкие кусты, стожок соломы поодаль и тело ведьмы, распростертое на стерне всего в нескольких шагах от Эсты.

Тихоня подбиралась к нему осторожно, приготовив на всякий случай кинжал, но, оказавшись рядом и прислушавшись, не уловила ни дыхания, ни стука сердца. И это ничуть не огорчило сестру Тишины, в ее душе жило лишь сожаление обо всех тайнах, какие унесла с собой злобная гадина в обитель покровительницы Лэни.

Раздумывать долго, как поступить с ведьмой, которой Змей просто свернул шею, Эста не собиралась. Спешно обыскала, собрав все незамеченные Змеем зелья и амулеты, и, перекатив тело на ее плащ, потащила к стожку. Судя по тому, что он был тут не один, селяне оставили солому до зимы, и это вполне устраивало девушку. Она собиралась принять все меры, чтобы дознаватели забрали отсюда ведьму как можно скорее, не ровен час, наткнется кто-то из селян, и тогда придется вытаскивать Змея из лап скорого на расправу провинциального правосудия.

Пока тихоня выкапывала в соломе пещерку и прятала Зоралду, в ее голове полностью сложился план действий, и, закончив работу, девушка уверенным шагом отправилась в ту сторону, куда ушел муж. Она не сомневалась в том, чем он займется вначале. Наверняка будет искать воду, жажда мучила и ее саму, хотя Эста уже сунула под язык крупинку соли, следуя обычаю торемцев. И о том, что ей не удастся догнать Змея, тихоня тоже не переживала. Знала достоверно, Змей не сможет идти в темноте так быстро, как идет она, различая под действием зелья все окружающее на полсотни шагов вокруг.

По пути девушка меняла свой облик, одежда тихони, вуаль и широкий пояс, лишившийся в поселке пастухов ножен вместе с ее любимым кинжалом, далеко не лучший наряд для знакомства с совершенно новым Змеем.

Из рассказов матушки Тмирны о действии зелья забвения Эста знала, что, выпив одно из подобных снадобий, человек забывал все, кроме самых последних услышанных или прочитанных слов. Память о его прошлом словно погружалась в туман, скупое выдавая только жизненно необходимую информацию. Стало быть, не просто так Зоралда давала своим жертвам перед употреблением этого подлого зелья прочесть простенькие объяснения, кем они отныне станут.

Теплый огонек костра обнаружился на берегу речушки, и сестра Тишины первым делом скользнула к воде. Вдоволь напилась, тщательно умылась и, надев вывернутую наизнанку шляпку, снова ставшую чепчиком, решительно зашагала знакомиться с мужем.

А едва приблизившись к освещенному костром пространству, поспешила заговорить первой, заметив, как мгновенно метнулся в сторону от огня Дагорд, заслышав ее нарочно неосторожную поступь.

- Люди добрые! - затянула тихоня жалобным голоском. - Позвольте у костерка погреться?

- А ты кто такая? - холодно поинтересовался возле плеча голос Змея, и Эста испуганно ойкнула, сделав вид, будто не заметила его приближения.

- Ой, дяденька! Да зачем вы так пугаете-то? Лэни я, помощница травницы из Ютолы. Ездил проводить подружку, замуж она вышла! А возвращалась порталом, столько денег отдала! - Лэни, решившая, что можно безбоязненно назвать потерявшему память Змею собственное имя, горько всхлипнула. - Только вступила на площадку, кто-то прыгнул... вроде женщина... вы не знаете, где мы теперь?!

- То-то мне голос знакомым показался, - спокойнее пробурчал Дагорд и ловко обвел рукой вокруг талии девушки, проверяя, нет ли у нее оружия. - Это ты кричала, «ломай»?

- Ну да, - несчастно всхлипнув, призналась тихоня, - я же с братом была. Но он в имение возвращался, служит он там. А ты кто такой, дяденька?

- Лучше тебе этого не знать, - нахмурился Даг и разрешил: - Ладно, иди к костру. А поесть у тебя ничего нет?

- Нет, - снова захныкала Эста, идя впереди него к костру, - все пропало. И корзинка, и саквояж, и узелок... мне много чего в дорогу собрали. Вот как я теперь домой доберусь? Если тут по дорогам бандитские шайки шастают? А ты мне не поможешь, дяденька? У меня дома деньги есть, я бы хорошо заплатила! Все равно с почтовой гильдии откупные требую, за промашку!

- Не тараторь, - строго прикрикнул на девушку Змей, - пришла к костру, так сядь и

молчи. И без тебя тошно.

Однако Эста точно знала, как раз молчать сейчас нельзя. Нужно успеть, пока его сознание приспосабливается к новым условиям, вытащить самые лучшие качества прежнего Дагорда. Иначе потом, когда они доберутся до дома и с него снимут действие зелья, муж будет долго мучиться раскаянием и виной за совершенные во время беспамятства поступки.

– Дяденька... – помолчав всего полминуты, жалобно заныла Лэни, – вы ведь добрый человек, по лицу видно... не бросайте меня без помощи.

На самом деле по сердитому лицу Змея, с размазанной грязными полосами личиной, созданной целителем и наспех смытой самим графом, ни один находящийся в здравом рассудке человек не сказал бы, что он «добрый» дяденька, но Эсту это ничуть не волновало.

– Давайте пойдем дальше вместе? Вы скажете, что я ваша кузина... или племянница... а как вас звать?

– Меня звать не нужно, я сам прихожу, – сердито отозвался Даг и желчно ухмыльнулся, – а кличут меня Хорек.

– Это не настоящее имя, – пренебрежительно фыркнула Эста, отчаянно жалея, что Змей придушил Зоралду без ее помощи, теперь она с удовольствием к нему бы присоединилась, – это кличка, и плохая. С такой кличкой вас нигде на работу не возьмут. И связываться с человеком, у которого такое прозвище, тоже мало кто пожелает. Вам нужно сменить ее, ведь я правильно понимаю, что вы тоже попали в ловушку?

– Смотри ты, какая умная нашлась, – неприязненно пробормотал Змей, – кличка ей не нравится! А имя свое я не намерен называть всем подряд. Хотя, оно мне и самому не по душе...

– Вот! – обрадовалась тихоня. – Значит, придумай другую! Можно орел или беркут, или крикун, или хотя бы филин. Ну а если хочется обязательно диких животных, то тигр, волк, лев, ну или ирбис, красивое имя.

– Слишком красивое, – язвительно пробормотал Даг, – и вообще, не слишком ли ты торопишься, красавица, имена мне давать?! Не настолько близко мы еще с тобой знакомы. А вот хорька я просто сокращаю... буду зваться Хорь.

– Лучше – Хор, – упрямо поджала губы девушка. – Ты просто не представляешь, как это звучит со стороны! Вот придем мы в деревню, и я скажу: «Хорь, не хочешь курочки?» Да все селянки мигом всполошатся!

– Им и без того будет от чего всполошиться, – едко пообещал Змей, – а в деревню мы с тобой вместе не пойдем, и не мечтай. До жилья так уж и быть, доведу... но на окраине ты меня навсегда забудешь.

– Ну ладно, – несчастно вздыхая, согласилась Эста, на самом деле очень довольная проведенными переговорами.

Главное, не прогнал от костра и не отказался вместе путешествовать, а уж она за время этого путешествия сумеет его понемногу убедить, что в компании добираться до городка или имения с башней намного удобнее.

– Ты, это... – неуверенно спросил вдруг Змей, – говорила, будто травница?

– Да, – мигом насторожилась девушка, – и кое-какие зелья в кармане ношу. От желудка, от ран, от яда... куда ж без этого. А у тебя случилось что-то?

– Ведьма та случилась, – мрачно посопев, признался Змей, – которая портал сбила. А потом еще на меня упала... и руку чем-то проткнула.

– Давай посмотрю, – чуть ли не через костер ринулась к нему Эста, – все ведьминские ножи зельями промазаны, мало ли какая гадость окажется.

- Я промыл, - сквозь сцепленные зубы сообщил Дагорд, когда девушка размотала перевязанное платком запястье.

Рана, шедшая через ладонь к запястью, была неглубокая, но длинная и рваная, видимо, ведьма пыталась перерезать сухожилия или сосуды, а Змей крепко держался за нож, не позволяя ей исполнить это намерение.

- Святая... - невольно охнула Лэни и заторопилась.

Выхватила нужные зелья, туго смотанный рулончик полотна, незаметно провела над раной амулетом, проверить на яды. И вздохнула свободнее, яда не было, но в рану попала грязь, а Даг не смог в темноте промыть как следует. Зато теперь Эста знала, чья кровь была на одежде убитой и темнела на плаще мужа, и могла пока не переживать по поводу торопливого правосудия.

- Ты и правда травница, - успокоенно кивнул Змей, рассматривая аккуратную повязку и чувствуя, как начинает отступать дергающая боль, - жаль, нечем мне тебя угостить.

- Сама, как начнет светать, пойду, попробую что-нибудь добыть, - пообещала глупышка, но мужчине это заявление не понравилось.

- Сиди уж, не женское это дело, добычу приносить. Вот жаль, оружия у меня нет, тоже все пропало... при переходе.

- А куда та ведьма делась... ты не знаешь? - с наигранной опаской огляделась вокруг Лэни, посмеиваясь про себя над его заявлением насчет добычи. Раньше Змей признавал ее право добывать дичь наравне с мужчинами.

- Убежала, - неохотно соврал граф и поторопился перевести разговор на другое, - так нет у тебя никакого ножа? Я слышал, травницы всегда с собой носят, почки там или побеги какие срезать.

- Есть, конечно, - словно скрепя сердце призналась девушка. - А ты потом не забудешь его отдать? А то у меня так уже два ножа ушло.

- Ну, хочешь, я тебе за него в обмен колечко дам? - обрадовался Даг. - Настоящее, золотое, я разбираюсь. А как до деревни дойдем, сама решишь, что из этого тебе нужнее.

- Нож, конечно, - неуступчиво фыркнула Лэни, доставая самый простой из своих кинжалов. - Он удобный, я к нему привыкла. Мне его еще зимой раненый господин охотник подарил, за аккуратное обращение с ранами.

- Да мне все равно, за какие заслуги он тебе дарил, главное, с собой подарок брать не забываешь, - пренебрежительно ухмыльнулся Змей, разглядывая небольшой кинжал, и вдруг спросил невпопад. - А ты еще не замужем?

- Замужем, - печально вздохнула Эста, чувствуя, как сильнее забилося сердце, - только забыл он про меня... занят своими делами.

- Как это забыл? - Оказалось, эта тема интересовала графа очень живо. - Неужели сбежал?

- Нет, не сбежал, - пришлось выкручиваться глупышке. - Просто все по делам мотается... дома его не вижу.

- А-а. Я уж подумал... - Что он там подумал, Змей договаривать не стал, помешал веткой костер, сгреб угли в кучку и, завернувшись в плащ, принялся устраиваться на ночлег.

Эста немного подождала, не скажет ли он чего-нибудь еще, но так и не дождалась. Разровняла немного песок со своей стороны костра, умело устроила из плаща постель и последовала примеру мужа. А уже закрыв глаза, вдруг вспомнила: так ведь у них сегодня первая брачная ночь! Похоже, будет что рассказывать внукам, едко усмехнулась сестра Тишины и тотчас прикусила губу, чтобы не насторожить Змея.

Глава 12

Почти час девушка лежала, тихо посапывая и умело изображая сладкий сон, пока не услышала, как выровнялось дыхание мужа и прорвался сквозь него сначала легкий всхрип, а потом и сердитый зубовой скрип. Ведьминское зелье вынуждало подавленную память днем спать, но ночью она просыпалась и заставляла жертву заново переживать все обрушившиеся на нее беды и несчастья.

Эста решительно стерла невольно проступившие от жалости слезы, осторожно выскользнула из-под плаща и неслышной тенью прокралась к мужу. Он согрелся во сне и раскинул руки, сдвинув плащ, но сестре Тишины пришлось применить все свои таланты, чтобы отыскать в карманах и стащить небрежно сложенную записку Зоралды.

Так же неслышно она ушла подальше от костра, пользуясь еще не совсем закончившимся действием ночного зрения и, засветив крохотную свечку, поднесла к глазам бумажку. Торопливо прочла, неверяще помотала головой, прочла еще раз и, с ненавистью оглянувшись на далекий стожок, остро пожалела, что Змей расправился с гадиной без ее помощи. Хотя, теперь было предельно ясно, это был бы не Дагорд, если не попытался это сделать. Любой нормальный мужчина на его месте озверел бы сразу, а граф сумел прочесть эту гадость и смолчать, ничем не показав ни ведьме, ни жене своих эмоций.

Эста с нежностью оглянулась на спящего у костра Змея и горестно вздохнула. Как ей не хватает сейчас его тепла и любви! Хотя бы просто прижаться к сильному плечу, рассказать, какой он замечательный и как она сильно любит своего зайчика и гордится его выдержкой.

И постарается сделать все возможное, чтобы Даг не поверил записке мстительной твари и не отправился зарабатывать, продавая себя состоятельным дамам. Ведь иначе Змей потом всю жизнь будет сам себя презирать, если, вернув память, вспомнит, как по приказу ведьмы ублажал за деньги немолодых вдовушек, старых дев и ищущих пикантных развлечений знатных дам.

Вернуть проклятую бумажку в тот же карман было проще, чем найти, и хотя Эста предпочла бы порвать ее в клочки и сжечь в костре, пришлось положить инструкцию на место. Потом девушка так же осторожно скользнула на свою жесткую постель и приказала себе поспать, утром им предстоял нелегкий путь.

Проснулась она от еле слышного зевка мужа, проследила, как Змей потянулся, завозился и наконец поднялся. Спать дальше Эста не собиралась, но виду не подавала, тихо лежала, наблюдая сквозь ресницы за тем, как Даг умело раздул почти угасшие угольки, бросив в них горсть сухой травы, добавил сучьев и отправился умываться.

Умывался он долго, Эста успела написать письмо Тмирне, сидя на жестком песке и с сожалением поглядывая на стоящий всего в сотне шагов от костра стожок соломы. Девушке еще ночью хотелось намякнуть Змею на возможность устройства удобной постели, но, узнав про раненую руку, она порадовалась, что смолчала. Закончив с отчетом, Эста привела в порядок свою одежду и лицо, поднялась с места, отряхнула плащ и накинула его на плечи. А затем, не выдержав, решительно отправилась искать спутника.

Змей нашелся за камышами, на мелководье. Он ловил рыбу, ловко бросая в гулявших возле его ног рыбин кинжал, привязанный за кольцо в рукоятке подозрительно знакомым тонким шелковым шнурком. Похоже, граф нашел его в карманах ведьмы, а та чуть раньше утащила из мешка тихони, который считала своим трофеем. Интересно, а не было ли у ведьмы пирамидки или лишних капсул?! – задумалась Эста, наблюдая, как ловко муж потрошит пойманную рыбину, привлекая брошенными в воду внутренностями новую добычу.

– Что стоишь?! – вместо приветствия колко осведомился Змей, и приказал: – Умывайся и иди жарить рыбу.

– Я думаю, – сообщила ему тихоня, и не собираясь двигаться с места, успеет еще пожарить его добычу, дело нехитрое. – Ты давно смотрел на себя в зеркало?!

- Не помню, - равнодушно пожал он плечами, и не подозревая, какой болью отдались в душе Эсты эти простые слова.

- Тогда я положу вот тут на камушке свое зеркальце, - проглотив комок, дружелюбно улыбнулась тихоня, - а ты посмотри. Только не забудь потом принести его мне.

- Не забуду, - грубовато буркнул Змей и съязвил, - ведь его подарил благодарный и знатный пациент.

- Нет, матушка, - не стала лгать Лэни, плеснула горстку воды себе в лицо, промокнула платочком и, прихватив рыбу, направилась к костру.

Возле стоянки она первым делом подбросила в костер дров и, пока они разгорались, достала соль и посолила рыбу изнутри. После этого поставила с двух сторон костра по две рогатины, проткнула каждую рыбину в двух местах длинным прутом и повесила над углями книжкой, спинками вниз.

После этого ей осталось лишь следить за огнем, чтобы нигде не пригорело и прожарилось равномерно.

- Хорошо пахнет, - отметил вернувшийся с покрасневшим от воды и мочалки из лыка лицом Даг, свалил в сторонке еще несколько рыбин и устался на Эсту. - А ты хорошенькая.

Девушка загадочно улыбнулась, сегодня ей нужно выглядеть такой, и пусть потом муж попытается ее обвинить в заигрывании с первым встречным незнакомцем! Она-то ничего не забыла из их прошлой жизни. Хотя и Даг не забыл... и Эста очень надеется разбудить эту память как можно скорее, иначе ей не удастся отвести его домой. В записке Зоралды есть предупреждение, будто Хорька ищут дознаватели столицы и больших городов и потому ему нужно держаться подальше от тех мест. А еще приписочка, что он не доверяет людям, особенно женщинам, так как его предала любимая жена.

Лэни ждала, чем Змей закончит комплимент, но он, как видно, счел его достаточной наградой за приготовленный ею завтрак. Проткнул рыбий бочок веточкой, лизнул ее, одобрительно кивнул и ловко снял прутики с рогулеч.

- Соль откуда?

- Всегда с собой ношу, - показала тихоня кожаный кисетик, затягивающийся так туго, что можно было не опасаться после проливного дождя остаться без соли.

- Это хорошо, тогда присоли остальную рыбу не жадничая, пожарим позже, если не найдем деревни. Хотя, судя по соломе, она недалеко, лиги три-четыре, не более.

Говоря это, он ловко снял рыбу на принесенные из речки листья кувшинки и, выдав Эсте ее долю, накинулся на еду.

- Я все не съем, - глядя на его аппетит, тайком вздохнула девушка и поделила свой завтрак пополам, она и на самом деле не ест по утрам так много, даже несмотря на вчерашнюю голодовку.

- Как хочешь. - Справившись со своей рыбой, Даг забрал и ее. - Но как проголодаешься, скажи. Остановимся и пожарим остальное.

- Спасибо! - Тихоне было приятно, что муж заботился о ней как раньше, но он фыркнул и равнодушно добавил:

- Я сегодня какой-то голодный, словно три дня не ел. Наверное, это после сбитого перехода. Но сразу наедаться нельзя.

После завтрака монашка настояла на необходимости перевязки, и Дагорд сдался почти без сопротивления, вручив ей в благодарность кольцо, украшавшее ранее палец ведьмы. Эста с деланой наивностью повосхищалась красивым камушком и горячо поблагодарила, не собираясь пока спрашивать якобы нечаянного спутника, откуда он взял женское колечко и есть ли в том особые свойства. Вряд ли Зоралда носила бы постоянно обычную побрякушку. Кто угодно, только не она, и, значит, это кольцо, как и все остальные вещи,

снятые с тела ведьмы, должны сохраниться до того момента, как тихоня сможет передать их матушке. Уж та сумеет проследить путь каждого украшения.

Собрались они быстро, пока Змей вытрясал свой плащ и обувался, Эста достала один из мешков, приметанный к подкладке юбки, сложила туда рыбу и отдала протянувшему руку мужчине. И не думая задаваться вопросом, почему он так поступил, убежден, что это не женская работа, таскать багаж, или просто считает улов своей собственностью.

- Куда? - осторожно поинтересовалась Эста через полчаса, выйдя вслед за широко шагавшим Дагом на тракт.

- Туда, - уверенно показал он на юг, и девушка не стала возражать.

Во-первых, Змей хорошо помнит предупреждение держаться подальше от столицы, а во-вторых, как известно, у всех лишенных памяти сразу заметно усиливается чувство самосохранения и интуиция. Ну и, наконец, Лэни сейчас все равно, куда идти, лишь бы вместе с ним.

Так как есть несколько моментов, которых он не заметил, зато заметила она, и теперь очень хорошо понимает, насколько подлой и мерзкой была Зоралда. Ведь как бы Змей ни повел себя в своем новом обличье, выпив зелье и прочтя инструкции, позора и насмешек ему не избежать. Слишком он известная личность, и не приходится надеяться, будто никто не узнает графа после того, как он умоется. Ну а о том, чтобы умыться ему пришлось, ведьма позаботилась очень хорошо. Да и про Эсту не забыла, вряд ли собиралась отправить тихоню в то же место, куда и ее мужа.

Вот теперь, после тщательного обдумывания всех выясняющихся деталей последней интриги герцогини, Лэни могла поклясться чем угодно, лично для нее у ведьмы или не было капсулы, или была с настройкой в совершенно другое место. Да и инструкции она наверняка приготовила для тихони самые пакостные, не зря же оставила ее напоследок, как желанный десерт.

Хотя и Арвельду тоже не позавидуешь, а уж куда отправились с мешками Кэнк и его помощники, даже угадать невозможно. И всем им требуется помощь, а для этого нужно как можно быстрее добраться до места, где есть почтовая пирамидка или башня. Но, несмотря на все это, вначале она истратит еще несколько минуток на любимого, просто не может оставить его в подстроенной ведьмой ловушке.

- Хор, а можно тебя спросить?

- Хорь, - не оглядываясь и не сбавляя шага, поправил он.

- Хор, - упрямо повторила Лэни, - я по поводу твоего лица.

- Тебе оно нравится? - самодовольно ухмыльнулся Змей, наградив спутницу наглым взглядом.

- Да, - спорить с непреложной истиной тихоня не собиралась, - но дело не в этом. Я же почти травница... а мы всегда смотрим в лица людей. Многие болезни, прежде чем проявиться в полной мере, оставляют след на лицах. Мешки под глазами, одутловатость, впавшие щеки - это только самые яркие признаки.

- И какой признак у меня? - беззаботно поинтересовался граф, но шедшая за ним Эста не могла не заметить, как напряглась при ее словах его спина.

- Ты в большой опасности, - очень серьезно ответила монашка, - настолько большой, что прятал свой настоящий облик. Вчера на твоем лице была искусно сделанная личина, но ты ее нарушил, когда умывался. Я не знаю, от кого ты скрываешься, мне неинтересно, зато мне кажется, этот сбившийся перенос как-то повлиял и на твою память. Почему ты снова не замаскировал лицо? Вдруг, как только ты придешь в деревню, тебя схватят за кражу драгоценностей или совращение дочки знатного господина?

- А тебе какое до этого дело? - грубо рыкнул Змей, не сомневавшийся в правоте случайной спутницы.

– Ну как это какое?! Я вместе с тобой уже полдня, отдала тебе свой кинжал и ночевала рядом у костра! По-твоему, это неважно?! Да если окажется, будто у тебя слава обольстителя или вора, мне потом в жизни не поверят, что мы оказались вместе случайно! И тогда уж не видать мне ни богатых пациентов, ни собственного мужа! – возмущенно выпалила девушка, подождала несколько мгновений и горько всхлипнула.

– Я сам не знаю, почему я ходил в той личине, – мрачно сообщил Змей, выдержавший это всхлипывание всего минуту, не более, – и ты права, травница, с памятью у меня какой-то непорядок. Вот помню про жену, и про ее измену помню, а как я это узнал, припомнить не могу. И почему не выгнал из дома ее, а ушел сам, тоже не помню. Поэтому еще раз повторяю, как только увидим деревню – ты пойдешь туда одна. А я посмотрю... что делать.

– У меня другое предложение, – и не подумала соглашаться Лэни, – сейчас мы идем вон к тем кустам, и я немного подправляю тебе лицо, мой кошель с пудрами никуда не пропал. И не переживай, меня часто зовут на свадьбы. Все знают, я могу даже из самой страшненькой невесты сделать святую Элторну.

– А вот из меня не нужно, – немедленно отказался Даг.

– Из тебя я сделаю наоборот... какого-нибудь страшил. И пойду с тобой, как будто я твоя кузина. Племянницу мне теперь не потянуть, после умывания ты стал лет на пятнадцать моложе.

– Это неплохая мысль, – медленно протянул Змей, в упор мрачно разглядывая настырную девочку, – только одно мне непонятно, какая тебе-то от этого выгода?!

– Простая, – деловито сообщила девушка, – моя наставница как раз ищет человека на деликатную работу, и мне кажется, ты как раз подойдешь. Много рассказать не могу, но работка не пыльная, кормят хорошо, платят тоже. Главное – держать язык за зубами, но это ведь и в твоих интересах. Большого сказать не могу, извини, это не в моей власти. Как придем в деревню, куплю пенал и пошлю тетушке Мире письмо, а то она меня, наверное, потеряла. Ну а пока я жду ответа, ты определишься с решением.

Дагорд раздумывал дольше, чем обычно, и Эста, сойдя с дороги, присела на сухой пригорок и терпеливо ждала, старательно делая равнодушное лицо.

Ему сейчас очень трудно, ведь его настоящее «я» крепко спит, а новая личность, ограниченная несколькими строчками выданных ведьмой указаний, еще только пытается устроиться в этом мире, найти подходящие привычки и понятные мотивы поступков. И в первые дни, пока Змей не начал сомневаться, искать ответов на возникающие вопросы и еще незыблемо верит, будто он жиголо Хорек, с ним нужно вести себя особенно осторожно, иначе придется ловить по всему королевству.

– Я согласен, – заявил Дагорд, подойдя к девушке, и ей бы оставалось радоваться, что удалось его убедить. Вот только мелькнула на лице мужа почти позабытая хищная и самоуверенная ухмылка, заставившая тихоню насторожиться. Он явно придумал какую-то уловку и намерен поступить совершенно не так, как предложила она. И теперь втихомолку гордится своей находчивостью. А ей ни в коем случае нельзя в открытую сказать Змею о своей догадке и, стало быть, придется следить за мужем, не спуская глаз, пока не прибудет подмога.

Очень скоро Лэни поняла, идея самой замаскировать Змею лицо была далеко не самой удачной. Разумеется, она отлично знала тайны маскировки, Инвес, старый целитель, скрывавшийся в подвалах монастыря, сам учил девушек искусству быстрого перевоплощения.

Вот только почему-то не объяснил ей, как можно уверенно размазывать кисточкой под любимыми глазами сажу и белила и при этом делать самый неприступный вид, словно не замечая, как в тот же самый момент эти глаза рассматривают ее с наглой откровенностью. И нестерпимо хочется не портить его лицо, а нежно провести пальчиком по скулам и бровям, вернувшим после умывания свою форму, ласково коснуться губами щеки, провести ниже, к твердым губам, искривленным лукавой полуулыбкой.

- Ты любишь мужа? - словно ненароком бросил Змей, не сводя пристального взгляда с лица девушки, и она, опомнившись, засияла в ответ искренней улыбкой.

- Да. Очень. Он замечательный, смелый и отчаянный, и еще благородный... - Эста печально вздохнула, на эту тему она могла бы рассуждать не один час, но сейчас для этого не самый лучший момент.

- Жаль, - откровенно и без малейших признаков сожаления хмыкнул граф, - а мне как раз нравятся такие девушки. Но ничего не поделаешь, раз ты его любишь, поищу подружку в деревне. Немного прогуляюсь, пока ты пишешь письма.

Это наверняка и был тот самый, придуманный им хитрый план, а Эсте совершенно нечего было возразить на эти слова. Иначе придется объяснять свою чрезмерную, на посторонний взгляд, заботу о верности попутчика жене. Той самой, с которой он якобы расстался, по задумке Зоралды. Монашка незаметно вздохнула, мысленно пожелала ведьме, чтобы в царстве теней ту отправили чистить нужники после нянь и бабушек, наказанных за насильное кормление детей, и добавила на кисточку немного больше сажи, чем намеревалась применить ранее. Пусть лучше ее муж вызывает у грядущих селянок настороженность и неприязнь, чем желание немедленно познакомиться поближе.

- Ничего получилось, - придирчиво рассмотрев себя в зеркальце, самоуверенно постановил Змей и вернул Эсте зеркало, - женщины обожают суровых и загадочных мужчин. Нужно будет мне самому так научиться. Ну, идем?

«Святая Тишина, - ворчала про себя девушка, почти бегом следуя за широко шагавшим Змеем, - помоги мне не сорваться и не усыпить этого упряма».

Ведь сам позже не простит, да и нежелательно применение побочных зелий в первые дни после ведьминской отравы. А она и так подлила ему несколько капель болеутоляющего в рану, когда делала утром перевязку. Просто не могла не добавить, видя, как муж закусил от боли губу.

Глава 13

Деревня началась за поворотом почти через пару часов, как примерно определила монашка по своим ощущениям и по солнцу, неторопливо поднимающемуся в зенит по затянутому негустыми облаками небу. Но еще раньше по сторонам от дороги начали попадаться небольшие, отдельно стоявшие хуторки, от которых на путников с интересом взирали гуси, куры и заливистые собаки. В сторону хуторов Эста со Змеем по негласному уговору не сворачивали и на преданных собак внимания не обращали, целенаправленно продолжая идти к деревне.

– Вот твой кинжал, – завидев деревню, протянул девушке оружие Даг, но она решительно отстранилась.

– Оставь пока себе, мы же договорились. Вот если не понравится тебе предложение моей наставницы, то вернешь. Новеньких в деревнях рассматривают особо внимательно, мы для них бесплатное развлечение, и если ты сразу пойдешь покупать оружие, всем будет интересно, а где ты оставил свое? Ведь никто не отправляется в путь, не прихватив хоть простенького ножа?! И еще, Хор, я тебе хотела сказать, – сейчас тихоня откровенно лгала, не собиралась она ничего такого говорить и до последнего надеялась, что не придется, – как я потом поняла, та ведьма... вместе с нами на поле попала?

– Как ты это поняла?! – В голосе Змея предупреждающе звякнула сталь.

– По твоему порезу. Сам человек так пораниться не может, это кто-то тебя убить пытался. А потом я вспомнила, когда ночью лежала на поле... сразу-то встать не смогла, кто-то неподалеку ругался. Мне кажется, это был твой голос. Нет, ее мне не жаль, раз она на людей с оружием бросается, но вот ее побрякушки... если ты взял, здесь лучше не показывать. Найдут ведь ее... когда-нибудь и припомнят, кто продавал.

– Ты понимаешь... что я могу с тобой сделать?! – угрожающе надвинулся на нее мужчина, но тихоня открыто смотрела в его глаза.

– Понимаю. Ничего не сможешь. Не такой ты человек, я убедилась, пока решала, говорить тебе или нет. Потому и работу предложила, там тайну сохранить нужно, а тебе скрыться на время требуется. Вот и предупреждаю, чтобы не наделал глупостей. И вот тебе деньги. – Лэни протянула несколько монет, украдкой загода вынутых из тайных карманов. – Покупай себе все необходимое, я назад не спрошу.

– Ты считаешь, будто я могу взять деньги у женщины? – оскорбленно нахмурился Змей, став на миг похожим на себя прежнего, и сердце Эсты сжала тоска.

– Не взять, а получить, я тебе обещала за охрану. И кормил ты меня, – возразила она.

– Но тут много!

– Сколько хочу, столько и даю! Ты заработал премию!

– На месте твоего мужа я запер бы тебя дома и никуда не пускал, – авторитетно заявил Даг, ссылая монеты в карман, – иначе однажды у него начнет чесаться лоб. Хорошо, я поговорю с твоей наставницей, но не обещаю соглашаться на ее предложение. Шагай помедленнее, я первый пойду, есть хочется.

Эста кивнула и отстала, и вскоре спина так ни разу и не обернувшегося Дагорда исчезла в ближайшем переулке. Тихоня огорченно вздохнула и пошла по самой протоптанной дорожке, ничуть не сомневаясь в своем выборе. Самые широкие тропы обязательно в конце концов приводят к рынку, а такового просто не могло не быть в этой большой деревне.

Опыт не подвел, рынок действительно был, несколько скамеек, врытых между харчевней и лавкой. Однако торговок было мало, и товар у всех похожий, соленые и сушеные овощи и грибы, яблоки, груши и тыквы. Эста всего минуту поколебалась, прикидывая, где может быть пирамидка, в лавке или в харчевне, и свернула к распахнутым дверям в харчевню. И не ошиблась, знак почтовой гильдии, означавший, что тут можно получить письма и посылки, а также купить пеналы и капсулы, висел прямо напротив входа.

А чуть в стороне сидел за столом ее муж и в одной руке держал увесистую гусиную ножку, а другой обнимал невероятно довольную женщину лет на десять старше и вдвое толще себя.

Не будь за плечами Лэни двенадцати лет обучения искусству тихони, в котором умение владеть собой и скрывать любые эмоции – одно из самых главных качеств ученицы, девушка непременно бы сорвалась. Вмиг бы выхватила один из перечных шариков или иглы со снотворным и швырнула в эту мерзкую парочку. Однако долгие годы непрерывного контроля за своими действиями и нескончаемые тренировки и испытания не прошли даром. Несмотря на то, что еще ни разу не приходилось сестре Тишины проверять свои умения в таких условиях, когда от боли и горечи рвется сердце, а разум отказывается воспринимать любые доводы в защиту графа, находящегося под влиянием ведьминого зелья, Эста выстояла.

Не моргнув и глазом, спокойно прошла под аркой, за которой виднелись сенцы с несколькими дверьми, безошибочно выбрала ту, за которой полагалось сидеть хозяину харчевни, и решительно распахнула дверь. Как она и предполагала заходя, в чуланчике с громким названием – «кабинет», было пусто, и только поднос с недопитой чашкой еще горячего чая вещал о том, что хозяин не уехал далеко и надолго, а вышел по делам. Причем совсем недавно.

Эста осторожно крутнула пальчиком чашку, рассмотрела на ее краешке ядовито-розовую полоску женской помады и, свирепо усмехнувшись, мстительно дернула за шнурок звонка.

Только теперь она в полной мере прочувствовала, как больно было матери в тот вечер, хотя и раньше сопереживала ей со всей страстью детской непримиримости к предательству. Но лишь сейчас начала догадываться, как несправедлива была тогда она сама и насколько мудра и милосердна оказалась ее матушка. И сумела простить отца, хотя ее сердце истекало при этом кровью.

Жаль только, не было тогда у нее ни знаний, ни умений Эсты, и хотя позже предлагала Тмирна найти герцога и заманить в монастырь, матушка отказалась наотрез, заявив, что в одну воду дважды не входят. Однако Лэни теперь больше не уверена в правильности того решения и категорично не намерена подпускать к своему мужу никаких дам, желающих утешиться в жарких объятьях.

– Чего звонишь?! – Прищуренные глазки упитанной хозяйки заведения смотрели недружелюбно и заносчиво, а все ее замершее у порога тело так и трепетало от желания по-быстрому спровадить эту дурочку и мчаться назад. Под бочок дерзкого и наглого Хоря, в его бесцеремонные и умелые руки.

– Пройди в свою конуру и крепко закрой дверь! – процедила сквозь зубы незнакомка таким тоном, что Устина сразу осознала свою ошибку в оценке новой клиентки, недаром столько лет сама управляет этим заведением и всегда в прибылях.

И, судя по тому, как едко кривит губы совсем молодая девица и каким холодным взглядом рассматривает хозяйку, та не просто обманулась, а промахнулась очень сильно.

Потому-то толстуха мигом протиснулась в дверь, плотно прикрыла ее за собой и вытянулась перед Эстой с самым преданным видом, ожидая объяснений.

– Я тайный дознаватель герцога Эфройского, – сурово глядя в глаза трактирщицы, ледяным тоном отчеканила Эста, с показной таинственностью распахнула жакет и раскрыла один из потайных карманов.

Заученное правило, что, отправляясь на задание на один день, нужно брать снаряжения на пять и лучше взять лишнее, чем не прихватить нужного, в этот раз снова оправдало свои утверждения. Собираясь ехать в поместье Олтерна и следуя этому правилу, тихоня вместе с пеналами и гербовой бумагой на всякий случай получила у Наерса и медальон дознавателя и спрятала подальше. И теперь порадовалась своей предусмотрительности.

Подержав медальон на цепочке перед побледневшей хозяйкой, тихоня сполна насладились сменой эмоций на ее физиономии и бережно спрятала вещьцу назад.

– Мы ищем супруга одной очень знатной дамы, назвать ее имя, сама понимаешь, я не имею права. Скажу только, это очень важная особа. Господин пропал из дома после неудачного алхимического опыта. Есть сведения, что он ранен и потерял память и потому выдает себя за простолюдина. По докладам узнавших его людей, этот господин укоротил волосы и пользуется красками для изменения внешности. За любые известия о его нахождении я выплачиваю премию. Опознать его можно по брачному браслету на левой руке, ритуал для господ проводил эльв и на коже остался рисунок в виде листиков и цветочков. Однако проверять это нужно очень осторожно, господин способен впасть в ярость. Кстати, запомни важную подробность и передай всем своим подругам, на случай, если вдруг им повезет встретить этого мужчину. Его жена очень ревнива... и злопамятна, посоветуй держаться от него подальше, если они не готовы испытать ее гнев на себе и своих близких. Поняла? А теперь покажи мне, где у тебя пирамидка, мне нужно послать отчет, я недавно видела поблизости мужчину, очень похожего на разыскиваемого.

– Ясно, госпожа, – отпирая массивный шкаф, где прятала пирамидку, преданно кивала хозяйка, – а кроме вас тут еще шпионы есть... ой, простите, дознаватели?

– Конечно, – насторожившись, осторожно подтвердила Эста, – но они ходят тайно. Только учти, иногда нашими людьми любят прикинуться бандиты, не очень-то доверяй всем подряд. Если кто-то еще скажет тебе, будто он из людей стального Олтерна, незаметно покажи мне на него. Комнату для меня на первом этаже найдешь? Лучше угловую. А как точное название вашей деревни? Большое Садовое? Хорошее название. Хотя вроде я такое уже встречала? Да?! То были Малые Сады?! Понятно. За несколько дней столько мест проверила, в голове все перепорачивается.

Устина во все глаза наблюдала, как незнакомка достала шелковую бумагу с вензелями и дорогой, многоцветный пенальчик, каких в их деревне ни у кого не бывало.

А Эста стремительно написала записку, добавила к отчету, написанному еще в камере, и отправила пенал матушке Тмирне. Затем, щедро насыпав хозяйке монет, села к столу, ждать ответ и одновременно по привычке проверять в уме, нигде ничего не пропустила?

– Кстати, как тебя зовут? Устина? Очень хорошо. Запомни, Устина, про меня нужно всем говорить, будто я травница, помощница знахарки из Ютолы. Тут проездом, еду со свадьбы подруги. Если сумеешь язык за зубами удержать, не обижу. А пока иди, приготовь мне комнату.

Хозяйка харчевни снова понативно покивала и умчалась исполнять указания, прихватив по пути свой чай.

Эста только вздохнула украдкой, перекусит нормально чуть позже, как получит ответ и станет ясно, как действовать дальше. В том, что Тмирна примчится сама или пришлет кого-то из сестер, а не гвардейцев Олтерна, Эста не сомневалась, специально предупредила о необходимости вести себя со Змеем поосмотрительнее, так как он очень насторожен. Но не могла и не понимать, время сейчас очень напряженное, и, кроме заботы о Змее, у матушки и Олтерна куча других дел. Нужно искать Арви и Леонидию, кузена ее мужа и его помощников. А еще она знала, матушка никогда не пропустит мимо внимания ее краткое сообщение о жене с ребенком. Чьим он может оказаться, этот неизвестный доселе ребенок, пока трудно даже представить, но во всех случаях проверить нужно все версии.

Письмо не заставило себя ждать, и, схватив пенальчик, настроенный на амулет сестры Тишины, Лэни с благодарностью улыбнулась матушке. Как хорошо, когда где-то, пусть даже очень далеко, есть человек, которому небезразличны твои беды и заботы, готовый поддержать в нужную минуту теплым словом, советом или более весомой помощью.

Письмо оказалось коротким, Тмирна писала, что ближайшая почтовая башня находится в нескольких часах пути от села, куда попали Змей с Эстой, и тихоне придется продержаться это время одной, матушка уже собирается и отправится в путь немедленно.

– Комната готова, как заказывали, – просунув в дверь голову, заговорщицким шепотом доложила хозяйка. – Кушать когда будете?

- Сделай прямо сейчас горячего кофе с пирожками, - распорядилась Эста, направляясь к двери.

Проходя через сени, она украдкой бросила взгляд в обеденный зал, рассмотрела спокойно обгладывающего кости мужа и успокоенно вздохнула, после еды мужчины обычно добреют и теряют желание куда-то идти. Но присматривать за ним она все же будет непрерывно, для того и просила угловую комнату. И меры предосторожности примет... но чуть позже.

- Устина, - уставилась на трактирщицу сестра Тишины, оглядев комнату и найдя ее вполне пригодной для своих целей, - а ты хорошо рассмотрела мужчину, который обедает у тебя в большой столовой?

- Угу, - вздохнула хозяйка так тяжело, словно отрывала от сердца последнее, - похож на все, чего вы сказали. Вот рукав поднять не могу... может, мне... того, притвориться, будто я к нему равнодушна? Ну, и...

- Хороший план... - сквозь зубы процедила Эста, - если тебе надоела твоя харчевня, можешь приступить. Но сразу хочу предупредить, когда госпожа заподозрила одну из горничных в слишком смелых планах на господина, девушку на следующий же день выдали замуж. За гнома.

При упоминании о гномах трактирщица побледнела и заволновалась так, как и не подумала бы тревожиться, услышав угрозу потерять трактир, и тихоня исподтишка мстительно усмехнулась. А нечего строить глазки чужим мужьям и млет, когда они, не понимая, что творят, случайно кладут свою руку не на ту талию. Хотя какая там у нее талия... но об этом лучше не думать, иначе тихоня сама ее пострижет налысо, как это делают безволосые гномы со своими женами человеческой расы.

- Нет... - попятилась Устина, - это не по моей части. Я лучше подавальщицу подошлю.

- Выбирай ту, которую не жаль, - мрачно посоветовала монашка, - и у кого родичей нет. Сама понимаешь, госпожа тайком наказывать не станет. Сначала за сводничество плетей двадцать отсыпать прикажет, о таком ты, надеюсь, слыхала? И главное, Олтерн с ней в дружбе, она ему ценную услугу оказала... потому жаловаться будет некому. А за этим господином лучше приставь приглядеть мальчишек посмышленнее, я им сама заплачу. Да пусть без дела на виду не вертятся, с работой какой сидят или собачку лапу давать учат.

- Поняла, благодетельница. - Хозяйка преданно смотрела на Лэни, и в душе девушки зародилась робкая надежда на спокойный отдых. И большое желание избежать показа трактирщице своих умений тихони.

- Господин, вы комнату брать будете?

Хорь задумчиво смотрел на чопорно поджавшую губы пухлую селянку, еще час назад киселем растекавшуюся под его пальцами, и печенкой чувствовал какой-то подвох. Еще недавно она и слышать не желала о том, чтобы он снял отдельную комнату, и расписывала прелести кровати покойного мужа, пустующей в ее спальне. Которую просто грех не предоставить в распоряжение хорошего человека, который поможет Устине по хозяйству. Пару гвоздей там забьет или шкаф подвинет, самой ей не под силу.

А теперь ее словно подменили, и произошло это сразу после появления его бывшей попутчицы. Конечно, Хорь и сам чувствует, что с ним далеко не все в порядке. Напрочь исчезли из памяти важные сведения, мелькают обрывки каких-то очень странных событий и еще ведьма эта... почему-то не кажется совсем незнакомой. Но главное, он никак не может сложить в уме все эти клочки знаний в ясную картину и потому начинает сомневаться в их достоверности.

Но и не сделать очевидного вывода из своих наблюдений он просто не способен. Ясно ведь, раз девчонка пытается отшить от него всех, на ком он мог бы немного подзаработать, стало быть, она уже сделала за него выбор и твердо намерена пристроить Хоря на свою непыльную работу.

Но он человек самостоятельный и привык все решать за себя сам. И хотя спутница ему

очень симпатична и с ней легко было путешествовать, командовать собой он не позволит никому.

– Возьму комнату. На втором этаже и с видом на какой-нибудь садик... надоели горы.

Хорь небрежно бросил на стол монеты и пошел за хмуро кивнувшей ему хозяйкой. В глубине души он чувствовал невольное облегчение, что эта крупная рыба сорвалась с его крючка, но отлично понимал: денег, выданных Лени, надолго не хватит. А как их заработать иным способом – представлял смутно. В голове гвоздем засела упрямая мысль о необходимости найти богатую вдовушку... хотя в деревнях зажиточных и свободных женщин обычно немного. Сельские парни тоже понимают, где хорошо кормят.

Значит, нужно искать городок, желательно среднего размера, в маленьких все в курсе чужих тайн, откуда-то он очень хорошо это знал. Хорь недовольно скривился, проклятая ведьма! Вот откуда она взялась на его голову? И еще мучил вопрос, откуда у него взялись деньги на капсулу? Если, пошарив по карманам, он не нашел не только монет, но даже кошель.

– Вот приличная спальня, – распахнула перед Хорем дверь хозяйка, а когда он проходил мимо, отпрянула в сторону так резко, словно клиент был вымазан грязью.

Хорь пожал плечами и решительно захлопнул за собой дверь, и только потом принялся изучать комнату, которая с первого взгляда показалась ему слишком роскошной для отданных Устине монет. Небольшая, но уютная гостиная сверкала чистотой и хрустящими накрахмаленными занавесочками, салфеточками и скатерками, а во второй комнате стояла не менее хрустящая постель. Кроме нее, в углу за занавеской стояла низкая бочка, рядом на скамье вторая, с водой, и он мимоходом сунул туда палец. Теплая... странно. Он скептически скривился и пошел дальше, утром накупался досыта.

Распахнул шкаф, полюбовался на запасные одеяла и стопку свежих полотен и салфеток и шагнул к окну, рядом с которым стоял низкий стол и два стула.

Рассмотрев небольшой садик, разбитый под окнами, Хорь вздохнул и начал неторопливо раздеваться. Одежду он раскладывал по стульям и кровати, намереваясь изучить ее досконально. Идея о том, каким способом попытаться побольше выяснить о своей прежней жизни, возникла у Хоря еще утром, когда он, умываясь, обнаружил обвивающий запястье странный рисунок из листьев и цветов.

Хорь совершенно не помнил, откуда взялся у него на руке этот нарисованный веноч, но чувства раздражения браслет не вызывал, наоборот. Странное тепло возникло в груди, когда мужчина погладил пальцем серебристые листики.

– Я принесла мыло и настой ромашки, – без стука ворвавшись в комнаты и торопливо протопав в спальню, выпалила хозяйка и пристально уставилась на постояльца, ничуть не смущаясь тем, что на нем остались лишь исподние штаны.

Оценивающе оглядела стройную сильную фигуру и мускулистые ноги, скользнула взглядом по груди, перевела его на руки и начала бледнеть.

– Простите ради всех святых, господин... я как лучше хотела, – пятась от гостя, как от выпня, женщина бухнула на стол кувшин и мисочку с мылом и стремительно сбежала, оставив гостя в одиночестве.

Хорь озадаченно нахмурился, происходило нечто непонятное, и его интуиция толкала бежать от этого непонятного как можно дальше.

Он дернулся было к окну, бежать, но споткнулся о собственные сапоги и остановился. Демон, и куда бы он помчался в исподниках? Да и не настолько сильна опасность, чтобы у него не было нескольких минут закончить свои дела.

Иначе, как он подозревает, не скоро у него появится возможность рассмотреть свои вещи с таким удобством.

Начал Хорь с сапог и сразу отметил, что раньше недостатком средств он явно не страдал, как и здравомыслием, раз купил себе такие сапоги. Из хорошей кожи, на

тройной подошве, с полостями для ножей и золота и крепкими пряжками. Одежда оказалась под стать, удобная, явно недешевая, но неброская, причем поражаало количество потайных карманов и продуманность их размещения. Хорь не сразу догадался, как открыть некоторые тайники, а когда все же разобрался, присвистнул от изумления. Как выяснилось, он является владельцем довольно интересных и далеко не дешевых вещей. От незнакомых зелий до почтовых пеналов, хорошей бумаги и пера гномьей работы. Еще нашлась маленькая пилочка тоже из мастерских коротышек, моток крепкого и тонкого шелкового шнура, отмычка и даже амулет, очищающий болотную воду. Зажигательные палочки он нашел еще ночью.

В рукаве куртки Хорь совершенно случайно обнаружил махонький кинжальчик, с рукояткой-пуговкой. Однако на несколько минут забыл про все эти странные вещи, развернув записку, которую едва не сунул ночью в костер.

А вот сейчас, когда он решил все спокойно обдумать, эта записка удивила его точным перечнем сведений, какие он и сам знал про себя. Как зовут, чем занимается, почему не живет дома. Но написано все было как-то сухо, словно приказ или памятка... и выходило, написать такое он мог только сам.

Хорь немедленно взял перо и бумагу, написал несколько слов и тщательно сравнил, хотя уже с первых букв догадался: писал записку не он. И вот теперь она становилась намного важнее и ценнее, чем он считал вначале. Но об этом следовало подумать спокойно, без суеты и ожидания стука в дверь. Хорь торопливо оделся, отметив про себя, что одевается так, словно когда-то был воином. Однако эта мысль не вызвала у него раздражения, наоборот, показалась привычной.

Значит, он все же воин. А судя по особой одежде и хорошей бумаге – далеко не простой. И это тоже понравилось Хорю, и он уже уверенно разложил по местам свои вещи, ссыпав собранные с тела ведьмы трофеи в самый дальний из потайных карманов. Права была травница, не стоит ему их здесь показывать. Она вообще оказалась очень рассудительной... даже в выборе ему имени, и он больше не будет зваться Хорьком. Хотя бы из-за странной записки, где стоит эта неприятная кличка. Действительно, имя «Хор» звучит значительно лучше.

Однако наниматься к ее наставнице он тоже не будет, как и зарабатывать утешителем богатых дам, не его это. До сих пор зубы сводит оскоминой, едва припомнит, как совсем недавно обнимал эту самую Устину. Хор найдет для себя более мужской и достойный способ заработка. Но немного позже, сейчас вообще ничего искать не будет. Сначала постарается разобраться в своих личных делах, какое-то чувство, интуиция или здравый рассудок, неважно, упорно твердили, что в их разрыве с женой не все гладко. Но подумать спокойно в этих увешенных накрахмаленными салфеточками комнатах у Хора не получится, слишком настораживает внезапная перемена в поведении хозяйки, да и сами комнаты, явно лучшие в ее заведении.

Хор свернул тючком плащ, повесил за спину, чтобы не мешался, еще раз пробежал взглядом по обстановке и шагнул к шкафу. Прихватив пару салфеток, чтобы позже перевязать руку, распахнул окно и шагнул через подоконник на узкий карниз. Впрочем, гулять по нему мужчина не собирался, придерживаясь рукой за подоконник, примерился и спрыгнул в ухоженный цветник. Ловко спрыгнул, отметил он сам себе, несмотря на дорогие вещи, тело хорошо тренированное, и это тоже добавляет штрихов к вырисовывающемуся портрету. Совершенно иного человека, ничуть не похожего на того, кем он считал себя утром.

Несколько шагов до забора Хор проделал под ветвями густых кустов, низко пригнувшись, затем легко перемахнул через заборчик и оказался там, куда и проложил мысленно свой путь, стоя в комнате у окна. В усыпанный яркой листвой сад, где еще лакированно блестели на деревьях бордовые поздние яблоки. Без всякого зазрения совести сорвав на ходу несколько штук, в возмещение денег за комнату, которой не пользовался, Хор пересек сад, выбрался за заднюю калитку и пошел в направлении, обратном тому, в каком двигался утром. Теперь он шел на север, и для принятия такого решения у него было несколько веских доводов.

И главный – чувство противоречия, все крепнущее в его душе, когда он думал об ограничивающей его жизнь записке. А чем больше Хор думал о забытой жене, пытался представить, как они жили, о чем разговаривали, как обедали, как ложились вечером в

супружескую постель, – тем больше начинал понимать, что не испытывает ни одного из тех чувств, которые по полузабытым наблюдениям переживали другие обманутые мужчины. А в его сердце не было ни боли, ни злобы, ни тем более ярости и желания отомстить или убить. Да и жена по туманным и расплывчатым воспоминаниям была довольно приятная, на плечах смутно ощущалось поглаживание теплых ладошек, по губам пробегала ласково щекощущая волна при мысли о том, как он ее целовал. И потому Хор намерен добраться до какого-нибудь города и сходить в гномий банк.

Никто не знает, какими способами они пользуются, но коротышки умеют делать одну очень важную вещь, они узнают своих клиентов в любом виде. Избитых, израненных, опухших от вина или болезни, роскошно одетых или ограбленных, и именно к ним он намерен обратиться в первую очередь. Если он имеет в их банке хоть небольшой вклад, – никто, кроме гномов, не скажет точнее, важное Хор лицо или нет, и сколько денег у него на счету. Да и имя полностью назовут, и даже место, где он постоянно живет.

Ну а последним важным доводом, заставившим Хора свернуть на север, была миленькая травница, подозрительно горячо волновавшаяся за его судьбу и точно знавшая, что он намерен идти на юг. Вот пусть там его и ищет.

Глава 14

Из всей еды, принесенной на подносе девчонкой-подавальщицей, Эста успела съесть только кусок хлеба, щедро намазанный гусиным паштетом, и едва взялась за пирожок, как в ее дверь нетерпеливо забарабанили.

– Входи, – еще издали узнав по шагам Устину, разрешила тихоня, запивая румяный пирожок с картошкой горячим кофе со сливками.

– Он! – многозначительно тыча пухлым пальцем вверх, сообщила трактирщица, влетев в комнату и по-шпионски тщательно затворив за собой дверь. – Все как вы сказали: и голова крашенная, и листики на руке. Я лично видела.

– И где ты успела это увидеть?! – отставив на всякий случай подальше кружку с чаем, пока руки сами не метнули ее в соблазнительницу, сухо осведомилась Эста.

– Так в его же комнатах! – не замечая плотно сжатых губ гости или считая такую гримасу признаком сосредоточенности, горячо продолжала Устина, – Лучшие ему выделила и воды, значит, велела горячей натаскать. А потом и сама пошла, мыльца отнести.

– Ну? – проскрипела тихоня, изо всех сил борясь с яростью, разгорающейся в неизвестных ей до этого дня глубинах собственной души, – дальше.

– Ну и все, – торжественно объявила хозяйка, – попался, голубчик! В одних подштанниках стоял, все разглядела! Точно, есть на левой руке листики!

– Ну?!

– Чего?! – не поняла сначала Устина. – А-а, как я выпуталась? Ну, так извинилась, сказала, не думала, будто они так быстро разденутся. И теперь он там купается, а я сразу к вам.

«После чего он купается?» – языком опаляющего пламени рвался из сердца Эсты вопрос, и она быстрее схватила кружку с чаем, запить этот огонь.

Сделала несколько глотков, стараясь не смотреть на вытянувшуюся перед ней хозяйку, а рассуждать хладнокровно, как учила матушка. Правильно учила, как оказалось. Если подсчитать время, которое Устине понадобилось на проведение этого изыскания, то получится, что у нее не оставалось даже нескольких минут, чтобы раздеться. А она одета и аккуратно причесана, и наглаженные оборки на юбках в полном порядке. Монашка взяла себя в руки, допила чай, успокаивая встревоженное сердце, и, достав приготовленный кошель, выдала хозяйке несколько монет.

– Позже, когда придут остальные, получишь еще, – веско сообщила она в ответ на заинтересованный взгляд, брошенный Устиной на оставшиеся у гости монеты, и принялась за взбитый со сливками творог, политый клубничным вареньем.

Хозяйка, понатливно вздохнув, направилась к двери, а в душе Эсты внезапно похолодало. Не так, как от ощущения пропасти под готовой шагнуть в нее ногой и не как от вида несущейся с горы лавины. Почти незаметно, словно легкий сквознячок пронесся. Будь Эста обычной девушкой, не обратила бы на это внимания, но ее отточенное чутье тихони мигом подняло тревогу.

– Купается, говоришь? А где его комната? – отстранив с дороги трактирщицу, ринулась прочь монашка, и Устина, сообразив, что сейчас произойдет нечто особенное, устремилась за ней.

– Второй этаж, резная дубовая дверь. – Хозяйка почти не пыхла, прыгая по ступенькам следом за гостьей: – Изнутри кованый засов.

Дверь и действительно была впечатляющей, двустворчатой, массивной, резной и лакированной. И еще – крепко запертой, наверняка на тот самый засов. Женщины стучали по очереди, но ответом на глуховатый звук их ударов была полная тишина.

– Может, моются они? – робко предположила хозяйка, – намылились и сидят... не бежать же к дверям?

– Кто просит его бежать? Можно просто крикнуть, что занят! – сердито рявкнула тихоня, и ее рука сама потянулась к карману, где хранилась гномья отмычка, но девушка вовремя вспомнила про некоторые привычки трактирщиков. – Секрет есть?! Ну как вы открываете, если клиент перепьет и начинает буяннить или ему станет плохо? Поторопись!

– Так... – замялась Устина, но наткнулась на яростную синь потемневших глаз гостыи и сдалась.

Достала из висящей на поясе связки длинный тонкий ключ, повернулась к косяку и, отодвинув крупный резной завиток, отперла секретный замок. Она еще не до конца отодвинула тяжелую дверь, открывшуюся вместе с частью рамы, а Эста уже протиснулась мимо и промчалась в спальню.

И сразу поняла, испытанная интуиция ее не подвела. Комната была пуста, вода не пролита, сияющая свежими покрывалами и кружавчиками постель не смята, а вот окно распахнуто настежь, и свежий ветерок треплет вышитые занавески.

– Ой... – наконец протиснулась в узкий проход Устина, тоже сообразившая, клиента, на котором она намеревалась сделать месячную выручку, уже нет, – сбежал!

– Чем-то ты его спугнула. – Перегнувшись через подоконник Эста рассматривала примятые кустики отцветших левкоев. – Идем в кабинет.

И бегом побежала мимо хозяйки в свою комнату забрать плащ и чепчик.

А уже через четверть часа выезжала из села по ведущей на юг дороге, сидя верхом на крупном сером жеребце. За ним послушно бежала оседланная лошадка, нагруженная тюками с шатром, одеялами, посудой и запасом продуктов, а к седлу Эсты был привязан мешок, в котором, заботливо завернутая в старую шаль, ехала выкупленная у Устины пирамидка.

Трактирщица все-таки получила свою выгоду, запросив за пирамидку почти вдвое, но Эста не пожалела бы и больших денег, возможность писать послания и сразу получать ответы была для нее сейчас дороже всего.

И ответ на первое письмо, которое она отправила, едва узнав о побеге чего-то испугавшегося Дагорда, тихоня получила, пока подавальщицы суетливо бегали, собирая ей багаж.

Матушка сообщила, что уже едет в карете навстречу Эсте, так как башня, куда она пришла, расположена южнее села Большое Садовое. И просила Эсту не спешить, внимательнее осматривать все придорожные кусты, канавы и овраги. Змей забыл себя, но не забыл никаких навыков и умений, полученных во время службы.

Эста и не спешила, знала точно, если он идет по дороге, – все равно догонит или выкупит сведения у встречных путников. А вот если прячется за кустами, то дело хуже, и тут вся надежда только на ее внимательные глаза. О том, чтобы услышать, как в дальних кустах крадется Змей, когда под ухом цокают копытами две лошади, можно и не мечтать.

День давно перевалил за полдень, и тихоня не спеша жевала пирожки, запивая их из фляжки чаем, в который капнула бодрящего зелья. И все равно чувствовала, как уставшее сознание временами словно рассеивается, заставляя дергать головой и снова глотать чай.

А еще девушку не оставляло странное чувство потери, возникшее, едва она выехала из деревни, и все усиливающееся по мере удаления от Садового. И это было не похоже на намек интуиции или ощущение чего-то забытого. Такого Эста вообще никогда раньше не испытывала и теперь лихорадочно пыталась сообразить, откуда взялась у нее это почти незаметная, но неотступно растущая тревога?! Сказалась ли это усталость последних дней и потеря крови, или ночные приключения и жесткий песок, а возможно, и разлука

с Дагордом?

Эста печально улыбнулась и, отвернув рукав куртки, нежно погладила рисунок на коже. Несколько минут ехала, погруженная в свои мысли, и вдруг сообразила, что веночек на запястье выглядит как-то неправильно.

Девушка снова отогнула манжет и начала пристально изучать серебристые листики. Да нет, все как и было, это ей от недосыпу уже чудится. И тут цветочек, который разглядывала тихоня, побледнел и свернулся в бутон.

– Святая Тишина! – охнула Лэни, начиная понимать, о чем предупреждал ее полукровка. – Так, стало быть... я от него удаляюсь? Спасибо, Алн, ты настоящий друг и волшебник!

Первым желанием девушки было повернуть коня и скакать назад во весь опор, однако, остановившись, она передумала. Слишком долго и тщательно ее учили, чтобы лучшая тихоня позволила себе, забыв про едущую навстречу наставницу, броситься сломя голову в авантюрную погоню. И потому, хмурясь и кусая от нетерпения губу, Эста достала бумагу, написала короткую записку и отправила матушке.

Ответ пришел через несколько минут, Тмирна советовала ученице никуда не спешить, найти подходящее место и подождать ее. У настоятельницы имелись кое-какие задумки.

Сомневалась тихоня всего минуту, потом повернула назад и направила лошадей к ручейку, мимо которого проехала недавно, раз придется ждать, можно дать лошадям отдохнуть.

Эста успела напоить лошадей и дать им овса, расстелить одеяло и немного поспать особым, чутким сном, когда бодрствует какая-то крохотная частичка сознания, подавая сигнал опасности, если кто-то захочет подойти поближе к спящему путнику. Впрочем, тихоня не сомневалась, наличие второй лошади заставит задуматься тех, кто решит, будто мирно лежащий под кустом человек одинок.

Карета появилась вдалеке через пару часов, когда Эста, почувствовав себя достаточно отдохнувшей, развела костерок, вскипятила бодрящего отвара. Тихоня издали заметила, как гонит усталых коней кучер, и невольная улыбка пробилась на ее хмурое личико. Неистребимая уверенность в том, что раз с нею матушка, значит, все будет хорошо, всегда жившая в ее душе, в этот миг расцвела с новой силой.

Девушка вскочила на ноги и помахала белой салфеткой, подавая условный знак, но возчик и сам уже все сообразил, придержал коней, а затем и вовсе свернул на бережок.

– Эста, девочка моя, как я рада... – Едва карета остановилась и тихоня распахнула дверцу, настоятельница поспешно выбралась наружу и обняла воспитанницу. – Вижу, у тебя чай готов?! А у меня с собой корзина с едой, давай перекусим?!

Конечно, Эсте хотелось как можно быстрее помчаться туда, куда ушел Дагорд, но не согласиться она не могла. Не так-то легко матушке в ее годы несколько часов трястись в карете, и давно пора умыться, поесть и хоть немного отдохнуть.

– Конечно, но еда у меня тоже есть. – Эста прихватила из кареты несколько подушек и поспешила вслед за уверенно идущей к ручейку матушкой.

– Давай сейчас просто поедим, – предупреждая скосив глаза на кучера, предложила Тмирна, когда они устроились с чашками чая возле низенького столика, обнаружившегося в багажном ящике, – а поговорим в карете? Я думаю, если мы запрежем твоих лошадей, то доберемся до села быстрее, а там снова сменим коней.

И Эсте снова нечего было сказать, разумеется, матушка права. И потому она жевала все, что ей подкладывала Тмирна, и даже хвалила, с тоской думая о том, чем обедает Змей, если он сбежал из села тайком, а денег после оплаты комнаты у него наверняка почти не осталось?

– Рассказывай, – предложила Тмирна, едва карета тронулась с места, – но сначала покажи браслет... я не поверила своим глазам, когда прочла о согласии эльва провести ритуал.

– Вот, – задрала рукав, протянула ей руку тихоня, и по ее щекам вдруг тихо покатились слезы. – Они закрываются... цветочки. Я только сейчас поняла, почему Алн предупредил Дага... это значит, он все дальше от меня.

– Девочка моя... – Матушка торопливо сунула тихоне платок и бережно погладила ее дрожащие плечи. – Поплачь, это не зазорно. Не каждой так достается, как тебе, с первых дней попасть в такой переплет... но я в тебя верю, ты сильнее многих. И помни, все будет хорошо, я подняла на ноги всех, кого могла, ему навстречу уже едут, сестра Санна живет с мужем в ближайшем городке, и Олтерн отдал приказ своим людям.

– Матушка! – Слезы тихони мгновенно высохли, – но ведь они будут ловить его как зверя... или как преступника, а он и так насторожен и испуган! Может натворить непоправимого, решит, будто терять нечего...

– Как ты могла подумать, что я разрешу искать его обычными способами? – укоризненно покачала головой настоятельница. – Разумеется, я дала самые точные указания. Они просто сообщат нам о том, где его встретили... и постараются осторожно присмотреть, чтобы никто не напал. Патрули Зоралды пока ничего не знают о случившемся в долине и так и разбегаются по тракту, вылавливая одиноких путников для отправки в крепость. Ведьма собиралась построить свое маленькое государство, насколько я могу предположить, и править им, когда отомстит всем, кого считала повинным в своих неудачах. Расскажи-ка мне про нее поподробнее, я хочу кое-что уточнить.

Лэни послушно кивнула, вытерла слезы и начала рассказывать, сама удивляясь тому, насколько понятнее становятся причины давно прошедших событий после открывшихся ей в последние дни тайн.

– У нее был поистине гениальный в своей простоте план, – задумчиво кивнула воспитаннице Тмирна, выслушав ее рассказ и ответы на свои вопросы. – Сначала сделать неотразимыми с помощью ведьминского зелья кузин, захваченных на смотрины, а чуть позже выпить такое же зелье и явиться в спальню Олтерна. И все, любимый мужчина у нее в ловушке, а король на коротком поводке с помощью обязанной ей сестры, точно знающей, благодаря кому она обрела такое счастье.

И тут поперек дороги встал твой Змей... впрочем, тогда он был юным и преданным адъютантом, истово исполняющим указания господина и точно знавшим, как к этому моменту надоели Олтерну назойливо лезшие в его спальню любовницы. Даг не купился ни на золото, ни на ведьминские уловки, а выпить зелье Зоралда почему-то побоялась, думаю, у него короткий срок действия. А на второй день она узнала, что ее кузине удалось то, чего не удалось ей, и пришла в совершенную ярость. Вот в тот момент и начала потихоньку набирать ход лавина событий, сломавших судьбы тысяч людей. Через пару дней ведьма подстроила покушение на Олтерна, ей это несложно, зелье отвода глаз надежно скрывало ее от занятых объяснением возлюбленных. Встретаться в открытую в покоях Олтерна они больше не могли, он дал слово королю. Думаю, не ошибусь, если предположу, что несколько личных слуг Зоралды сидели в тот момент с одеялами и подушками на нижнем балконе, чтобы не дать герцогу погибнуть. Ну а кого ведьма собиралась обвинить в этом покушении, даже сомнений нет. Кузину и адъютанта, ведь, кроме них, никого рядом не было, одним ударом убирая со своего пути обоих.

И снова Дагорд сломал все ее планы, оказавшись и быстрее, и сильнее, чем ведьма могла предположить. Но у нее уже была заготовлена уловка на такой случай, и, вернувшись в комнату, она дает кузине дурманящее зелье вместо успокаивающего. А потом идет договариваться с королем.

– Никогда в жизни не думала, – с тихой яростью прошипела Эста, – как остро буду когда-нибудь жалеть, что не помогала убивать человека. И ведь понимаю, как это неправильно и жестоко... а ничего с собой поделаться не могу. Ты не видела ее горящих злорадством глаз, не видела ядовитой усмешки... Мне казалось, в ней затаился по меньшей мере выпень.

– Я могу тебя понять, – печально вздохнула Тмирна, – и хочу признаться, сама иногда

испытывала такое же чувство. Но это ложный путь, и, хотя я оправдываю за это убийство Змея, он защищал свою жизнь и любовь и твою, кстати, жизнь тоже, но идти по пути личной расправы с неугодными нельзя. Это тот пагубный путь, по которому пришла в свою черную пропасть Зоралда, всего-то и хотевшая изначально вернуть покинувшего ее любовника. Я знаю... сейчас тебе трудно это принять, слишком много боли она тебе принесла, но невероятно благодарна судьбе, сумевшей уберечь тебя от подобного поступка. Ведь ты же не сомневалась в победе Змея? Вот и гордись тем, что твой мужчина оказался именно таким, как ты предполагала.

- Он даже лучше... - снова всхлипнула Эста, едва представив, как Змей сидит сейчас где-то под кустом, и у него нет даже сухарика. - Прости... я не плачу. Просто эта записка...

- А что, если точнее, в ней было? - Тмирна поторопилась перевести разговор на более волнующую ученицу тему, отлично понимая, несмотря на всю рассудительность, думать о проблемах королевства, герцога Эфройского и даже родных братьев та сейчас просто не в состоянии.

Глава 15

Хор остановился перед облюбованными с дороги кустиками и раздосадованно фыркнул, оказывается, не он один такой находчивый. Кто-то уже нашел это место раньше его, и много раньше. И даже не один.

Посреди удобной полянки, загороженной от дороги куртиной дикой айвы, еще усыпанной кое-где желтыми плодами, серело обложенное камнями кострище, с одной стороны от него валялся ствол срубленного дерева, покрытый шрамами многочисленных зарубок, с другой – лежанка из высохших веток, прикрытых соломой. И солома, и угли в костре еще свежие, так что придется уходить, путники, обустроившие этот привал, видимо, постоянные его гости.

А он сейчас не желает встречаться ни с кем: ни с хорошими людьми, ни тем более с плохими. Хотя ему есть чем встретить последних. Хор довольно ухмыльнулся, правильно он сообразил, что на хуторах, мимо которых они с Лэни так гордо прошли утром, можно будет купить не только дешевой еды. В одном из хозяйств беглец заметил закопченный сарайчик, который, по его мнению, не мог быть ничем иным, как собственной кузней, и скоро убедился в своей правоте, когда вскользь посетовал, что из-за несчастного случая остался без оружия.

Хозяин окинул путника, покупающего кусок окорока и ковригу хлеба, по-крестьянски пронизательным взглядом, сделал какие-то свои выводы и вынес ему из кузни увесистый тесак, насаженный на длинную ручку. Такими орудиями селяне по осени вырубают стебли кукурузы и подсолнуха, объяснили Хору, а при надобности довольно удачно отбиваются и от злодеев.

Хор сполна оценил этот жест и выгреб из кармана все последние монетки, и щедрому покупателю дали еще и старый мешок, завернуть остро наточенное оружие и никому его раньше времени не показывать. И теперь путник не боялся, что нечем будет нарубить дров, отбиться от выпня или припугнуть любителей чужого добра.

Беглец повернулся и пошел прочь от чужого привала, разглядывая все попадающиеся по пути кусты и лощинки. Если он хочет устроиться на ночлег поудобнее, не нужно ждать полной темноты, лучше присмотреть место и приготовить дрова загодя.

Хор неторопливо шагал меж кустов, бдительно озираясь по сторонам в поисках удобного местечка, и это оказалось очень правильной тактикой. Он сразу заметил, как трое всадников, скакавших по дороге с севера, резко свернули в его сторону. Мужчина порскнул в ближайшие кусты, как испуганный заяц, повесил на крепкий сучок свою сумку, чтобы не есть потом хлеб с муравьями, и снял с плеча повешенный наискосок мешок с тесаком. Однако вскоре, последив за путешественниками, облегченно вздохнул, ехали они вовсе не в его сторону, а к обжитой стоянке. И Хор совсем уже было двинулся прочь, но, бросив взгляд вслед проскакавшим мимо всадникам, заметил у них за спинами двух женщин, привязанных как багаж. У третьего за спиной точно так же, животом вниз, висел мужчина, и его голова и руки болтались, как у тряпичной куклы.

Что-то смутно знакомое всколыхнулось в душе Хора при виде этих связанных людей, душное, тяжелое захлестнуло обидой и ненавистью, и он мгновенно сделал свой выбор. Торопливо развязал веревку, освобождая оружие, и помчался к оставленному недавно кострищу. Не забывая прятаться за кустами и наклоняться пониже в стремлении раньше времени не попасться негодяям на глаза.

Но всадники были слишком самоуверены и устали, чтобы оглядываться и осматривать окрестные кусты. Да и откуда здесь взяться засаде, если они покинули это место лишь утром и точно знали, сколько повозок и путников прошло по этой дороге. Не первый день тут охотились, давно пригляделись к падкому на деньги хозяину придорожного трактира и сняли у него удобную угловую комнату на втором этаже, якобы для игры в кости. Хотя в кости, разумеется, тоже играли, но по очереди, пока один дежурил у окна. Главной их обязанностью было докладывать, сколько и каких воинов проехало на юг, чем занят командир маленького гарнизона и не крутятся ли в Ютоле подозрительные личности. Ютола была самой большой из окрестных деревень, в ней пересекались дороги из нескольких меньших поселков, имелся храм и проводились осенью многолюдные ярмарки.

Потому-то парни из отряда стражи горной госпожи очень ценили свою непыльную работу и, когда случалось приметить ротозеев из дальних деревень или одиноких небогатых путников, лишенных охраны, заодно выполняли и поручение советницы Зоры, добывать невест для исцеленных беглых каторжников. В горной крепости очень не хватало женщин, несмотря на то, что отщепенцы перехватили несколько идущих в Торем обозов контрабандистов, скупавших или сманивавших в деревнях бедных сироток.

– Развязывать будем? – стаскивая с крупа лошади так и не пришедшего в себя селянина, спросил один из дозорных, но Манг, которого адъютант госпожи назначил командиром дозора, зло на него зыркнул, и стражник хмуро примолк.

– Забыл, что ли, про Бегса с Фалером? До сих пор спят, – едко ухмыльнулся третий, самый молодой стражник, снимая с лошади женщину лет тридцати пяти. – Терк говорит, его боги спасли, что сидел в избушке, когда остальные мясо есть начали. И всего-то поверили пойманным парню с девкой, не стали связывать. И ведь ушлые какие, никто не заметил, когда успели сыпануть чего-то в котел! Хотелось бы знать, где они теперь, те селяне?

Разговорчивый парень шагнул в кусты, под которыми они прятали котлы, и подавился вопросом, откуда на него злобно смотрело исчерченное грязными полосами лицо незнакомца.

– Терк отправил письмо госпоже, она разберется, – буркнул командир, задумчиво рассматривая испуганную девчонку лет семнадцати, явно дочку пойманных ими селян.

Недаром мужик так отчаянно махал палкой, пытаясь прикрыть своих убежавших спутниц, даже пришлось его оглушить. Решая, как поступить со смазливой девчонкой, отправить в горы или оставить себе, старший обернулся не сразу, услышав в ответ на свои слова лишь треск кустов. Встревожился только после того, как заметил напряженный взгляд молчаливого сотоварища, устремленный себе за спину.

– Что там у тебя такое, Хелк? – начал произносить командир недовольным тоном и сразу смолк, поперхнувшись произнесенным окриком.

– Как видите, связывать я умею очень хорошо, – очень спокойно и сухо сообщил неизвестно откуда взявшийся незнакомец, поигрывая внушительным тесаком над головой стоящего на коленях бледного Хелка.

Руки парня были туго связаны за спиной, а изо рта торчало ярко-бордовое яблоко.

– Еще лучше я орудую вот этим рубилом, – невозмутимо продолжил смельчак, – поэтому не советую ни приближаться ко мне, ни махать оружием, если вам хоть сколько-нибудь жаль своего молодого друга. Ты! Да, тот, с мешком, поставь своего главаря на колени и свяжи ему руки, да покрепче, иначе я рассержусь. Ну?! Кому я сказал? И не трясись, я не убийца, как вы, хотя снесу парню башку не задумываясь, если вы начнете делать глупости. А вот если будете послушны, то останетесь совершенно целы и, что важнее всего, – живы.

– Извини, Манг, – тихо произнес дозорный, держащий мешок, – но я ему верю. Встань на колени... не упрямысь. Он и в самом деле не будет убивать, раз сказал.

– Откуда ты знаешь?! – Манг отступил к кустам, выставив перед собой кинжал. – Предал, гад?

– Никого я не предавал, – оскорбленно блеснул на него глазами соратник, – просто служил с ним когда-то. Да попал со своим господином в мятежники... ну ты и сам знаешь.

– Считаю до двух, – холодно оборвал их перебранку Хор, – потом будет поздно! И посмотрите в глаза другу, пока он жив.

Хелк отчаянно замычал, потом, изловчившись, вытолкнул изо рта яблоко.

– Манг! Ты разве не собираешься меня спасти? Он же убьет меня, Манг! Ты забыл, что мы из одного городка? Тебя же моя родня проклянет, если ты...

- Помолчи, – устало буркнул Хор и сунул пленнику в рот скрученный платок, – а то точно убью. Манг, последний раз говорю... не дури.

- А! – взвыл тот и, швырнув в противника кинжал, бросился к лошади.

И тут же растянулся на земле, споткнувшись о ловко подставленную другом подножку. А в следующий момент тот сидел на командире, выкручивая ему за спину руки.

Хор настороженно ждал, пока узнавший его стражник свяжет Манга, потом приказал ему положить в сторонке оружие и связал его самого. И все это время его душу сверлил один вопрос, как выяснить собственное имя и не выдать его врагам?! И не показать при этом свою неосведомленность о собственном имени и звании.

Но сначала все же следовало позаботиться о пленниках, и потому Хор шагнул сначала к старшей женщине, следящей за происходящим с разгорающейся надеждой.

- Спасибо тебе, – радостно выдохнула селянка, когда он разрезал веревку у нее на запястье, – спас от издевательств подонков. И ведь слышали мы молву про пропадавших путников, да уж больно нужно было попасть в Ютолу. Меня Парна зовут, я швея из Дежина, все, что захочешь, тебе сошью или жене.

- Развязывай своих, – перебил ее благодарную речь Хор, – и скажи, далеко отсюда до вашего дома?

- Было недалеко, да в обратную сторону увезли, ироды, и мужика моего покалечили. – Женщина сердито замахнулась на Манга, но Хор успел перехватить ее руку.

- Не смей! Лучше зелье поищи мужа напоить. Разбираешься в зельях-то? А потом можешь взять двух лошадей и ехать домой. Мужа я помогу в седло поднять.

Давать женщине флаконы, найденные в своих карманах, Хору не хотелось, чем-то насторожили они интуицию, которой он доверял с каждым часом все сильнее. И потому спаситель помог селянке снять кошель с зельями с пояса злобно сопевшего Манга и проследил, как она насильно вливает в рот так и не очнувшегося главы семейства несколько глотков выбранного зелья.

- Лучше дать зелье из зеленого пузырька, накапать в ложку с водой десять капель, – подсказал признавший Хора стражник, и тот благодарно кивнул пленнику.

Селянка принялась капать снадобье, а девчонка, успевшая собрать свои пожитки и привязать их к седлу одной из лошадей, стреляла в мужчин настороженными взглядами, явно мечтая побыстрее уехать отсюда. Хор и сам желал того же, совершенно не представляя, как помочь освобожденным, если они не смогут привести в чувство отца, однако все усилия женщины были бесплодны.

И никакой идеи, как помочь раненому, в голову Хора пока никак не приходило. Помог тот же стражник, явно питавший к захватчику непонятное доверие.

- Ты не хочешь ехать с ними? – тихо спросил он, когда Хор проходил рядом.

- Как тебя зовут? – вместо ответа поинтересовался Хор.

- Сейчас Листом, – невесело усмехнулся тот, – а в молодости звали Тирвелом. Тирвел Кайзен, тебе знакомо это имя?

- Мне многое знакомо, – хмуро вздохнул Хор, – а как ты умудрился оказаться с ними? Хотя... пока не отвечай, почему ты спросил, хочу ли я ехать?

- У меня есть совет... но давай отойдем в сторону?

- Предатель! – снова с ненавистью прошипел Манг.

- Это ты предатель, – взорвался вдруг Лист. – Отлично слышал вместе со мной, как на площади объявляли об амнистии, и заявил, что это ловушка! И продолжаешь ловить людей, как будто ничего не изменилось! А изменилось все, понимаешь, все! Больше никто не захочет сидеть в вашей проклятой крепости, если можно вернуться домой!

Домой, понимаешь? У меня еще мать жива... я ее обнять хочу! А тебе сегодня никто не ответил, ни на одно письмо. И снова ты соврал, сказал, что в пирамидке кончился накопитель. А он не кончился... полоска еще зеленая!

- Так, - рывком поднял его на ноги Хор, - успокойся, Лист. Идем, поговорим. Парна, связанных не троньте, слышишь? Я им обещал.

- Слышу, и пальцем не коснусь. Нужно мне руки марать о такую мерзость, это я сгоряча хотела... теперь остыла.

- Как ты меня узнал? - отведя стражника на такое расстояние, чтобы видеть происходящее у кострища и не опасаться любопытных ушей, тихо поинтересовался Хор.

Листу он пока до конца не доверял и потому не забыл привязать ему за ногу веревку.

- По голосу, по глазам... мы же жили в одной комнате, когда служили стальному Олтерну, Змей, - печально сообщил тот.

- А мое полное имя тоже знаешь? - холодно осведомился Хор, пробуя на вкус это странное прозвище, Змей, и находя, что оно ему нравится.

- Проверяешь? - горько хмыкнул пленник, - ну конечно знаю. Дагорд Феррез, граф. А с тех пор как всех твоих братьев и отца осудили за мятеж, получил приставку «аш», как старший в роду.

Имя Хору тоже понравилось, как и известие о титуле графа и старшем в роду. Но вот новости про мятежных родичей огорчили, хотя, прислушавшись к своим ощущениям, особого изумления или недоверия он не ощутил. Значит, знал и про это, и про амнистию наверняка тоже знал... как интересно все складывается.

- Я так и подумал, - помолчав, отчаянно признался Лист, - ты тут гуляешь, чтобы до госпожи добраться. Твой кузен, Гартлиб, ведь у нее в фаворитах. Только зовут его теперь Кэнк.

И эти имена тоже были Змеем смутно знакомы, словно забытые детские игрушки, только почему-то неприятны... и потому он не стал расспрашивать про кузена, все сильнее убеждаясь, его потеря памяти вовсе не случайна, как не случайна и встреча с ведьмой.

- А про ведьму знаешь? - нарочито безучастно поинтересовался граф, искоса наблюдая за лицом бывшего сослуживца.

- Про Зору? - еле слышно шепнул Лист и огляделся с привычной опасливостью, - кто про нее не знает. Говорят, это не госпожа Ниди у нас главная, а Зора ею вертит... но она очень подозрительная и жестокая... ты к ней хотел попасть?

Похоже, уже попал, - вертелось в голове Змея, - Демон! Так вот почему он не помнит и половины сведений, какие должен знать про себя самого! И, кажется, догадывается, кто написал ту записку... и кого он убил на том поле. Но кто же тогда Лэни и как она попала в тот портал? И к кому придут так хорошо спрятанные пенальчики, о которых он не забывает ни на секунду?!

- Лист, - твердо глянул на бывшего друга Змей, приняв решение, - извини за эту проверку, но последний вопрос - кому я служил в последнее время?

- Герцогу Адерскому, - сразу ответил тот, - уже лет десять. Говорят, вы с ним друзья и он тебя очень уважает.

«Демон, - граф стиснул зубы, чтобы не выругаться вслух, - ну и стерва». Тогда все сходится, и, стало быть, правильно он сделал, добив ее, хотя и мелькала мысль просто связать, когда женщина потеряла сознание. Но вот сейчас он ее прибил бы еще раз, за ту участь, какую ведьма для него заготовила. И, выходит, жена ему вовсе не изменяла... ждет где-то, волнуется... демон!

- Лист, ты говоришь, у вас есть где-то пирамидка?

- У Манга в мешке, - кивнул тот.

- Знаешь... я хочу предложить тебе соглашение, - испытующе уставился на собеседника Змей, - как бывшему сослуживцу. Ты сейчас объявляешь прежнюю клятву недействительной и клянешься в верности мне, а я обещаю тебе помочь как можно скорее оказаться дома.

- Я согласен, - твердо сообщил Лист, - давно хотел от них уйти, только бежать некуда было. У нас имение небольшое, спрятаться не получится.

Через минуту с официальной частью соглашения было покончено, и Змей сноровисто развязал нового подданного.

- Неси пирамидку, я посмотрю, как дела у селянина, - бросил граф, направляясь к кострищу и отлично понимая, что смертельно рискует, хотя и собрал все оружие пленников в свой мешок, который бдительно таскал за плечами.

Если Лист, узнав напавшего, разыграл спектакль, в надежде победить хитростью, то сейчас у него самый удобный момент ударить Змея чем-нибудь тяжелым по голове. И не нужно ему знать, как напряженно вслушивается в каждый доносящийся сзади шорох, готовясь в любой момент увернуться и броситься врагу под ноги идущий впереди воин.

Горячо надеясь при этом на интуицию да на здравомыслие бывшего соратника. И как иногда бывает в жизни, на этот раз надежды сбылись, Лист спокойно шагал следом, а войдя на полянку, отправился искать в мешке командира пирамидку.

- Предатель, - выплюнул еще раз Манг.

- Помолчи, пока я и тебе не заткнул рот, - доставая бумагу, устало пообещал Змей, - ты прекрасно знаешь, никого он не предал, и раз объявили амнистию, значит, нужно явиться к дознавателям, а не добавлять себе вины.

Над тем, какие слова написать в письме, которое собирался отправить неизвестно кому, граф особенно не размышлял, решив, что важно вовсе не само послание, а как быстро придет на него ответ. И откуда.

Потому и черкнул лишь несколько слов о захваченных бандитах, ловивших на дороге селян, и о раненом человеке, которому нужен целитель. И подписался: Змей.

А потом отправил пенальчик и сел к разгорающемуся костерку ждать ответ.

Глава 16

В Большом Садовом карету встречала целая делегация, староста деревни, командир поста стражников и богатый землевладелец, чье имение располагалось неподалеку от деревни. У них у всех были собственные пирамидки, и все получили указания, подписанные самим Олтерном.

Матушка коротко поблагодарила всех за беспокойство, сообщила о своем желании умыться и пообедать в доме старосты, а попутно велела ему вернуть трактирщице коней и щедро оплатить ее преданность короне, внося эти деньги в графу государственных расходов.

Как ни расстроена была Эста зрелищем слишком медленно открывавшихся цветочков на ее запястье, не отметить привычную практичность старшей сестры и не улыбнуться она все же не смогла.

Тмирна только усмехнулась в ответ и отправилась в купальню, где, как обещал староста, ее ждет горячая вода и отвар из снимающих усталость трав.

Однако наслаждалась она этим благом недолго, не успела Эста умыться в небольшой умывальне второго этажа и переодеться в привезенную матушкой мужскую одежду, как настоятельница уже появилась на пороге столовой. День споро катился на убыль, а им еще предстоял дальний путь. Судя по тому, как быстро удалялся граф, его кто-то подвез, и Эста молила Тишину, чтобы это были добрые люди.

Поздний обед сестры Тишины поглощали без особой спешки и без разговоров, а едва подали десерт, дружно поднялись из-за стола, расслышав звук копыт свежих лошадей, доставивших их карету к крыльцу.

И через пять минут уже выезжали из села, торопясь догнать неугомонного Змея.

Вечер уже начал понемногу укутывать дали серой вуалью, когда перед лицом Тмирны повис пенальчик, и она немедленно дернула шнурок, останавливая карету. И пока настоятельница доставала письмо, Эста успела зажечь дорожную лампу.

– Прочти, – быстро пробежав глазами письмо, матушка передала его воспитаннице и принялась писать ответ.

А следом доклад Олтерну и еще указания, какие комнаты и где следует для них подготовить. Через несколько минут вестники были отправлены, и наступило томительное ожидание. А потом пенальчики посыпались один за другим, и Тмирна читала их с видом полководца, получающего боевые донесения во время решающей битвы. Наконец пришел ответ от Змея с подробными указаниями, где он находится, и матушка немедленно дернула шнурок, давая кучеру сигнал к отправлению. В тот же миг карета сорвалась с места и еще быстрее, чем прежде, помчалась дальше. Как оказалось, до места, где находился граф, оставалось всего несколько лиг.

– Ну вот теперь плакать незачем, все ведь хорошо, – в ответ на мягкую укоризну в голосе матушки Эста виновато вздохнула и вытерла слезы.

– Это от радости, не обращай внимания.

– Я и не обращаю. А ты смотри на свои цветочки да прислушивайся к теплу души. Мне объясняли, чем ближе друг к другу супруги с такими вот браслетами, тем теплее у них на душе, словно праздник наступает.

– Так они уже опыт имеют, – расстроилась тихоня, – а я как узнала, что с ним все в порядке, так у меня вообще в душе лето и бабочки порхают.

– Лэни, я все понимаю про бабочек, но хочу предупредить тебя об одном. Змей – молодец, раз уже сам разобрался, кто он и как должен поступать. Но прошу тебя, не забывай, все это он просто узнал, а не вспомнил и не прочувствовал. Поэтому будет намного лучше, если ты так и останешься ученицей травницы, а я твоей наставницей. Это ненадолго, целители и зелье уже ждут в одном из замков Олтерна, через день он станет прежним, но тебе придется нелегко.

– Я готова, – стиснув сердце в кулак, пообещала Эста и тайком горько вздохнула, разумеется, она понимает желание матушки сделать как лучше, но как же трудно терпеть и молчать!

После того, как Змей получил письмо, связанные отщепенцы притихли, помрачнели и больше не бросали на переметнувшегося к захватчику товарища презрительных взглядов. А сам Лист, чувствующий одновременно и облегчение, и странную вину перед бывшими товарищами, и боязнь предстоящих объяснений с дознавателями, и даже гордость за собственную решимость, позволившую сбросить ненавистную клятву, с усердием принялся за хозяйственные дела. Помог женщинам переложить раненого на застеленную одеялом лежанку, подбросил дров в костер, повесил котел, достал из мешка припасы.

Душу волновавшегося Змея раздирали смутные сомнения в правильности поступка и робкие надежды на надежность собственной интуиции, и он тоже не мог усидеть на месте. Сходил за своим мешком с продуктами, отдал его Парне, помогавшей Листу накрывать ужин, и принялся подбрасывать ветки в костер, постоянно оглядываясь в сторону дороги и прислушиваясь. Тревожились и окружающие его люди. Никто не знал, какие перемены ждут их впереди, но все постепенно заразились лихорадочным нетерпением, горевшим в серых глазах неизвестно откуда взявшегося мужчины, так резко изменившего казавшееся незыблемым будущее.

Стук подков по выложенному камнем тракту они слышали издали, когда закат давно погас и сумерки начали густеть с каждой минутой. Змей, очень сомневавшийся, что карета, в которой, как ему написали, едут люди Олтерна, сможет проехать к костру по бездорожью, вскочил с места, схватил горящую ветвь и бросился на край поляны. Он махал до тех пор, пока не понял, что больше не слышит знакомого цокота, но, когда, разочарованно опустив ветку, принялся сбивать с нее огонь, копыта зазвенели вновь. Теперь они приближались неумолимо, и у Змея отлегло от сердца, зря он волновался, прибыли вовсе не новички. Без его подсказки догадались выпрячь коней и преодолеть двести шагов верхом.

Но когда лошади вылетели в освещенный костром круг, граф некоторое время стоял в недоумении, с сомнением рассматривая прибывшую подмогу. Самым надежным ему показался крепкий мужчина средних лет, но он сразу же принялся собирать лошадей в связку, явно намереваясь увести к оставшейся у дороги карете. Змею стало понятно, что это всего лишь один из возниц и, значит, главным в этой группе быть не может. Вторым приехавшим был совсем молодой веснушчатый парнишка в длинной куртке и темной косынке, повязанной низко на лоб по матросской моде.

Ну а последний посланец вообще вызвал у Змея нервную ухмылку. Седая худощавая женщина с добродушным лицом и в скромном темном одеянии, спустившаяся с помощью спутников с лошади, казалась кухаркой или няней, и непонятно было, чем она поможет Змею. А незнакомка внимательно посмотрела на графа и, не говоря ни слова, направилась к раненому. А вот парнишка, едва окинув всех быстрым взглядом, вытащил из привезенного с собой саквояжа большую пирамидку и, поставив ее прямо на песок, кивнул Листу.

– Иди сюда и веди своих дружков. Держи их покрепче и ломай вот эту капсулу. Там вас встретят. Справишься?

– Конечно, – чувствуя, как тревожно забилось сердце, серьезно кивнул тот и направился к бывшим товарищам.

Поднял на ноги, подвел к пирамидке и, продев одну руку сквозь связанные запястья, второй решительно стиснул большую капсулу. Блеснул огонек портала, и трое бывших дозорных отправились навстречу новой жизни.

– Я обещал ему защиту, – подозрительно присматриваясь к парню, вызывавшему у него неясные сомнения, напомнил граф на всякий случай.

– Мы передали это, – кротно кивнула Лэни и, словно не замечая, каким испытующим взглядом сверлит ее муж, оглянулась на Тмирну: – Что с ним?

– Придется полежать несколько дней, но думаю, все будет хорошо, – поднимаясь на ноги, уверенно сообщила та и строго посмотрела на графа. – Дагорд, бери его, вы пойдете вперед, а мы за вами.

Змей послушно кивнул, ясно понимая, спорить сейчас уже поздно, а задавать вопросы рано, и подхватил селянина на руки. Парнишка, все сильнее напоминавший Змею одну настырную особу, ухватил Дагорда за руку, пробормотал: «Меня зовут Эсталис» – и решительно сломал капсулу.

На порталной вышке их уже ждали, ловко выхватили у Змея из рук больного, услужливо распахнули перед ним решетку входа. Парнишка, назвавшийся Эсталис, уверенно потащил спутника на лестницу, потом вниз по широким удобным ступеням. Моложавый мужчина с почти незаметной в светлых волосах сединой и со стальными глазами шагнул навстречу, пристально взгляделся в лицо Змея и расстроено стиснул зубы.

– Привет, Олтерн, – многозначительно приветствовал мужчину парнишка, и тот мигом перевел на него взгляд.

– Эста?! Это ты?!

– Я.

– Девочка... – Мужчина вдруг шагнул к ней и крепко стиснул в объятиях. – Как я рад... мне все рассказали... спасибо.

Змей нахмурился, теперь он больше не сомневался, что парнишка, назвавшийся Эстой и оказавшийся агентом герцога, и есть та травница, Лэни. И это сразу прояснило многие моменты, так раздражавшие его утром.

А одновременно с пониманием, как здорово он сглупил, сбежав от опекавшей его девушки, в душе возникло болезненное сожаление, как от потери чего-то важного, но граф постарался о нем не думать.

Хотя не размышлять о девушке вообще не получалось, она явно была в курсе, почему он не помнит своей жизни и почему незнакомая ведьма так стремилась его убить. А еще эта загадочная Эста, которую так нежно обнимает железный Олтерн, должна была точно знать, откуда вообще взялась ведьма и как все они попали на то поле. Все ее прежние объяснения теперь совершенно не устраивали Змея, и к тому же в его душе росло ничем не оправданное раздражение против такого вольного обращения с ней герцога. Но граф только сильнее стискивал зубы, начиная понимать, теперь он не имеет никакого права что-либо запрещать недавней попутчице, так как дома его ждет жена. Ведь недаром странный браслет, нарисованный на запястье, начинает все больше теплеть и раскрывать цветочки, словно напоминая о ней.

– Ну, это же моя работа, – отстраняясь от Олтерна, устало сказала Эста, и Змей почувствовал невольный укор совести.

Он-то знал, как мало ей удалось поспать ночью и как много они прошли пешком. И сильно подозревал, что до того момента, как девчонка получила о нем известие, она обыскала не один поселок, ведь недаром находилась так близко от него, да еще и с травницей.

– Комнаты для вас уже готовы, – доброжелательно сообщил Олтерн и тайком покосился на Змея, не зная, насколько тот осведомлен о собственном семейном положении.

– Спасибо, – отозвался за спиной графа спокойный голос старой травницы, – мы только быстро умоемся и переоденемся. А поговорим за ужином, если ты не возражаешь.

– Как я могу тебе возражать, – со странной усмешкой произнес герцог, – сейчас распоряжусь. Кого можно пригласить на ужин?

– Только Наерса, – категорично отрезала женщина, и граф снова досадливо сжал губы, уж слишком много ошибок он совершает. – И предупреди его насчет Змея.

- А разве... - начал герцог и смолк, вопросительно глядя на настоятельницу.

- Он должен выбрать сам, - твердо сообщила монахиня, - ты же знаешь, тот, кого напоили зельем забвения, должен искренне желать вернуть свою память, тогда и лекарям легче, и возвращение проходит удачнее.

- Я желаю, - настороженно сообщил Змей и внезапно заметил, как помрачнела и отвернула голову Эста. - А разве может быть иначе?!

- Иногда бывает, - печально кивнула женщина, - но давай поговорим за ужином? Мы с Эстой несколько часов тряслись в карете, а перед этим она скакала на юг... там мы и встретились.

И снова раскаянье остро резануло сердце графа, а девушка, словно догадавшись, тут же сочувственно заглянула ему в глаза и мягко коснулась его руки.

- Как захочешь, так и будет.

Змей снова неистово стиснул зубы, не желая, чтобы кто-то заметил, как потрясло его это простое дружеское прикосновение. Демон! Ну, за какие грехи на него эта напасть, сердито сопел он про себя, шагая вслед за женщинами по коридору. Неужели он настолько легкомыслен, что стоит на несколько часов оказаться наедине с хорошенькой девушкой, как готов изменить любимой жене? А сомнений в собственных чувствах к забытой жене у Змея никаких нет, с нелюбимыми таких сложных ритуалов не проводят, а покупают простые браслеты, которые так легко снять при случае.

- Вот ваши комнаты, - лично распахнул Олтерн двери перед женщинами, и они ушли туда, подарив перед этим Змею по странному взгляду. - А тебя я провожу в твои личные покои, - продолжил герцог и пошел дальше, старательно держась рядом со Змеем.

Похоже, у Листа были неверные сведения, невесело усмехнулся Змей, это герцог Эфройский, а не Адерский считал его своим другом.

- Сюда, - поднявшись на третий этаж и пройдя мимо двух пар охранников, таращивших на Змея изумленные глаза, герцог снова сам открыл дверь роскошных покоев и вошел туда вместе со Змеем. - Дагорд, мне бы хотелось задать два вопроса... хотя я понимаю, сейчас ты не в лучшей форме.

- Задавайте, - вежливо кивнул Змей, и герцог недовольно поморщился.

- Когда мы вдвоем или среди доверенных людей, ты имеешь право называть меня на ты.

- Извини, но я не помню, - тихо объяснил граф, хотя Олтерн знал это и сам.

- Это ты меня прости, но хочется из первых рук. Ты уверен, что убил ту гадину?! Мне не хотелось бы хоронить ее в третий раз.

- Мне пришлось, - помрачнел Дагорд, уже не раз вспоминавший ту схватку. - Я был безоружен, а у нее был кинжал, и она пыталась воткнуть его мне в глаз. Я успел перехватить... в общем, она точно мертва, я собрал с тела все вещи, какие смог найти, сейчас достану.

- А больше ты ничего не помнишь? - внимательно смотрел герцог на Змея, и тому чудилась в глазах господина неясная надежда.

- Вот все, хранившееся в моей памяти до того времени, как я поймал бандитов и один из них, Тирвел Кайзен, меня опознал, - достал из кармана листок Дагорд. - Он помог мне связать бывших дружков и принес клятву верности. Надеюсь, его не заперли в камеру?

- Нет, он пока у дознавателя, и тому выдано особое указание, - разворачивая листок, кивнул герцог и углубился в чтение. - Демон! Гадина! Стерва!

Остальные слова господина Змей не решился бы повторить не только в приличном обществе, но даже в казарме для гвардейцев.

- Прости, Змей... - Герцог в ярости с силой стиснул бумажку в комок, но Дагорд пока не

считал, что этот документ пора уничтожить, поэтому перехватил руку господина и аккуратно, но твердо разжал его пальцы.

– Это все вопросы?

– Нет. Я хотел спросить, может, прислать цирюльника? По-моему, необходимость в маскировке уже миновала.

– А я не опоздаю на обед? – засомневался Дагорд, очень желавший послушать, что расскажут женщины. – Может, пока я только умоюсь, а все остальное позже, когда отправлюсь к целителю?

– Хорошо, – почему-то вздохнул Олтерн, – как хочешь. Лакей будет ждать у дверей, ему приказано отвести тебя в столовую.

Змей проследил взглядом, как господин, сразу чуть ссутулясь, пошел прочь, и вздохнул. Определенно у его светлости тоже большие неприятности или разочарования в жизни, но держится он достойно. Вот и ему нужно взять себя в руки и перестать забивать себе голову миленькими травницами. Он вздохнул еще раз и отправился изучать свои покои.

И пока граф бродил из гостиной в роскошную спальню, затем в умывальню, а потом в строго обставленный кабинет, в его душе все крепла уверенность в небольшом обмане герцога, не чувствовал Дагорд себя здесь как дома. Зато висевшие в шкафу вещи, вычищенные и отутюженные, показались знакомыми, и Змей с удовольствием переоделся в штаны с камзолом из темной замши и свежую рубаху.

И наконец, захватив вещи ведьмы, высыпанные в платок, заторопился в столовую, жалея, что не нашел никакого оружия, какое можно было бы повесить на пояс. Пришлось идти безоружным, не таскать же сельский тесак, он для этого великоват, да и не подходит ни к изысканной обстановке замка, ни к его статусу.

В столовой за накрытым столом уже устроились обе женщины, и если травница улыбнулась графу открыто и ободряюще, то лицо Эсты оказалось закрыто густой вуалью, спадавшей с изящной шляпки, и Змей невольно насторожился. Вот эта вуаль явно была ему знакома, как и затянута в простенькое темно-серое платье стройная фигурка, в этом он мог поклясться.

Напротив них сидел мужчина средних лет со знаками дознавателя на плече форменного камзола и с утомленным взглядом мечтающего выпастись человека. Он приветствовал Змея с доброжелательной почтительностью, и тот сообразил, очевидно, это и есть Наерс, которого травница позволила пригласить на ужин.

Граф сел подле него, и в тот же момент в комнату торопливо вошел герцог. Прошел на свое место во главе стола, уселся и, сделав лакеям знак покинуть комнату, взглянул на старшую из женщин.

– Матушка Тмирна, ты ничего не хочешь сказать?

– Приятного аппетита, – спокойно ответила она, наливая себе бульон с петушиными гребешками, – а о делах позже. Хотя, извини, Дагорд. Чтобы ты не мучился сомнениями, хочу представить присутствующих. Это герцог Эфройский, твой господин, а рядом с тобой дознаватель барон Наерс ле Килберо, твой подчиненный. Ну а ты командуешь всеми дознавателями, стражниками и гвардейцами, служащими лично его светлости.

Змей едва не поперхнулся, о таком высоком своем положении он и не догадывался. Считал, будто служит кем-то вроде адъютанта или секретаря.

– А я, – положив на тарелку салат и горку маленьких гренков, продолжила Тмирна, – настоятельница монастыря Святой Тишины и наставница Эсталис, свободной сестры Тишины, подписавшей контракт с его светлостью на выяснение личности преступников, покушающихся на его жизнь. Ну а еще она твоя напарница в последнем расследовании.

Напарница! Понимание, почему она так о нем заботилась и следила, как бы не влип в неприятности, неожиданно отдалось в душе острым разочарованием. Ну да, напарникам и положено делать все, если товарища ранят или оглушат, чтобы доставить его в безопасное место в целости и сохранности.

- Почему она мне не призналась, что напарница? - не выдержав напора бурлившей в душе обиды, хмуро поинтересовался Змей и неохотно положил на тарелку несколько кусочков мяса. Проголодаться он еще не успел.

- Эсталис видела, как ты выпил зелье забвения, - аккуратно черпая суп, прервалась на объяснение Тмирна, - и видела, как прочел ту записку. Кстати, отдашь ее мне вместе с вещами ведьмы. У меня это будет целее всего.

- Но я не знала, что именно там написано, и не знаю до сих пор, чего та гадина могла напихать в зелье. Потому и притворилась случайной спутницей, - мягко объяснила Эста, однако скрывать виноватый тон не захотела.

- Не оправдывайся, - не смолчала Тмирна, забирая платочек с вещичками Зоралды, и встала из-за стола, - ты правильно все сделала. Ей ничего не стоило написать, будто ты его злейший враг или убийца его детей. Хотя...

Она смолкла, копаясь в узелке, потом хмуро глянула на Эсту.

- Ты ведь обыскала ее тело после Змея?!

- Конечно, - не стала скрывать тихоня и принесла на маленький столик, за который села матушка, кошель с находками. - А в чем дело?

- Вот теперь и я могла бы ее убить. - Никогда еще Эста не слышала в голосе наставницы такой ярости. - Она снова обманула вас. Потому и оставила тебя последней, а я все не могла понять, с чего это она так сглупила. И почему держала свою капсулу наготове. Не было у нее пятой капсулы, Эста, потому и поехал Кэнк с отрядом, иначе она взяла бы его с собой, для надежности. Хоть Зоралда и проиграла ту битву, но не сдалась и собиралась увести всех, кого считала хоть сколько-то ценными, чтобы потом шантажировать их жизнями сразу двух герцогов.

- И короля, - тихо вздохнула Эста, уже ранее просчитавшая такую возможность развития событий. Ей не давали покоя те же вопросы, что и матушке.

Глава 17

Все почему-то отвели глаза от Змея, и ему очень не понравилась эта их загадочность. И рассказ про капсулы жутко не понравился, хотя он пока ничего не понял и не помнил.

Но теперь граф был уверен в своем праве спрашивать и приказывать, поэтому требовательно взглянул на настоятельницу и строго произнес:

– А теперь поясните мне подробнее, где и как это происходило.

– Наерс, тебе придется пока держать в тайне все услышанное здесь, – внезапно потребовала у дознавателя напарница графа, и Змей чуть приподнял бровь, отмечая про себя, что девушка далеко не так проста, как казалась ночью на том поле.

– Конечно, госпожа Эсталис.

– Хорошо. Она несколько раз похвасталась преданными людьми, которые остались у нее в замке и дворце, и мне очень не хочется, чтобы они донесли о нашем появлении тут Кэнку. Если, конечно, мы не всех вычистили три дня назад. – Про случившееся в каменной выработке Эста собиралась рассказать Змею сама и потому говорила нарочито строго и деловито, не желая позволять себе излишние сейчас эмоции.

И не сказать лишнего. Трудно не заметить, как тянет к ней Змея, но это влечение было так мало похоже на нежную любовь, светившуюся в его глазах прежде, что в ответ вызывало у тихони только горькую обиду. Разумеется, Эста вовсе не собиралась обвинять в этом Дага, но и считать его сейчас мужем никак не могла. Ныне в его теле жил похожий, но все же другой человек, и от этого было обидно и больно вдвойне, ведь временами они почти сливались в прежнего Змея. И тогда сердце взрывалось нежностью, а руки сами тянулись хотя бы украдкой прикоснуться к любимому. Однако уже через миг выражение серых глаз, глядящих на Эсту, становилось чужим, и она обмирала, словно упала в ледяную полынью.

– Отряды гвардейцев прочесывают все области, куда они могли выйти, и с ханом Торема мы уже договорились. Они усилят посты в крепостях и будут задерживать всех похожих, – устало объяснил Олтерн. – Извини, я перебил.

– Она держала нас без воды и еды с утра, – ровно рассказывала Эста, а Змей отчаянно пытался вспомнить хоть что-то и все сильнее недоумевал, почему его не отправили к целителю сразу по приезде?! Проснулся бы завтра к обеду здоровым и в своей памяти.

– Потом я поняла, для чего Зора так жестоко с нами поступила, мы нужны были ей утомленными и ослабленными. Потому и нечисть она пустила по нашим следам заранее, хотела последние силы вымотать. И, разумеется, неспроста первого она отправила Маста, двух мужчин ей было не одолеть. Обманом отправила, капсула в чашке с зельем была.

А вот это Змею вдруг вспомнилось. Как широкоплечий мужчина глотает из чашечки какое-то питье, и вдруг раздается хруст.

– Потом она отправила Ниди... и постаралась оскорбить ее как можно сильнее, но та держалась мужественно... хотя все время плакала.

А вот это Эста рассказала специально, им с матушкой очень важно было понять, сколько чувств к пепельноволосой королеве осталось в душе Олтерна.

Как выяснилось, достаточно, чтобы заставить его мгновенно осунуться и сжать зубы. А потом сквозь эти сжатые зубы проскрипеть:

– Она ведь могла... за все эти годы... хоть одно письмо отправить.

– Не могла, – категорично отрезала Тмирна, глядя на герцога с состраданием, – как выясняется, у Зоралды было чем держать ее в повиновении, и кроме того, она для верности время от времени поила сестру своим зельем.

– Но Зоралда же... – задумался Змей, припоминая всем известное имя, – герцогиня?!

– Нет. Она давно не герцогиня, сама отказалась от этого титула, оставив вместо себя в поместье служанку, – кротко пояснила ему Тмирна. – Последние годы она была непримиримым врагом Олтерна и той самой ведьмой, которую ты убил.

– Я хочу немедленно отправиться к целителю, – встал из-за стола Дагорд. – Как выясняется, я не помню общеизвестных вещей и не смогу ничего рассказать или сделать, пока не верну свою память.

– Само собой, – с искренним огорчением произнесла Тмирна, – ты имеешь на это право. Сейчас мы вызовем охрану, и тебя проводят.

Змей уже шагнул к двери, но краем глаза заметил, как хмуро кивнула монахине Эста, и обострившаяся интуиция стиснула сердце непонятной тревогой.

– Госпожа настоятельница, – остановившись, холодно уставился на монахиню граф аш Феррез, – если есть какие-то обстоятельства, по которым процедуру возрождения памяти следует отложить, я требую, чтобы вы сообщили мне об этом немедленно.

– К сожалению, есть, – сочувственно вздохнула она, – потому-то мы тут и сидим.

– Какие? – Змей вернулся на место и уставился на монахиню, – рассказывайте. Только сначала ответьте на один вопрос, где моя жена и кто она?

Все присутствующие вдруг разом спрятали взгляды, нашли себе занятие: подлить травяного настоя, подложить кусочек сладкого пирога, Тмирна так вообще вся ушла в изучение полученных трофеев.

– С ней что-то случилось? – встревожился граф. – Почему вы все молчите?

– С ней все в порядке, – обменявшись с воспитанницей несколькими непонятными взглядами и вроде даже жестами, успокаивающе сообщила Тмирна, – но пока ты не вернешь память, на эту тему говорить не стоит. Поверь мне, ничего плохого, ты сам потом все поймешь. Так рассказывать или нет про ночные события? Там немного осталось.

– Ну хорошо, рассказывайте, – нехотя согласился Змей, перебирая в памяти все известные ему причины, по каким он не может немедленно узнать имя жены.

Одновременно начиная подозревать, что он все-таки совершает ошибку, согласившись тут остаться. Однако постарался не подать даже вида, не подобает взрослому мужчине так часто менять решения.

– Когда Ниди ушла, мне казалось, следующей должна быть моя очередь. Зоралда определенно знала, насколько я опасна, и должна была от меня избавиться, – тем же ровным голосом объясняла Эста, и графу казалось, будто на краю его сознания крутится смутное воспоминание о чем-то важном, однако оно никак не давало себя поймать. – Но она велела пить зелье Змею. И начала высказывать, отчего так его ненавидит. Все припомнила: и случай, когда он не пустил ее пятнадцать лет назад в спальню Олтерна, а пустил ее кузину, и то, как втащил герцога на галерею, когда она столкнула. Мне, конечно, было интересно узнать эти причины, но лишь позже я осознала, зачем она его так злила. Она придумала мерзкий план... и очень хотела, чтобы затуманенный зельем Змей забыл про меня и поторопился сломать свою капсулу, едва она ускользнет. И вот это очень важно, ведь если бы они должны были прийти в одно место, вряд ли она стала так рисковать. Ведь человек, выпивший зелье, помнит то, что говорил и делал в последние минуты перед тем, как выключилась его личность, и никто бы не успел ей помочь. Поэтому я уверена, оттуда они уходили в разные места.

– Верно, – одобительно кивнула Тмирна, – я тоже так решила.

– Но Змей выплюнул зелье ведьме в лицо и бросился на нее, как только получил капсулу. И она немного, всего на считанные секунды, не успела сбежать. А в этот момент я все поняла и закрычала Змею: «Ломай!». И схватилась за его плащ. Поэтому нельзя строить прямую от того поля, куда выбросил нас портал, капсулы, ведущие в одном направлении, тащили нас лишь до того места, пока их пути не начали расходиться в разные стороны и стало не хватать магии. Мы с матушкой, пока ехали в карете, попытались просчитать, куда примерно должны были привести эти капсулы, и вот что получилось. Один путь

прошел мимо городов к побережью, в портовый городок Талез. И именно туда очень удачно идет одна из троп контрабандистов, возящих товары из Торема. А вот второй показал на небольшой городок Макрен, под Геркойским хребтом, и как матушка успела выяснить, неподалеку от него всего три или четыре поместья, в которых обособленно живут переселенцы из Дройвии. Сами знаете, чистокровным людям там жить не очень-то нравится.

- Ты хочешь сказать? - бледнея, хрипло спросил Олтерн.

- Я хочу туда пойти, - твердо кивнула Эста, - причем немедленно. Не могу утверждать, но почему-то мне кажется, будто Ниди немного схитрила. Не может быть, чтобы за эти годы она не припрятала где-нибудь немного зелья, каким Зоралда лечила отщепенцев от забвения.

- Ты хочешь идти одна? - насторожился Змей.

- Медлить нельзя, - виновато вздохнула она, - в письме Маста было написано, будто там у него любимая жена и ребенок, и если у Ниди все же есть зелье и она выпьет сама и даст ему, то они почти сутки будут беспомощнее котят. А за это время туда может из Талеа прийти порталом Кэнк с отрядом. И вообще может возникнуть любая ситуация, и я за них волнуюсь.

- Может, лучше послать туда отряд? Или лучше по отряду в каждое поместье, - нахмурившись, рассматривал тихоню Олтерн.

- А если там есть преданные Зоралде люди? Или просто запуганные?! Ведь никто же не знает о ее смерти! А мы не можем и предположить, какие указания ведьма оставила им на такой случай. А вот мое появление никого не насторожит, она не имела обыкновения делиться своими планами и никто не знал, какое наказание она изобрела для меня. Матушка сейчас отправит записку Змею одному человеку, он подберет бумагу и почерк и пришлет для меня письмо, достаточно будет его показать - и люди ведьмы поверят. А потерявшую память я сыграю легко, - твердо объявила Эста, давая понять, что решение уже приняла. - Но если можно будет прийти отрядом, то сразу пришлю вам вызов.

- А если нет?

- Усыплю всех или посмотрю по обстоятельствам, - пожала плечами тихоня.

- Я иду с тобой, - категорично заявил Змей. - И нечего было морочить мне голову выбором. Достаточно было сказать о людях, которых нужно срочно спасать.

- Просто тебе будет труднее в таком состоянии узнать тех, кого нужно спасать, а кто враг, и придется хорошенько подготовиться, а ты устал, - сочувственно пояснила настоятельница.

- Эста тоже устала, - отмахнулся он, - давайте, объясняйте, на кого они похожи.

- Ну раз ты решил, смотри. Вот это госпожа Ниди, - и не подумав спорить, Тмирна достала из принесенной с собой шкатулки небольшой, написанный маслом портрет и скромный набросок углем. - А вот - Маст. Художник у нас не очень стоящий, но Эста подправила. А сейчас договоритесь об условных жестах и идите переодеваться, придется идти в том, в чем вы ушли из каменоломни. Но потайные карманы девочки мы уже пополнили.

Маст пошатнулся от порыва сильного ветра и заторопился под навес, здесь хлестал проливной дождь. Несколько минут стоял, рассматривая довольно скромную порталную башню - из тех, какие строят в богатых домах или отдаленных поместьях. И пытался вспомнить, а как выглядит его жена и почему он так давно сюда не возвращался. И еще, почему не принес гостинцев сыну... или у него дочь?

- Ой, - воскликнул рядом женский голос, и худенькая женская фигурка, прикрыв голову рукой, бросилась в укрытие.

- Дорогая? - неуверенно спросил мужчина. - Ты меня узнаешь?

- Узнаю, - печально сказала она, - запомни, серебряный флакон с чернью, я должна найти его в тайнике и выпить, у меня начинается приступ.

- Запомню, - обрадовался он, бережно обнял ее за плечи и, распахнув расшатанную дверь, повел по тускло освещенной одиноким масляным фонарем лестнице вниз, в тепло совершенно незнакомого дома, который почему-то считал своим.

Масту казалось это странным и немного тревожным, но его спутница очень спешила. Рвалась вперед сама, тащила его и упрямо бормотала что-то себе под нос.

Маст разобрал только несколько слов, произнесенных словно в бреду: дверь с розами, дверь с розами... шкафчик в изголовье... в изголовье... запить вином, вином... И снова - дверь с розами, шкафчик в изголовье...

Похоже, у жены серьезная болезнь, начал понимать он, наверное, потому-то так редко он с ней и встречается. Но если так, то с кем тогда ребенок?

Надежда на ответ возникла перед ним в виде женщины, одетой в выцветший стеганный атласный халат и ночной чепец. Дама молча стояла со свечой в руке на лестничной площадке, и Маст рассмотрел на ее помятом лице смешанное с ненавистью отвращение, тотчас отбившее у мужчины всякое желание задавать незнакомке какие-либо вопросы. А вот его жена, пробегая мимо злой женщины, мрачно пообещала всех убить, если разбудят.

В ответ на эту угрозу вслед им донеслось тихое, похожее на змеиное, шипение, в котором мужчине послышалось грязное ругательство, подобающее скорее матросу, чем такой благородной на вид даме. Похоже, в их доме вовсе не царят мир и покой, разочарованно сообразил Маст и решил заняться этим вопросом всерьез. Ведь у них ребенок, а дети в таких условиях вырастают нервные и мстительные.

Маст невольно задумался, а не пора ли задать жене несколько вопросов о ребенке. Интересно же, кто у них все-таки, девочка или мальчик и сколько ему лет. Хотя, судя по тому, что у него не возникает в памяти никаких образов и эмоций, дите скорее всего недавно родилось. И тогда понятно, почему он давно тут не был, многие знатные женщины, забеременев, ведут уединенную жизнь в дальних поместьях, не считая нужным пугать мужа своим видом и настроением. Хотя у Маста на этот случай совершенно противоположное мнение, и зря он не настоял на своем.

- Сюда, - распахнула женщина давно не отремонтированную дверь, украшенную облезлым изображением венка из стилизованных роз, и бросилась к широкой кровати, стоящей в глубине неосвещенной комнаты.

Маст постоял секунду перед дверью, потом решительно снял со стены освещавший коридор фонарь и вошел следом за ней, заперев за собой дверь на засов. Все-таки это супружеская спальня. К тому же он и сам чувствует себя невероятно уставшим, поэтому полностью согласен с женой насчет приказа не будить. Хотя вовсе не собирается никого убивать сам и ей не позволит.

- Сейчас, сейчас, - бормотала женщина как сумасшедшая, отпирая спрятанный за одной из картин тайник, - да где же?

- Серебряный флакон с чернью, ты должна выпить зелье, - честно напомнил Маст, следя за ее лихорадочными движениями.

- И ты, - непрерываемо бросила она, метнувшись к столу с флаконом, и бдительно оглядела его, поворачивая во все стороны, - вина наливай, два бокала, да полнее... и не спрашивай, умоляю...

Однако зелье капнула сначала не в кубки, которые Маст, невесело пожав плечами, поставил перед ней на стол. Первые капли упали на какую-то бумажку, женщина понаблюдала, как она меняет цвет, и только после этого, облегченно выдохнув, налила в вино по десятку капель.

- Пей до дна и сразу ложись в постель, поговорим утром.

И жадно, как едва ступивший на берег матрос, прильнула к кубку.

– Как скажешь, дорогая, – вздохнул Маст и решительно последовал ее примеру, отложив все объяснения на потом.

Ведь неизвестно еще, какой именно болезни у нее приступ и как рекомендовал пить это зелье лекарь. Определенно не вместе с мужем... хотя бывают иногда и такие снадобья.

Однако едва Маст дошел до кровати и, сбросив верхнюю одежду, упал в подушки, как ощутил острую боль, волной поднимающуюся от затылка, заливающую темя и пульсирующую в висках. А всего через минуту рядом застонала жена, и мир, закрутившись, рухнул в черную пропасть.

Стук в дверь бил по голове тяжелой дубиной, отзывался тошнотой в желудке. Рядом застонала женщина, шевельнулось одеяло.

– Предупреждала ведь, убью...

Арвельд, открыв глаза, взгляделся в соседку по постели, начиная постепенно осознавать, насколько хорошо ее знает.

Скрипнув зубами, герцог приподнялся на подушке и взглянул за окно. Интересно, какое сейчас время суток? Однако за окном тоскливо серел дождливый осенний день, и понять это было невозможно.

В дверь снова постучали, не так громко, как ему казалось ранее, но неотступно, как дознаватель.

– Убью, – пробормотала женщина, пытаясь подняться, но герцог осторожно прижал ее к подушке.

– Лежи, Ниди, сам встану.

– Только не забудь... – облизнув пересохшие губы, прошептала она, – мы ничего не помним, и ты мой муж.

– Сообразил, не дурак, – так же тихо шепнул он и поплелся к двери, растирая по пути занемевшую шею. – Ну, кому с утра неймется?

За распахнутой дверью стояла немолодая женщина, настолько похожая на Леонидию, что у герцога и на миг не возникло сомнения, кого он видит перед собой. Бесспорно свою «тещу».

– Мне нужно поговорить с Леонидией, – высокомерно заявила дама, словно не замечая ни того, насколько раздет стоящий перед ней незнакомый мужчина, ни того, как бездвижно лежит на постели ее дочь.

– Дом горит? – начиная звереть, очень тихо и ласково поинтересовался Арвельд.

– Нет, но это...

– Тсс! – прижав палец к губам, почти шепотом сообщил он, – приходите, когда загорится дом или на нас пойдет лавина, я с вами поговорю. А пока сбегайте на кухню и принесите горячего отвара, кислого молока, булочек и сироп шиповника. Если нет, можно чернику с медом.

– Что?! – оскорбленно задрала она нос.

– Вы не поняли? Завтрак – и побыстрее, иначе я начну сердиться, – прошипел герцог с неподдельной яростью, и молнии, сверкнувшие в его ставших серыми, как небо за окном, глазах, оказались доходчивее прочих доводов.

– Зря ты с ней так, – пробормотала Леонидия, наблюдая из-под полуприкрытых век, как Арвельд жадно глотает воду, налитую из кувшина для умывания.

Потом, небрежно ополоснув кубок, герцог налил воды и для нее и принес к постели. Помог поднять голову, напоил и принялся снимать с бывшей госпожи сапожки, которые у нее самой с вечера не хватило сил расшнуровать.

– Помочь тебе раздеться? – спросил он спустя минуту, изучая содержимое шкафа и облачаясь в давно не новый бархатный халат.

– Помоги дойти до вон той двери, – прошептала она, – или нет... сходи сначала сам и налей мне в лохань воды. Сейчас уже обед... в это время вода теплая.

А через четверть часа, когда Арвельд почти на руках отнес ее в умывальню, обвила руками его шею и еле слышно шепнула, что в спальне нельзя разговаривать откровенно.

– Понял уже, дорогая, – хмуро кивнул он, опуская ее на лавку, и прикрыл дверь. – Как ты думаешь, куда она отправила Змея и Эсту?

– Вряд ли вместе, хотя, вполне возможно, позже приведет их сюда, – печально прошептала Леонидия лжемужу. – А здесь она разрешает из милости жить моей родне, причем все время старательно доказывая им, будто это по моей вине все терпят такую нищету. А на самом деле это она нас разорила... тсс, кто-то вошел.

– Купайся, дорогая, – громко сказал Арвельд и чуть поморщился от полыхнувшей в темени боли. – Как нужно будет тебя забрать, постучи ковшиком.

– Тут есть звонок, ты, наверное, забыл, – усмехнулась Леонидия.

– Не забыл. – Герцог вышел из умывальни и посмотрел на служанку, ставившую на стол поднос с едой. – Надеюсь, отвар горячий?

– Надейтесь, – дерзко фыркнула крепкотелая девица и, махнув юбками, развернулась к двери.

А в следующую секунду испуганно таращила глаза и попискивала, глядя во взбешенные глаза мужчины, ловко поймавшего ее за фартук и подтаскивающего к себе.

– Чего ты сказала? – грозно нависнув над нахалкой, процедил Арвельд. – Захотела оказаться на улице без расчета и рекомендаций? Так иди!

– А вы тут не командуйте... – с каждым произнесенным звуком голос девицы становился все тише и неувереннее. – Вот госпожа Зора приедет, я пожалуюсь.

– Некому будет жаловаться, – недобро ухмыльнулся Арвельд, точно знавший, вот так нагло могут вести себя лишь согладотай, точно знающие, кто тут истинный хозяин. – Так как тебе пора читать последнюю молитву.

Сжав одной рукой ворот платья служанки, герцог начал накручивать его на кулак, неумолимо стискивая ее горло, а второй отбивался от пытающихся его оцарапать коготков. И бдительно наблюдая за своей жертвой, душил ее до тех пор, пока одна из рук шпионки не нырнула куда-то в складки юбки и не выхватила кинжал. Арви, искренне надеявшийся именно на такой поворот, мгновенно перехватил ее руку, вывернул назад и легко отобрал оружие. Судя по сноровке, специально ничему из тех умений, какими владела его сестра, эту осведомительницу никто не учил.

– А вот теперь ты отправишься к дознавателю, за попытку убийства своего господина, – зловеще пообещал герцог схватившейся за горло девице и, ловко проведя ладонью по ее бедру, нащупал привязанные к пояску простой лентой и спрятанные в глубоком кармане ножны.

Через минуту они висели на его собственном поясе, а девица была бесцеремонно вытолкана за дверь с приказанием больше никогда сюда не являться.

Глава 18

Похоже, он поторопился выгонять шпионку, пришла в голову Арвельда запоздалая мысль, когда он разглядывал принесенные служанкой тарелки и кувшины. Демон, зло выругался про себя герцог, ну вот почему он сразу не подумал, что девица могла получить приказ подсыпать им в еду и питье какое-нибудь зелье?! В этом месте нужно быть настороже и сначала непременно испытывать все на шпионке. Хотя ее никогда не поздно позвать еще раз.

С этой мыслью Арвельд шагнул к двери, открыл ее и остолбенел, обнаружив худенького мальчишку лет тринадцати на вид, сидящего на широком поцарапанном подоконнике напротив спальни. Но не его бледное личико и не коротковатые рукава поношенной курточки потрясли Арвельда до потери дара речи, а светло-серые глаза, смотревшие с таким знакомым, строгим и чуть презрительным выражением.

Через несколько мгновений герцог опомнился и постарался взять себя в руки, какие бы чувства – злость, гнев, сожаление и ненависть – ни бушевали в его груди, к этому мальчишке они не имели никакого отношения.

– Завтракать с нами будешь? – дружески улыбнувшись парнишке, спросил Арвельд и всю ширь распахнул перед ним дверь. – Заходи. Твоя мать умывается.

– А ты мой новый отец?! – печально спросил мальчишка, и горло бывшего воина стиснул такой гнев, какой он нечасто испытывал даже в те суровые времена, когда, считая себя простым воином, ловил уводивших обозы и мирных селян бандитов.

– Знаешь, мне кажется, ты уже достаточно взрослый, чтобы начинать разбираться в людях и в жизни. И понимать, бывают обстоятельства, когда лучше не задавать вопросов, все равно не получишь правильных ответов, – сказал он мальчишке, открыто глядя в глаза, как равному по возрасту.

В конце концов, Геверт именно в этом возрасте остался в замке один и сумел не только выжить, но и вырасти благородным человеком.

– Да я давно разбираюсь, – со знакомой снисходительностью усмехнулся мальчишка и прошел в комнату.

Постоял у стола, взял горчицу и направился к стене. Зачерпнул едкого зелья и ловко, как будто не первый раз, плюхнул в левый глаз изображенного на портрете важного господина. За стеной послышался стук и сдавленная ругань.

– А вот озорничать не нужно, – весело подмигнул ему Арвельд, – лучше подскажи, как вызвать служанку? Хочу предложить ей попробовать еду, вдруг пересолила?!

– Пока тетя Зора не пришла, они ничего не пересолят, – понимающе объяснил мальчишка и, испытующе глянув на гостя, спросил: – А как тебя зовут?

Герцог всего несколько секунд смотрел в эти ожидающие глаза, потом учтиво склонил голову и с достоинством произнес:

– Позвольте представиться, Арвельд, урожденный герцог Адерский.

– Ух ты, – протянул парнишка, но по его разочарованным глазам Арви видел, что тот не поверил такому высокому титулу одетого в потертый халат гостя, – а я Тэлрод. Но все зовут просто Род.

– Ну а я буду звать тебя – Тэл, – серьезно сообщил герцог, прибавляя к причине, по которой он желал убить бывшую герцогиню, еще один веский довод.

По правилам этикета знатым людям даже родственники не имеют права сокращать первые буквы имени. Брать коротким прозвищем вторую половину имени – удел простых жителей.

– Мама меня тоже так зовет, – тихо вздохнул мальчишка, опасливо оглянулся на

умывальню и снова добавил, – когда Зоры нет.

– Мне уже очень хочется поближе познакомиться с этой замечательной дамой, – злобно усмехнулся герцог, начинавший подозревать, сколько подлых интриг завязала ведьма одним росчерком пера, написав для него приказ отныне называться лишь собственным именем.

Ведь если бы он искренне считал Леонидию своей женой, а этого несчастного мальчишку – сыном, Олтерну пришлось бы снова осаждать Адер, так как Арвельд никому бы не поверил и никогда бы не сдался без боя.

– Добрый день, солнышко. – Леонидия вышла из умывальни в темном атласном халате, не менее древнем, чем одеяние Арвельда, и сразу кинулась к сыну.

Нежно обхватила худенькие плечики, прижала к себе мальчишку, и по ее щекам покатались беззвучные слезы.

– Матушка... ну все, ну в порядке я... – Он явно стеснялся проявлять свои чувства перед едва знакомым человеком, но вырваться из материнских объятий и не пытался.

Арвельд решительно встал с места, шагнул к злосчастному портрету и одним рывком сорвал его со стены. Потом так же решительно оторвал кусок от ветхой шторы, скрутил тугим комком и накрепко вбил в дыру величиной с кулак.

– Ты ведешь себя неосмотрительно, – еле слышно шепнула Леонидия, придвигая свой стул к стулу сына.

– Имею право, – усмехнулся Арви, – за четырнадцать лет я настолько отвык от собственного титула и имени, что испытываю настоятельную потребность прочувствовать их силу во всей полноте.

– Титула? – насторожилась бывшая королева. – Не может быть!

– Как раз может, Леона, – кивнул герцог и мстительно усмехнулся. – А теперь меня ничто не остановит. Мы уезжаем... на прогулку. У тебя ведь найдется оружие? Один кинжал я уже добыл.

– Арвельд... это может очень плохо кончиться. – В ее глазах еще плескалась тревога и неуверенность, но в уме Леонидия уже просчитывала, какие вещи им необходимо взять с собой и в какую сторону лучше отправиться, чтобы сбить со следа возможную погоню.

– Именно, – твердо кивнул он, – и я точно знаю, сколько лучших дознавателей и ищеек не будут спать в эту ночь. Не говоря о сестрах Тишины и их матушке. За Эсту она разнесет все горы. Поэтому не спорь, ешь хорошенько и будем собираться. Тэлрода нужно одеть потеплее. И еще бы снадобья... голова болит.

– Сколько раз за эти годы я мечтала, – горько усмехнулась она, – как кто-нибудь придет и скажет, что можно отсюда уйти.

– Не волнуйся, – свирепо фыркнул Арви, – он придет и скажет, этот кто-нибудь. И не только это. Но сначала, уж извини, я просто обязан влить ему хорошую оплеуху... за дурость.

– Вы пугаете меня, ваша светлость, – сквозь слезы невесело усмехнулась она. – Боюсь, после этой оплеухи у меня снова не будет надежного друга.

– Посмотрим. Ты поела? Пора уходить.

Собирались они быстро и сосредоточенно, за четырнадцать лет оба поднаторели в этом искусстве в совершенстве.

Тэлрода мать никуда не отпустила, заявив, что у нее и тут найдется для него все необходимое. Но сначала она отыскала в одном из своих тайников обезболивающее зелье и честно разделила его пополам с герцогом.

В другом тайнике нашлось немного денег, еще в одном – длинный мужской кинжал.

Арвельд немедленно повесил его себе на пояс, отдав Леонидии взамен кинжал шпионки, и принялся упаковывать одеяло и теплые вещи, найденные в шкафу. Возможно, ночь придется провести где-нибудь в укрытии и лучше потратить сейчас несколько лишних минут.

Тяжелая, гнетущая боль тем временем отступила, и герцог невольно вздохнул с облегчением: рассуждать, да и двигаться сразу стало намного легче.

– Вино возьмете? – Одетый в один из мужских костюмов Леонидии подросток стоял рядом с кувшином, глядя, как мать ловко заворачивает остатки завтрака и укладывает в дорожный мешок.

– Разумеется, нет, – усмехнувшись, отказался герцог и вдруг подозрительно уставился на спутницу. – Мне хочется задать один вопрос...

– Не сейчас, – привычно стрельнула она взглядом в сторону оконца соглядатаев.

Занавеска медленно, но упорно утягивалась внутрь дыры.

– Само собой. – Арвельд подхватил мешок и шагнул к двери, но внезапно оглянулся. – А лошади у вас есть?

– Всего две, – хмуро вздохнула она. – Но кучер не даст. Зора потом его убьет.

– Даст, куда не денется, – уверенно пообещал Арвельд. – Куда идти?

Во время сборов Леонидия успела сообщить герцогу все известные ей сведения о постоянной охране. Зоралда держала тут всего лишь давешнюю «служанку» и ее напарника, и Арвельд приготовился пройти мимо них, не считаясь ни с чем. Однако судьба подбросила неожиданный сюрприз. Добрый, как ни странно.

Здоровенного мужчину, устроившегося с мрачным лицом на том самом подоконнике, где еще недавно сидел Тэл, герцог отлично знал. И просто не мог пройти мимо или внезапно ударить так, как собирался минуту назад.

– Привет, Харст, – назвал Арвельд бывшего старшего конюха замка Адер его настоящим именем, и мужчина дернулся, как от удара.

Даже отпустил на миг полу куртки, и герцог заметил блеск огромного колуна, который охранник держал наготове.

– Я тебя не знаю, – мигом охрипший голос выдал волнение преданного слуги, четырнадцать лет назад до последнего отбивавшегося от ворвавшихся во двор замка гвардейцев сорванной с петель дверью.

– Зато я хорошо знал твоего отца, Мишета, верно служившего моим предкам, и твоего деда, когда-то пришедшего в замок Адер с трехпудовой наковальней за плечами. Он похоронен на холме возле Адервилля, а на его надгробии стоит та самая наковальня. Талантливый был кузнец и такой же верный слуга, как твой отец и ты сам. Я хорошо помню слова, какие ты сказал в тот день, когда у тебя отобрали дверь от караулки и шестеро гвардейцев держали цепями, пока лекарь пытался влить в твое горло сонное зелье.

– Какие?! – Бывший слуга уже почти узнал голос и почти поверил, но все еще не мог понять, почему никак не узнает лицо.

– Ты кричал, если мы когда-нибудь встретимся и ты не сразу сможешь меня узнать, то нужно назвать тебе всего одно имя, и тогда ты согласишься, Харст. Так вот, я не буду его тут пачкать, но мы оба знаем, что это имя моей матушки.

– Ваша светлость! – отшвыривая топор, ринулся к Арви конюх и замер в недоумении. – Но откуда вы тут?!

– Матушки уже нет, – горько выдавил Арвельд сквозь стиснутые зубы, – но жива Лэни, и она попала в лапы Зоры. Я пытался ее вытащить, но, как видишь, тоже влип. А сейчас нужно срочно уходить отсюда, Харст, сюда может прийти Кэнк с отрядом. Нам нужно

только добраться до места, где мы сможем купить капсулу и уйти куда-нибудь подальше отсюда. Объявлена всеобщая амнистия, мятежникам возвращают память и прятаться больше не надо. Геверт уже привез домой отца и сейчас ждет нас, он уже совсем взрослый. Харст, ты его и не узнаешь. И твоя конюшня тебя ждет – слово герцога Адерского.

– Но тут всего две лошади, – расстроился конюх.

– Ну так нам ведь не так далеко и добираться, – пожал плечами герцог. – У тебя есть ценные вещи, какие ты хотел бы отсюда забрать?

– Нет, – подумав, решительно помотал головой Харст, – ничего.

– Тогда веди.

Дом казался вымершим, однако в маленькой гостиной первого этажа, мимо которой проходили беглецы, были настежь распахнуты двери, и за ними виднелись сидевшие в креслах женские фигуры.

– Ниди! – рассмотрев проходящих, метнулась к дверям одна из обитательниц поместья. – Ты куда это собралась? Зора...

Договорить ей не дал яростный рык герцога.

– Каждая из вас, кто помогал подлой ведьме травить госпожу Леонидию, сделает очень благоразумно, если немедленно отправится в монастырь кающихся грешников. Только это вам и зачтется.

И, резко повернувшись, Арвельд твердым уверенным шагом направился догонять спутников.

– Это кто такой был? – лишь через пару минут смогла спросить родственниц женщина, повернув к ним покрытое красными пятнами лицо.

– Очередной ее любовничек, разве не видишь, – зло фыркнула сидевшая в глубине комнаты долговязая дама, смутно похожая на Леонидию, но напрочь лишенная ее привлекательности, словно неудавшийся набросок. – Совсем обнаглели, бандиты. А ведь мы просили вас, маменька, приструните ее, пусть сидит дома и сама воспитывает своего бастарда. Вот видите, к чему приводит ваша мягкотелость! Она нам уже всем на голову села. А уж что теперь скажет герцогиня Зоралда, я и подумать не могу.

– А в Макрене говорят, – робко произнесла немолодая женщина с простоватым лицом, – будто Зоралда давно не герцогиня. И герцог Олтерн держит ее под домашним арестом в поместье.

– Ну хоть ты глупостей не повторяй, Фрая! – раздраженно одернула женщину мать Леонидии, – мы же видим, в каких нарядах и драгоценностях она сюда приходит! И, между прочим, оплачивает наши счета и слуг тоже она. Кстати, никто не проверил, куда это они отправились? И ребенка с собой потащили.

Со стороны двора раздался громкий женский крик, перемежающийся проклятьями и рыданиями, и собеседницы, вскочив с мест, гурьбой бросились на крыльцо.

И столкнулись с разъяренной и расстроенной служанкой, злым ураганом летевшей им навстречу.

– Уехал! – яростно выкрикнула она в ответ на вопросы дам. – Лошадей сам оседлал, сел и уехал! Вместе с ними!

– А Род?

– И выроodka вашего увез! Перед собой посадил! А меня не взял, сказал, не нужна ему девка, которая со всеми воинами кувыркалась! – злобно кричала служанка, размазывая грязные слезы. – И слушать не стал, что мне это ведьма велела! Еще и зелья наливала...

гадина проклятая! Все, ухожу, сидите сами в своем болоте, авось хоть кашу себе варить научитесь!

И помчалась собирать вещи.

Глава 19

Чем дальше удалялись всадники от проклятого поместья, тем увереннее держалась Леонидия и легче становилось на душе у Арвельда. Похоже, им наконец-то улыбнулась удача, обходившая его стороной последние дни. Да и все последние четырнадцать лет, если вдуматься.

И главным подарком судьбы оказался для беглецов Харст. Он отлично изучил за эти годы все местные тропы и дороги и легко выбрал по просьбе господина такую, какая наверняка была не известна ни Зоралде, ни Кэнку. Часа через два он уверенно свернул с узкой тропы на выбитую телегами колею, и путники увидели перед собой небольшую деревушку, всего домиков шесть, окруженную убранными на зиму виноградниками.

– Тут местечко от северных ветров закрытое, вот и растет виноград почти как на юге, – объяснил Харст и опасливо осведомился: – А дома сейчас много лошадей?

– Не очень, – вздохнул Арвельд, – всего с десятков. Ну и в столичном доме пятерка. Но теперь Олтерн отдал Геверту наши пастбища, и я собираюсь возродить былые табуны и стада. И обязательно устрою ферму для шаргов, это очень выгодное дело.

– А госпожа Ниди... – Конюх глянул на нахмурившуюся женщину и смешался. – Простите, я забылся.

– Харст, – помолчав, веско сообщил Арвельд, – у госпожи Леонидии есть свой герцог, и он мой друг с недавнего времени. Я пока не знаю, как они разрешат свои старинные разногласия, но, думаю, о том, что ее заставляли жить и поступать как госпожу Ниди, лучше забыть всем, и мне в том числе.

– Простите, ваша светлость, – неожиданно подал голос упорно молчавший все это время Тэлрод. – Я вам сразу не поверил.

– Но мы же с тобой договорились? – открыто улыбнулся ему Арвельд. – И давайте решим: будем заезжать в эту деревню, чтобы пообедать, или отправимся дальше?!

– Я предлагаю наскоро перекусить где-нибудь в укромном месте, – сразу заявила Леонидия, – и ехать дальше. Извини, Арвельд, но пока мы не окажемся в безопасном месте, лучше объезжать деревни и поселки стороной. Кстати, ты уже придумал, куда будем покупать капсулы?

– В Адервилль, – твердо заявил герцог, – всем нужно хоть несколько часов отдохнуть и привести себя в порядок. К тому же в Адере надежная охрана, и командует ею преданный мне человек, мой бывший телохранитель, поэтому там доподлинно не может быть шпионов Зоры. А Олтерну письмо с отчетом я отправлю сразу, как доберусь до башни.

– Хорошо, – подумав всего минуту, согласилась она, – тебе виднее, поступай как хочешь.

Привал занял всего полчаса, и то благодаря мешку конюха, в котором вместе с овсом для лошадей обнаружился сверток с еще теплым рыбным пирогом и с десятков яблок.

– Неплохо тебя кормили, как я посмотрю, – уминая пирог, ухмылялся Арвельд и, припоминая скандал, устроенный кухаркой, когда они отъезжали, спросил, – не пожалеешь, что не взял девушку?

– Недобрая она и завистливая, да и нельзя мне домой никого брать. Жена у меня в Адервилле, ждать обещала, – хмуро признался Харст. – Ну, пора ехать, господин, иначе в Макрен к ночи не доберемся. А там за час до полуночи ворота закрывают, придется в сельской харчевне до рассвета сидеть.

– Лишь бы лошади выдержали, нелегко им приходится.

– Лошадей скоро сменим, – уверенно пообещал Харст, – у меня друг служит конюхом на постоялом дворе в Вишняках. Мы туда как раз до заката потихоньку доберемся.

Однако лошади до Вишняков не дошли. Сначала начали заплетаться ноги у одной, потом заупрямилась и вторая.

– Старые они, – чуть не плакал великан, – и еще хозяйки на корме сэкономили, хотя Зора и без того в обрез денег на сено оставляла. Она вообще всех полуголодом держала... простите, госпожа Леонидия, я человек простой, и то постепенно понимать стал, с какой целью она так делала.

– Не извиняйся, Харст, – устало качнула головой госпожа, – и забудь о них обо всех. Ты домой возвращаешься.

Она хотела сказать еще что-то, но смолкла, обняла за плечи сына и зашагала дальше.

– Оставь лошадей здесь, Харст, – приказал герцог, – отдай овес, а я помогу расседлать. Может, отдохнут да и встанут, из Вишняков я кого-нибудь пришлю, пусть заберут.

– Тогда пойдем напрямик, через овраг, – решил через некоторое время кучер, – я тропку знаю. Так намного короче, но лошади там бы нас не вывели, пришлось бы в поводу вести, потому мы и ехали по дороге.

– Веди как хочешь, – устало согласился Арви, ощущавший себя так, словно едва встал после тяжелой болезни.

Припоминая, как в прошлый раз, когда Зоралда снимала с него действие заклинания потери памяти, тоже лежал больше суток пластом.

Последние лиги до Вишняков беглецы проделали уже в полной темноте, и Леонидия почти висела к этому моменту на локте у кучера, но никто не услышал и слова жалобы от мужественной женщины.

– Знаешь, Леона, – пробормотал герцог, когда они, завидев неяркие огни большой деревни, присели на несколько минут передохнуть на сухом поваленном дереве, – можешь сколько угодно обижаться, но я сегодня не стану писать Олтерну о том, что мы сбежали вместе. Напишу утром, когда ты станешь похожа на человека.

– Спасибо, ваша светлость, – измученно улыбнулась Леонидия, – такого чистосердечного комплимента мне еще никогда не говорили. Ну, идем?! А то я засну прямо здесь.

Хотя, возможно, и зря он боится написать Олтерну сразу, печально подумала про себя несостоявшаяся королева, показывала ей Зоралда портреты знатных девиц, которые были у герцога в эти годы фаворитками. Холеные, красивые, в шикарных платьях и драгоценностях от лучших ювелиров. А она после похода по горам и проклятого зелья на старуху похожа, видела днем в зеркале. Сама испугалась. И Олтерн непременно испугается, можно даже не сомневаться. И несмотря на намеки Арвельда, не стоит ей надеяться, будто в сердце любимого ни с того, ни с сего проснутся старые чувства.

Но во сто крат хуже, если он сочтет себя обязанным ей из-за Тэлрода. Вот этого она не вынесет.

– Господин, – неуверенно окликнул Арвельда кучер, когда они вошли в деревеньку, – я тут вспомнил, ведь хозяин постоялого двора извоз держит. У него всегда повозка наготове, можно нанять. А еще у него большая пирамидка есть, и капсулами он приторговывает, приятель мой говорил. У вас денег хватит?

– Всего у нас хватит, – повеселел герцог, – веди!

Они вяло топали за Харстом, несущим Тэла на руках, когда из переулка навстречу вывернули всадники.

– В сторону! – так злобно шикнула Леонидия, что мужчины невольно сначала отпрянули к самому плетню и только потом поняли, зачем так поступили.

Во главе небольшого отряда, ведущего с собой груженных поклажей коней, ехал Кэнк, и, наверное, удача еще держала над беглецами свое крыло, раз он совершенно не обратил на них внимания.

- Демон, - выдохнул Арвельд, - они все-таки сюда добрались. Где этот постоянный двор? Похоже, нужно писать письма. Леона, как ты их заметила?

- Зелье ночного глаза. Извини, тебе не предложила, там было очень мало. Сам понимаешь, мне она ничего такого не давала, приходилось доставать с большим трудом.

- А Змея и Эсты среди них не разглядела?

- Не было их там. Только те охранники, которые были в каменоломне. Видимо, они сумели добраться до башни.

- Как раз есть капсула на четверых до столицы, - обрадовался хозяин постоянного двора, убедившись в наличии у странной компании, которую привел кучер из предгорного поместья, монет для оплаты его услуг, - не сомневайтесь, маг из почтовой гильдии мне большую пирамидку поставил. Мигом будете в столице, можете надавать мне по шее, если не дотянет до башни.

- Не волнуйся, надаем, - отсчитывая золотые, жестко глянул Арвельд. - Где она у тебя?

Пирамидка, как и требовали правила, стояла в отдельной комнатухе, и герцог приказал всем ухватиться за него и придерживать друг друга.

И лишь оказавшись на ярко освещенной площадке столичной порталной башни и услышав голос дежурного мага: «Третий сектор, четверо господ, освободите место», - до конца поверил, что побег им удался.

- Герцог Арвельд Адерский, - пройдя к стоящему на возвышении столу, за которым удобно устроился маг в черной мантии, представился Арви, - переход на четверых в Адервилль, за счет герцогства.

Маг спокойно протянул магическую плитку, и герцог приложил к ней руку.

- Пройдите на вторую площадку, - вежливо кивнул маг, когда на краю пластинки засветился синий камень, даже не подозревая, какая буря вспыхнула в этот момент в груди бывшего заключенного.

Арвельд мог бы собрать все золото и оплатить переход наличными, но специально пошел на эту процедуру, желая доказать всем и в первую очередь самому себе, что он больше не рядовой воин Маст с изуродованным лицом и чужой судьбой, а прежний герцог Адерский. И неважно, что герцогством правит теперь Геверт, меньше всего Арви сейчас хочется вникать в дела и тяжбы. Он мечтает закупить молодых коней и вывести весной на пастбища, посидеть вечером на крыльце, глядя на рассыпавшиеся почти у ног крупные звезды, пройти по цветущим лугам, испить хрустальной горной воды.

Посреди огороженной отправной площадки был очерчен небольшой круг, и едва они встали в него тесной кучкой, маг сообщил: «Отправляю», и яркий свет столичной башни сменился одиноким фонарем, освещающим площадку в Адервилле.

Пока Арвельд покупал пеналы и отправлял отчет матушке Тмирне, посыльный сбегал к командиру охраны и вернулся в коляске, которой правил недовольный и заспанный стражник.

- Слазь, - решительно скомандовал ему Харст, перехватывая поводья, - сам повезу. И пригону утром сам, не переживай.

Однако стражник сдался не сразу, некоторое время спорил, рассказывая, какие кары на него обрушатся, если с лошадаками стряется беда. Дорога в замок непростая, он и сам ехать боится, тем более там каких-то бандитов на днях ловили, и камни на дорогу злодеи обрушили. И лишь когда Арвельд, уже усадивший в коляску Леонидию с ребенком, свирепо пообещал кучеру, какие кары обрушатся на него прямо сейчас, если он

немедленно не уступит место Харсту, упрямец слез со своего сиденья. И тут же сообщил, что неплохо бы дать животным зелье ночного глаза.

– Только оно не бесплатное, господин, сам у алхимика покупаю за деньги... а дорога там и правда трудная, без зелья ехать опасно.

– Так ты, скотина, – обозлился герцог, сообразив, из-за чего их задержали, – специально время тянул, чтобы вытащить из меня пару монет?! И знаешь, что я с тобой сейчас делать буду? Отправлю порталом в такую даль, откуда у тебя на обратную дорогу никогда денег не хватит. А пока топаешь пешком, будет время раз сто осознать свое поведение!

– Простите его, ваша светлость, лучше помогите мне добраться до вашей коляски, – устало сообщил женский голос, и Арвельд, стремительно обернувшись, обнаружил стоявшую на ступенях порталной башни настоятельницу. – Это Геверт по просьбе Олтерна заранее прислал командиру стражи приказ. Сообщать обо всех подозрительных личностях, кто придет порталом в Адервилль и вознамерится ехать в замок. Им предписано задерживать незнакомцев, пока не придет кто-то от Олтерна.

– Узнаю вашу предусмотрительность, – проворчал герцог, помогая Тмирне сесть в коляску, и повернулся к стражнику. – Извини, беру свои слова обратно. Так будешь поить лошадей зельем или можно ехать?

– Лошади уже напоены, – уважительно отрапортовал сообразительный парень. – Простите, ваша светлость, за дерзость, но, может, лучше я сяду на козлы?

– Нет. Харст знает эту дорогу так, как тебе и не снилось, – с легкой горечью отказался Арвельд, садясь в коляску, – и он мечтал об этой минуте четырнадцать лет.

– Почему ты не задаешь вопросов, Тмирна? – не выдержал он через несколько минут, всматриваясь в усталое лицо монахини. – Или это я должен его задать?

– Я думаю, – тяжело вздохнула она, – как развязать тот узел, что должна была заметить еще пятнадцать лет назад. Хотите, расскажу вам маленькую тайну? Вроде бы напрямую не связанную с событиями, исковеркавшими столько жизней?

В одном из залов монастыря Святой Тишины стоит статуя, созданная великим художником, и она считается чудодейственной. Четыре раза в год мы открываем к ней доступ на три дня и по очереди стоим в карауле, так как касаться ее запрещено, но почти все стремятся потрогать. И мы давно заметили, чаще всего стараются ухватиться за нее именно те люди, кто желает чего-то срочно получить. Наследство, клад, богатого жениха, высокую должность и прочее. Мы давно научились почти с первого взгляда угадывать этих ограниченных людей, которых ведет по жизни жадность и которые считают, будто все вокруг им что-то должны. И святые, и родственники, и король, и даже боги. У них все молитвы начинаются со слова – дай.

Так вот, каждая сестра Тишины, которая стоит в карауле, имеет право выбрать просителя, которому хочет помочь. Разумеется, когда выполнить эти просьбы очень сложно, ей помогает весь монастырь. Четырнадцать с половиной лет назад в наш монастырь пришла женщина, которую многие узнали даже под вуалью, и ее просьба была необычна. Она просила у Тишины смерти для соперницы, но имя той так и не назвала. Лишь проговорила о тайне разлучницы, сумевшей соблазнить ее мужа и теперь носившей его ребенка.

Само собой, никто из нас и не подумал ей помогать, на такое дело мы никогда не согласимся. Наоборот, вызвали на беседу, попытавшись отговорить от такого страшного намерения. Даже пригрозили, разъяснив, как жестоко Тишина мстит тем, кто покушается на чужую жизнь. И попытались выяснить, кто именно ее так оскорбил. Но она оказалась очень упрямой и не захотела открывать тайну, пока не получит обещание помощи. А убедившись в тщетности уговоров, сломала капсулу и ушла.

И вот теперь меня мучит понимание, сколько бед я могла бы предотвратить, если бы решилась в тот момент приставить к ней пару опытных тихонь. Нет, не нужно говорить,

будто изменить ничего нельзя, это я сама прекрасно знаю. Но знаю и другое, иногда стоит даже переступить через себя, через гордость и все обиды, чтобы попытаться исправить хотя бы те ошибки, какие еще не поздно исправить.

В коляске повисло долгое молчание, и, лишь рассмотрев в оконце приближающийся свет висящего над воротами фонаря, Леонидия решила заговорить.

– Тмирна, я отлично поняла твой намек. И я думаю так же, как ты, потому мы и едем именно сюда. После поездки, устроенной нам кузиной, и ее проклятого зелья мне нужно немного отдохнуть и привести себя в порядок. – Она тихонько вздохнула, помолчала еще немного и робко призналась, – иначе мне не хватит смелости... посмотреть ему в глаза.

– Лишь бы у него хватило совести посмотреть в глаза тебе, – сердито рыкнул Арвельд, – и мне.

Герцог хотел сказать еще кое-что из накипевшего в душе, но ботиночек монахини вовремя чувствительно придавил его ногу, заставив смолкнуть.

А затем коляска остановилась, загрохотали цепи в привратной башне, поднимая ворота, и настоятельница самым кротким голосом заявила о необходимости предупредить охрану о скором приезде Геверта.

– А разве он не в замке? – только теперь догадался озадачиться вопросом Арви.

– Нет, он в столице, но уже едет к башне, – доброжелательно объяснила настоятельница. – Я не могла ему не сообщить. Но мы подождем, пока вы искупаетесь и переоденетесь.

Глава 20

– Матушка, – бледный от усталости Тэлрод остановился на пороге умывальной, где для него была наполнена горячей водой мраморная бадья, и опасливо взглянул на мать, – а мы уже не вернемся к тетушке Оскарии?

– Нет, больше никогда я не войду в тот дом, – твердо выговорила Леонидия и невольно передернула плечами, припомнив постылое поместье, куда Зоралда каждый раз отправляла ее с упорством маньяка, – и ты тоже. Как бы ни повернулась к нам судьба.

– Жаль, – неожиданно вздохнул парнишка. – Они не будут кормить Берту, и она умрет.

– Я подумаю, как ей помочь, – пообещала Леонидия. – Иди, купайся, пора ложиться спать.

– А кушать больше не будем?

– Конечно, будем, – добродушно улыбаясь, в комнату вошла женщина, ехавшая с ними в карете и рассказывающая такие необычные сказки. – Извини, Леонидия, я без разрешения. Почему-то на мой стук никто не ответил. Вот одежда для тебя, приехал Геверт и привез из башни посылку, которую собрали по моей просьбе, думаю, девушки не ошиблись с размерами. Для Тэлрода тоже есть костюм, а утром доставят еще.

– Вы магиня? – восторженно смотрел на настоятельницу серебристыми глазами парнишка. – Я угадал?

– Нет, не угадал, – засмеялась Тмирна. – Я просто тихоня. И беги купаться, вода стынет.

– Мы не расслышали, – возвращаясь в гостиную, извиняющимся голосом произнесла Леонидия, сильно подозревая, что стучала настоятельница не очень громко. – А где столовая? Мы сами придем, как оденемся.

– Столовая возле лестницы, а служанка специально ждет в коридоре, – направляясь к двери, сообщила монахиня. – И еще... я случайно услышала, кто такая Берта?

– Кошка Тэлрода. Я привезла ему лет шесть назад беспризорного котенка, чтобы не скучал, так Зора велела выбросить. Вот мы и спрятали ее неподалеку в дупле, а Тэл носил ей еду. Хотя она и сама охотится и умница такая, на чужой голос не подходит. Зора ее зельем приманивала, прибить хотела... не удалось.

– Понятно, – еще раз улыбнулась настоятельница, – попробуем что-нибудь для нее сделать.

– Надеюсь, – печально вздохнула ей вслед Леонидия и поспешила в свою купальню, ее тоже ждала горячая вода.

Когда Арвельд вошел в столовую, там сидели только Геверт и Седерс, и волосы командира охраны снова сияли начищенной медью.

– Арвельд?! – слегка неуверенно осведомился герцог и ринулся к нему. – Арви, живой. Демон, как я переволновался, когда Тмирна сказала, что ты где-то в горах. А у тебя глаза прежние. А лицо немного другое... нет, это ничего, зато без шрамов... Давай выпьем по бокалу вина, пока их нет, и накладывай мяса, тут закусок на отряд хватит.

Его слова сопровождались очень энергичными действиями, Герт тискал брата, хлопал по плечу и спине и усаживал в стоящее во главе стола кресло.

Седерс не отставал, хотя был поделикатнее и старался помалкивать.

– Я только поздороваться зашел, – объяснил он. – Я так рад вас видеть! А теперь пойду отдыхать, его светлость обещает нам с утра пораньше толпу гостей.

– «Тебя», Сед, – решительно отверг попытку друга перейти с товарищеского обращения на официальное Арвельд. – Я никогда не забуду, сколько ты для меня сделал. Но

отдыхать и в самом деле иди, только выпей сначала с Гертом за мое законное возвращение под родной кров. Сам я, увы, не могу, голова до сих пор от вчерашнего кружится.

– И какую же радость ты праздновал? – Вошедшая в столовую Тмирна, как обычно, услышала разговор издали.

– Возвращение памяти, – невесело сообщил Арви, кивком попрощавшись с уходящим телохранителем. – Я сразу даже не понял, почему Леонидия, едва оказалась на портальной площадке, приказала мне запомнить про зелье, которое нужно найти в тайнике. Ну а почему мы его пили с вином, я сам сообразил позже. Чем иначе объяснить домочадцам, почему мы еще валяемся, как тряпичные куклы, если уже время обеда?

– Вот как, – знакомо прищурилась Тмирна. – А я никак понять не могла, почему вы зелье выпили, а все помните.

– А об Эсте со Змеем ничего не известно? – как ни старался, не смог удержаться от вопроса старший герцог.

Хотя верил, матушка и сама не смолчит, если узнает что-то про воспитанницу или ее мужа.

– Я думала, вы о них забыли, – пошутила Тмирна, но шутка почему-то получилась невеселой. – Вот и молчу. Новости есть...

– Какие? – мгновенно восторжничали оба брата. – Ну, матушка Тмирна, рассказывай же!

– Ждала Леонидию, намеревалась при ней рассказать, – нехотя произнесла Тмирна, – но раз вы настаиваете... Они спаслись. Я сама их в замок Олтерна привела, Эста сумела письмо отправить, ей зелье пить не пришлось. А Зоралду Дагорд убил. Но вот сам он пока ничего не помнит, хотя и сумел выяснить свое имя и вычислить, что он вовсе не тот человек, каким его хотела сделать ведьма.

– Так он у целителей, – облегченно предположил Арви, но монахиня хмуро помотала головой.

– Не хочу вас обманывать. Они ушли в Макрен за полчаса до того, как мы получили послание Арвельда. Но сразу вслед за ними ушли лучшие ищейки и отряд гвардейцев, переодетых наемниками. И я надеюсь на их скорое возвращение. Как только Эста напишет отчет, ей сразу отправят приказ идти назад. Думаю, они даже не успеют добраться до поместья Зоралды.

– То есть... – поднимаясь с места, пробормотал старший герцог, – они пошли спасать меня?!

– Сиди, – сердито прикрикнула Тмирна, – никуда ты не пойдешь. Я не позволю. Посмотри в зеркало, глаза уже ввалились от усталости. Ешь хорошенько, Эста рассказала, как вас вчера весь день в клетках голодных везли, и иди спать. Там солдат и так хватает, когда я уходила, Олтерн всю стражу Макрена на ноги поднял и еще два десятка гвардейцев в помощь отправил.

– Тмирна! Я все-таки герцог!

– Очень рада, – учтиво кивнула она, и в глазах метнулись лукавинки, – Значит, мне не придется объяснять известным всем герцогам истины, что хороший полководец стоит целой армии? И про место герцога на штабном холме, а не впереди отряда со знаменем?! Ну скажи, куда ты побежишь позади толпы гвардейцев, самому не смешно? Да и Лэни, когда вернется, вряд ли похвалит тебя за такое геройство.

– А с этой сумасшедшей я сам еще разбираться буду, – сердито пообещал Арвельд, нехотя опускаясь на место и понимая, как ни обижайся, а монахиня права. Пока он доберется до поместья, все уже закончится.

– А с чего это ты так на нее? – Геверт, которому не рассказали и половины произошедшего, смотрел на брата неодобрительно.

- Если бы Ална не было, не знаю, как бы мы ее вытащили, влезла в поставленную для Леонидии ловушку, - Арвельд уже жалел, что проговорился, но скрывать от брата подробности не желал.

Чересчур долго они жили порознь, и слишком разные были у них заботы и беды, слишком истончились нити родственных связей. В бытность свою Мастом герцог наблюдал несколько семей, объединившихся после того, как Зоралда возвратила воинам память, и далеко не все обрели прежнее счастье.

- Демон, - расстроился Геверт, - а потом?

- А потом Алн ее вылечил и провел ритуал объединения судеб. И теперь Змей - законный муж нашей Лэни.

- Я понимаю, ты его недолюбливаешь, - твердо посмотрел в глаза старшему брату герцог, - но ты не прав, и я очень рад, что она вышла замуж именно за него. И очень надеюсь, они вернутся живыми и здоровыми и будут жить тут с нами.

- Герт, - открыто улыбнулся Арви, отодвигая пустую тарелку, суп закончился как-то незаметно, - я тоже рад. Он ее достоин и любит по-настоящему. И вообще мы с ним нашли общий язык.

- Я тоже рада, - напомнила о себе Тмирна, - но хочу, чтобы вы не забывали, пока память к нему не вернулась, он не знает ни вас, ни кто его жена. Эста решила не говорить, пока его не исцелят. Да и задание так удобнее выполнять. Кстати, я привезла большую пирамидку, и у вас, по-моему, такая же есть, лучше поставить их вместе где-нибудь на балконе с восточной стороны. Тогда от Адервилльской башни можно будет переходить прямо в замок. И еще, по просьбе короля почтовая гильдия открывает десять новых порталов, и ваш замок первый в списке. Надеюсь, вы не откажетесь?

- Тмирна, мы, конечно, не откажемся, - не дал себя запутать Арвельд. - И поспать мне нужно, поэтому я уже ухожу. Но если на рассвете их не будет в этом замке, никто не сможет меня удержать.

- Твое право, - согласно кивнула Тмирна, прося в душе Святую Тишину, чтоб намерения Арви так и остались планами и никуда идти ему не пришлось, затем взглянула на Герта. - А к вам у меня просьба, герцог, сейчас придет Леонидия, мне очень нужно с нею поговорить. Боюсь, утром не удастся. Вам не сложно будет увести ее сына в их комнаты, но как можно деликатнее? Мальчик очень чуткий и может обидеться.

- Конечно, - сразу согласился Герт, - и называйте меня на ты. Я знаю, сколько вы сделали для Эсты и матушки... и всегда буду благодарен.

- Спасибо. И прости... мы так и не сумели устроить вам встречу, в то время Олтерн еще очень бдительно следил за всеми, кто мог пожелать отомстить. Это было очень опасно для всех, но однажды матушка тебя все же видела. Вы приехали с женой в столицу на зимние праздники и гуляли на центральной площади Датрона. Твоя жена была в голубой бархатной шубке с белым соболем, вы ели горячие пончики и весело смеялись. Твоя матушка очень порадовалась твоему счастью, это ее утешило.

- Демон... если бы я знал, что она рядом, - расстроенно выдохнул Герт, - но все равно спасибо и за это.

- Леонидия идет, - предупредила Тмирна, - не забудь наш уговор. А это чьи шаги? Не пойму.

Крупный зверь вошел впереди Леонидии с сыном, ставших почти неузнаваемыми в новой одежде.

- Это Хар, - запустив руку в густой мех, представил ирбиса Геверт, - он добрый. Но иногда рычит и, как ни странно, всегда на злых людей.

- У меня тоже была кошка, - восхищенно рассматривая зверя, с грустью сообщил Тэлрод и тут же любознательно спросил: - А чем его кормят?

- Он ест почти все, - усмехнулся герцог. - И ты можешь его угостить, но сначала

поужинай сам. Устраивайтесь, госпожа Леонидия, и выбирайте себе кушанья. Слуг я отпустил. Арвельд уже поел и ушел спать, говорит, голова еще кружится.

– Ему пришлось хуже, чем мне, – печально вздохнула женщина, заполняя едой тарелку заинтересованно разглядывающего стол сына. – Зоралда не знает, что ее зелье с каждым разом действует все слабее и память возвращается все быстрее. Зелье, снимающее забвение, для меня потихоньку отливал из ее запасов один из старых слуг, которых она первыми привела в заброшенную крепость.

– Зоралды больше нет, – спокойно произнесла Тмирна, и Леонидия от неожиданности уронила вилку.

– Как нет? Только вчера...

– Не нужно ей было так издеваться над Змеем, – так же ровно пояснила монахиня. – Он такого не выносит. Но сейчас не время об этом говорить, расскажи мне лучше другое. Если на тебя это зелье действовало все слабее, то чего можно ждать от Кэнка? Ведь его она тоже поила?!

– Думаю, на него оно почти не влияло, – хмуро проговорила Леонидия, и матушка уставилась на нее с неподдельным интересом. – Дня два-три, не больше. Потом он притворялся. Ему ведь досталось больше всех, это все, кто живет в крепости, подтвердят. Она дала ему власть и одновременно заставляла делать самую трудную работу. И наказывала за малейший промах. Хоть его собственный, хоть его подчиненных. И только я догадывалась, Зора мстит Кэнку за Змея, пока не может достать его самого. Она ведь и Арвельда именно поэтому сюда отпустила... надеялась, что они вынудят Змея уйти, тогда ей легче было бы до него добраться. Но раз ее нет... я больше не хочу про нее говорить. Вообще хочу забыть, как страшный сон.

– Тэлрод, – вспомнил уговор Геверт, рассмотрев, как осоловело глядит на недоеденные яства парнишка, – по-моему, ты засыпаешь. Давай я провожу тебя до спальни, а на случай, если тебе захочется ночью перекусить, мы захватим вот эту корзинку со сладостями.

– А Хар с нами пойдет? – послушно встал вслед за Гертом из-за стола Тэл. – А ему уже можно что-нибудь дать?

– Дай вот этот кусок помадки, он обожает все молочное.

– За такой кусок Зора мою кошку убила бы, – скормив ирбису ломтик сливочного лакомства величиной с половину своей ладони, тихо вздохнул мальчик, и у губ Леонидии прорезалась горькая складка.

– Тэлрод, твоя кошка будет с тобой, и ты будешь кормить ее, чем захочешь, – твердо пообещала Тмирна, – даю слово. А про Зору больше не вспоминай, не нужно. Спокойной ночи.

– Леонидия, – дождавшись, пока стихнут шаги уходящих, повернулась она к бывшей королеве, – нам нужно серьезно поговорить.

– Я уже поняла, – хмуро усмехнулась та, – за эти годы покойная кузина сумела убить во мне наивную романтическую провинциалку и воспитать осторожную и недоверчивую дрянь.

– А вот в это я не верю, – строго отрезала монахиня, – ты судишь себя слишком строго. Хотя это добрый признак. Все законченные негодяи и мерзавцы, наоборот, склонны считать себя хорошими людьми и оправдывать все свои поступки. Но сначала давай решим, где мы устроимся? Отсюда лучше уйти, служанка давно мается в коридоре, ей еще посуду нужно убирать. Да и к пирамидке я хочу быть поближе.

– Мне все равно, – поднялась Леонидия, – я же ничего здесь не знаю.

– Я тоже тут впервые, – улыбнулась Тмирна, сунула ей в руки вазочку с печеньем и пирожными, а сама взяла кувшин с настоем трав и бокалы. – Идем, только возьмем вот это, на всякий случай.

Женщина в ответ лишь печально усмехнулась. Раз монахиня запасается печеньем, значит, разговор им предстоит долгий и трудный.

Комната, куда служанка привела Леонидию и настоятельницу, была маленькой и уютной. В небольшом камине, возле которого стояли кресла и столик, догорали подернутые пеплом поленья, у противоположной стены расположились диванчик и конторка. За чуть приоткрытыми широкими застекленными створками двери виднелся освещенный масляными лампами небольшой эркер, и там, прямо на полу, стояли рядом две пирамидки. Окно в эркере было распахнуто, и младшая гостья сразу поняла, что это означает. Раз неподалеку порталная башня, значит, маги смогут переправить сюда даже гостя.

– Вы кого-то ждете? – осторожно осведомилась Леонидия, устроившись в кресле, после того как монахиня первой выбрала себе место. Разумеется, постаравшись сесть так, чтобы были видны пирамидки.

– Известий, – кивнула Тмирна и, чуть помедлив, добавила, – Змей и Эста вернулись целыми и невредимыми, ты ведь догадалась?

– Я предположила это по вашему сообщению... о смерти Зоралды, – не стала хитрить Леона.

– Хорошо. Так вот они поели, собрались и ушли выручать вас с Мастом. Вернее с Арвельдом.

– Святые духи! – И без того бледное лицо Леонидии побелело. – Но там же Кэнк! Мы разминутись с ним в Вишняках. Он очень спешил, поэтому проехал мимо, не заметив нас.

– Скорее, не узнал. Или не поверил своим глазам, – усмехнулась Тмирна. – Но Арвельд написал мне про эту встречу, и герцог Эфройский сразу же отправил туда еще гвардейцев.

– У вас настолько доверительные отношения с Олтерном?

– С недавних пор. И я это очень ценю. Последние месяцы ему достались очень нелегко, он постепенно становится другим человеком, и теперь я могу надеяться на дружеские отношения.

– Вот как, – понимающе кивнула Леонидия, несколько минут отстраненно рассматривала догорающие угли, потом вскинула голову и с горькой кривоватой усмешкой выговорила, – но я ведь ничего не хочу для себя, Тмирна. Давно уже не хочу. И забочусь только о сыне. Пусть он его возьмет... хоть на воспитание, как чужого, мальчик вырос среди злобных дур, и я за него очень переживаю. А я найду себе укромное место, мне многого не нужно. Научилась за эти годы спать на земле и на соломе, варить на костре кашу и мыться в ручье. Лишь за одно я буду биться, за право хоть раз в месяц проводить один день с сыном. Мне этого хватит, чтобы было ради чего жить.

– Леонидия, – вздохнула Тмирна, – ты неправильно говоришь. Мне не хочется верить, будто это все, о чем мечтает твоя душа. И сначала я хочу сказать тебе главную заповедь сестер Тишины, – человек должен быть счастлив. Но ни в коем случае не за счет страданий других и не вследствие подлых поступков и грязных намерений. В таком случае это не святое духовное счастье, а удовлетворение темных низменных пороков. Люди обязаны стремиться к светлому счастью.

– Но такого на всех не хватит, – горько вздохнула Леонидия. – И я свой шанс уже глупо потеряла.

– Снова неверно. Твой шанс украла кузина, почему-то решившая, будто он принадлежит ей. И это очень распространенная ошибка, когда один человек считает себя вправе присвоить чужое счастье или объявить другого человека своей собственностью. Каждый принадлежит только себе, и это его святое право решать, кому подать руку, кому отдать сердце, а мимо кого пройти. Нельзя никого насильно заставить любить, хотя некоторые наивно считают, что им такое удалось. Но горше всего, иногда и их избранники так

считают. Однако это не любовь, поверь мне, Святая Тишина знает, какие сны снятся тем, кого сломали и заперли в клетку чужих чувств. Эти люди никогда не достигнут того, чего могли бы, и никогда не создадут тех вещей, на какие может подвигнуть лишь истинное счастье. Или горе, но мы говорим не о нем.

– Я тебя не понимаю... – Голос молодой женщины прервался.

– Боишься понять. Ты будешь счастлива только вместе с ним и с сыном. – Тмирна положила в сторону одно печенье. – Насколько я успела понять Олтерна, он тоже будет полностью счастлив, лишь если у него будет не только сын, но и любимая женщина.

Еще одно печенье присоединилось к первому.

– Ну и наконец, Тэлрод, он, конечно, будет счастливее всех, если рядом будут и отец и мать. – Третье печенье завершило маленькую пирамидку. – А три полностью счастливых человека – это драгоценность, за которую я готова бороться.

– Тмирна... – Бывшая королева соскользнула с сиденья и упала на колени, упершись лбом в кресло настоятельницы. – Я от всей души благодарна тебе за эти слова. За последние пятнадцать лет никто и ни разу не сказал мне ничего подобного. Зоралда постаралась сделать все, чтобы даже мать и сестра считали меня распушенной, пропитой дрянью, и только в крепости немного поддерживала мой авторитет, так ей удобнее было творить в его тени свои делишки. Но и там никто не считал меня достойной женщиной. Поэтому твоим намерениям не суждено сбыться. Я не вынесу, если в Олтерна начнет указывать грязным пальцем каждый, кому не лень, а все шуты королевства станут трепать в своих злых песенках его имя.

– Девочка, – мягко гладила ее по голове монахиня, – ты не права. Есть люди, о которых никто не может сказать ничего дурного, но тем не менее души их грязны, как вылезший из трухи выпень. А есть такие редкие люди, с которых как с гуся вода сползает вся грязь, через которую проведет их судьба и злая воля подлецов. Но одновременно ты права, не желая кормить злые рты. Позволь мне вести переговоры с Олтерном от твоего имени, и я постараюсь сделать для вас троих все, на что хватит моих способностей.

– Ради всего святого, – всхлипнула в ответ Леонидия, – я отдаю тебе это право. И точно знаю, если уж ты ничего не сможешь сделать, тогда это не под силу даже святой Элторне.

– Ну вот и отлично, а теперь иди спать, а то ребенок один в чужом доме может испугаться. Дорогу найдешь?

– Конечно, – сквозь слезы робко улыбнулась Леонидия и, почтительно поцеловав руку настоятельницы, встала с колен.

Тмирна проводила ее взглядом, вздохнула, поднялась и направилась на балкончик, где минуту назад рядом с пирамидкой возник пенальчик послания.

Глава 21

– Хорошая вещь, это зелье ночного глаза, – лениво рассуждал Змей, просто из желания поддержать разговор, – жаль только, другие зелья нельзя пить вместе с ним.

Ехать ночью по пустынной дороге было однообразно и тоскливо, и уставшее за день тело то и дело начинало расслабляться, голова клонилась на грудь и обрадованная таким поведением всадника лошадь немедленно сбавляла ход.

– Змей, – бдительно присматривающая за мужем Эста отлично понимала, почему в течение последнего часа он время от времени выдает такие многозначительные, но бесполезные фразы, – как ты думаешь, враги никуда не денутся, если мы четверть часа потратим на то, чтобы сварить по кружке отвара?

– Ты хочешь отдохнуть? – живо обрадовался Змей, и тихоня невольно улыбнулась. – Сейчас подыщем подходящее местечко.

Полянку на склоне холма, закрытую от дороги несколькими огромными валунами, они заметили через несколько сотен шагов и поехали к ней не по тропе, а свернули чуть заранее. Под самым большим камнем Змей ловко выкопал ямку, положил несколько древесных угольков, прихваченных в кладовой Наерса на всякий случай, и разжег крохотный, бездымный костерок, поставив на него небольшой котелок на ножках. Как раз на две кружки.

А пока Эста наливала воду из фляжки и добавляла травы, насыпал лошадям полные торбочки сочных поздних яблок, мешок которых тихоня везла за седлом именно на такой случай. И только успел подумать, как хорошо они сделали, остановившись, теперь лошади Эсты будут немного полегче, как девушка шикнула и метнулась мимо Дага в ту сторону, откуда они пришли.

Граф бросился следом, не раздумывая, и уже через несколько шагов наткнулся на застывшую изваянием тихоню, тесно прижавшуюся к камню. Встревоженный Змей шагнул к ней и оказался вдруг так близко, что мог слышать взволнованное дыхание девушки и ощущать ее запах. Что-то смутно знакомое вдруг вспыхнуло в душе, и он против воли прижался к напарнице теснее, прикоснулся подбородком к щеке и до боли стиснул кулаки, отчетливо понимая, еще миг молчания или малейший знак согласия – и никто не сможет его остановить.

– Тсс! – строго прошипела Эста, одним коротким словом разбивая безумное напряжение момента, – кто-то едет. Ох, как некстати эти яблоки.

Жгучее разочарование затопило сердце графа, но он упорно стоял рядом и всматривался в серый бесцветный пейзаж вокруг, все яснее понимая, как благодарен должен быть ей за то, что не позволила совершить этой ошибки. Изменить любимой жене, о которой он думал в те минуты, когда не начинал засыпать от усталости. И хотя ничего особенного так и не вспомнил, ни совместных прогулок, ни букетов, ни драгоценностей, какими принято одаривать любимых женщин, все равно откуда-то точно знал, его жена была необыкновенной и замечательной.

Четверо всадников, ведущих в поводу еще трех лошадей с поклажей, тихо переговариваясь, проехали по тропе мимо, не заметив ни легкого запаха дыма, ни хруста яблок. Впрочем, никто из них особо и не прислушивался, видимо, точно зная, насколько безопасна эта дорога.

– Быстро пьем отвар и едем следом, это они, – резко повернулась в сторону котелка девушка, едва отряд проехал, сделав вид, что не заметила порыва мужа.

Хотя как тут было не заметить! Святая Тишина, да она даже не подозревала раньше, как трудно стоять рядом, слышать над ухом горячее дыхание и не обернуться, не обхватить руками, не прижаться к родной груди...

Губу чуть не до крови прикусила, дыхание выравнивая, но сумела устоять, не время и не место тут для нежностей. Да и трудно не заметить, как он мается, вспоминая о неизвестной жене. Эста сердито фыркнула, наливая в кружку отвар и подавая графу хлебец с куском копченого мяса. Проклятая Зоралда! Из-за нее приходится к себе самой

родного мужа ревновать!

- Горячо? - осторожно спросил Змей, расслышав это фыркание.

- Нет, просто я думаю, как вовремя мы решили попить чаю. Значительно выгоднее ехать следом за ними, а не впереди. Теперь мы знаем точно, они еще только едут в поместье, значит, Маст и Леонидия там одни. Сейчас я напишу письмо Олтерну, будем ждать приказа.

Эста зажгла потайной фонарь, быстро написала отчет, открыла шкатулку с пирамидкой и обнаружила рядом с ней пенальчик с письмом.

- Святая Тишина, неужели что-то случилось? - хватая письмо, встревожилась Эста, согласно уговору с Тмирной, первой письмо должна была отправить она.

- Ну? Читай быстрее, - попытался заглянуть через плечо Змей и сразу отодвинулся, давая себе слово больше не поступать так опрометчиво.

- Мы можем возвращаться, - устало объявила Эста и отдала ему письмо, а затем, немного подумав, дописала в отчет несколько строчек и, отправив его, упаковала пирамидку.

- Я рад за них, - ровным голосом сообщил Змей, прочтя сообщение Тмирны о том, что Маст и госпожа Ниди уже в замке Адер. - А в какую сторону ближе до башни?

- Теперь ближе в сторону поместья, но пока Кэнка с друзьями не схватили, нам лучше отправиться в Вишняки. Карту я помню, уйти оттуда можно с уверенностью. Сами мы с малой пирамидкой никуда не уйдем.

Почему у них не было большой пирамидки, Змей знал точно. Герцог Эфройский, хмурясь, рассказал про претензию, которую выставила ему почтовая гильдия. Маги обвиняли его людей в слишком большом количестве бесконтрольных переходов, совершенных на самой грани возможности башен в последние дни. Все-таки здесь не Дройвия и источников нет, а башни уверенно проводят путь только по заранее установленным пирамидкам с точно рассчитанной мощностью накопителей. Нет, ничего страшного с путниками не случится, просто может внезапно выбросить в любом месте, не доведя до цели перехода.

В ответ Олтерн убедил магов установить почтовые башни еще в десяти труднодоступных местах и создать точную карту их расположения.

Чай допивали не спеша и так же не спеша собирались, торопиться было больше некуда. И даже на лошадей сели спокойно, но вот выехать на тропу не успели. Где-то вдалеке, там, куда уехал отряд отщепенцев, прокатился гул, словно рухнула башня, а потом донесся отголосок истошного вопля.

- Демон, - рыкнул Змей и тронул поводья, - жди здесь, я посмотрю.

- И не подумаю. - Эста ударила лошадь пятками и помчалась вперед, срезая путь через холмы.

- Эста!

- Как подберемся ближе, лошадей оставим, - донес бивший в лицо прохладный ветерок спокойное распоряжение девушки, заставив Змея скрипнуть зубами, ну и зачем она таскает его с собой, если сама такая ушлая?!

Но тут же, представив, как напарница ехала бы тут одна, тяжело выдохнул злость, нет уж, пусть лучше командует. Раз они не первый раз вместе выполняют задания Олтерна, значит, и обязанности как-то распределены, и он просто чего-то недопонимает или не помнит. И как только вернет свою память, начнет мучиться угрызениями совести за нынешнее детское желание непременно командовать самому. Стремление, какое даже сейчас, находясь под действием зелья и определенно превратно понимая поступки и замыслы напарницы, он не решится назвать умным.

- Я вперед, ты прикрываешь, - безапелляционно заявила Эста, когда, бросив лошадей,

они почти бегом спускались к стоящей над ручьем мельнице.

Даже в тусклом свете магического ночного глаза было понятно, крепким строением неизвестные злоумышленники пожертвовали намеренно, стремясь запереть отряд Кэнка на узком мосту. Рухнувшая верхняя часть мельницы намертво перегородила маленькому отряду дорогу вперед, а сзади их теснило несколько бандитов, одетых точно так же, как и люди помощника ведьмы. И это значило, что ни ищейками, ни гвардейцами они быть не могут. Все воины Олтерна, занятые в этой операции, имели отличительный знак, светлый шейный платок, который обязаны были повязать в случае стычки.

Изучая обстановку, Эста торопливо пересчитала воинов Кэнка, хотя это оказалось несложно, всего трое. Стало быть, один уже ранен или убит, ведь совсем недавно мимо Лэни со Змеем проехали четверо отщепенцев.

Один из оставшейся троицы, затаившейся на мосту среди обломков мельницы, приготовил меч, другой – кинжалы, а кузен Змея держал в руках очень хороший арбалет и бдительно следил за укрывшимися за камнями и кустами врагами. Довольно кучно укрывшимися, никак не получается рассмотреть, сколько же их там, и, значит, выбить по одному не удастся.

Свистнул болт и, звякнув по камню, ушел в сторону запруды, булькнув в наступившей тишине.

– Слышь, Кэнк! Отдай груз по-хорошему, и мы уйдем, – предложил один из бандитов. – А ты можешь ехать куда хочешь. Амнистию ведь точно объявили, теперь тебя ведьма нигде не найдет.

– Шакал, – зло отозвался Кэнк, – выпень. Все столько лет вкалывали, а ты решил все себе захватить?

– А ты разве не себе тащишь? Не ври, Кэнк, и не заставляй зря руку на своих поднимать, – не поверил его бывший соратник, теперь Эста в этом больше не сомневалась.

И это меняло весь ее сложившийся первоначально план. Их не стоило убивать, пока дознаватели не разберутся, кто действительно шакал, а кто сюда по глупости пошел.

– Кэнка придется защищать, – торопливо выворачивая свою куртку, тихо шепнула Эста застывшему рядом Змею. – Это вон те трое, которые на мосту. Я пошла, попробую нескольких усыпить, не торопись себя обнаруживать.

И не успел Дагорд сказать и пары слов, как девушка скользнула на тропу и громко ахнула.

– Ах, батюшки, и кто же это нашу мельницу сломал! Ой горе-то какое! И как же мы теперь мучицы на зиму намелем? Пропадем ведь, без хлебушка! Помрут с голоду малы детушки! Не встанет с постели больная матушка! Ох же горе, горе лютое! И за какие же грехи так наказала нас судьбинушка сиротская!

Все мужчины замерли, разглядывая ненормальную селянку, а она уже заметила их и бросилась к бандитам, хватая их за рукава и заглядывая в лица.

– Кто же теперь малым детушкам пирожка испечет, кто им каши сварит, если не встанет наша матушка...

– Какой бред она несет, – расстроено прорычал Змей и вдруг заметил, что те из бандитов, кого она успела коснуться, так и остались неподвижно сидеть на своих местах.

Но, как оказалось, главарь бандитов тоже не дремал.

– Ах же ты гадина, взять ее! – рявкнул он взбешенно и ринулся на девушку с мечом, забыв на миг про Кэнка, ни на секунду не отводящего глаз от скрывающих бывших соратников камней.

И это была последняя ошибка вожака. Болт попал точно в цель, и бандит кулем повалился на камни, а в следующий миг сразу несколько рук потянулись к селянке,

пытаясь ухватить за руки и подол юбки. Эста завертелась юлой, щедро раздавая удары маленьким кинжалом с сонным зельем и метко пиная противников острым носком сапожка в самые неприятные места.

Однако через несколько секунд кому-то из разъяренных бандитов удалось набросить на девушку одеяло, и сразу трое мужчин принялись торопливо туго обматывать ее веревкой. Не оставив девушке возможности не только сопротивляться, но даже дышать. И в пылу свалки не сразу заметили, как один за другим падают за их спинами приятели, сраженные ударом кинжала или кулака Змея. А едва заметив, отшвырнули сверток с селянкой в сторону и дружно набросились на ее дружка с намерением порвать на части за выведенных из строя сподвижников.

Всего несколько секунд понадобилось Кэнку и его парням, чтобы примчаться к месту неравной схватки и вступить в сражение. Несколько минут кипел жестокий бой, в котором бывшие заключенные, забыв про прожитые рядом годы и перенесенные вместе трудности, с неистовой злобой молотили друг друга.

Свалив очередного врага и отыскав, наконец, взглядом неподвижно лежавшую в сторонке напарницу, Змей ринулся к ней на помощь. Не заметив, как один из поверженных им бандитов умудрился встать и уже поднял меч, готовясь отомстить врагу.

– Змей, сзади, – отчаянный крик Кэнка прозвучал почти вовремя.

Граф успел пригнуться и попытался метнуться в сторону, но удар тяжелого меча все же настиг его, ударил по плечу, скользнул по спине. И хотя нескольких слоев особо прочной ткани, из которой готовили костюмы сестры Тишины, бандит до конца так и не прорубил, однако сбил графа с ног, и тот ощутимо приложился о камень головой, с которой в пылу боя куда-то слетела походная шляпа. А в следующую секунду Кэнк ястребом налетел на мечника и одним ударом небольшого бревнышка, которым воевал, отбросив арбалет, отправил его в компанию к валявшимся на земле бандитам.

– Змей, ты как? – склонилось над графом смутно знакомое лицо человека, про которого он не знал ничего, кроме объяснений напарницы.

Да еще того, что этот парень, похоже, сейчас его спас.

– Ничего, – чувствуя раздирающую головную боль и тошноту, граф, пошатываясь, поднялся и полез в кусты, – там Эста.

– Мы ее уже развязали, – как-то виновато сообщил один из помощников Кэнка, подходя к командиру, – хотя она сама успела прорезать одеяло. Очень шустрая девчонка.

– Змей, – вынырнула из-за его спины напарница и бросилась к Дагорду, не подозревая, что только тревога за нее и сила воли держат мужчину в сознании.

В этот раз упасть на камни с маху графу не дало сразу несколько рук, но он этого уже не ощущал.

Как не видел и размахнувшейся ручки тихони, резко швырнувшей в самый высокий камень флакончик с зельем света.

Дорогое, но необходимое в этой ситуации средство.

Глухой удар, звон разбившегося стекла и нежное, все разгорающееся свечение густого зелья, неторопливо стекающего по валуну, заставили людей Кэнка насторожиться и зашарить глазами по окружающим камням и кустам в поисках затаившихся бандитов.

– Кладите его сюда, – торопливо расстилая на земле найденное одеяло, командовала Эста, – да не волнуйтесь, близко никого нет. Только два отряда гвардейцев и стражники из Макрена, которые ловят вас.

– Спасибо, ты нас очень успокоила, – едко усмехнулся Кэнк, бережно кладя брата на указанное место, – так, может, подскажешь, что нам-то теперь делать? Сразу топиться возле этой мельницы или попытаться сбежать?!

- Лучше займитесь ранеными, тех, кого я усыпила, оставьте на местах. Я вам не успела сказать, Зоралда умерла. Неудачно выпала из портала... не повезло. - Тихоня достала откуда-то еще флакончик и, досадливо вздохнув, капнула на губы мужа несколько капель зелья.

Говоря недавно про ночной глаз, он был совершенно прав, пока действовало это зелье, все другие становились намного слабее.

- Ты врешь... - недоверчиво выдохнул один из спутников Кэнка, - она нас проводила и ушла порталом сюда.

- Эста... - напряженно выдавил Кэнк, - ты уверена?!

- Уверена. К сожалению, это правда.

- Почему - к сожалению? - не поверил он.

- С ней мечтали поговорить Олтерн и дюжина его дознавателей, - устало вздохнула девушка. - А вы не собираетесь лечить друзей?

- Какие они друзья, - буркнул третий отверженный, - предатели.

Но все же отправился вслед за товарищами осматривать недавних врагов, старавшихся лежать молча и сдерживать стоны.

- Легкораненых на всякий случай связывайте, - хмуро скомандовал Кэнк, отчаянно жалея, что по обыкновению поспешил выполнить последнее распоряжение проклятой ведьмы, так и не сумевшей сломить его волю и потому наказывающей за каждую промашку с изощренной жестокостью.

Глава 22

Голову Змея терзала точно такая же нестерпимая боль, какую он испытал лишь однажды в юности, поверив одному из старых воинов, будто гномий самогон лучше всего запивать молодым вином. С тех пор он не выносит ни гномьего самогона, ни молодого вина и свято следит за тем, чтобы эти напитки миновали его кубок. Стало быть, болит не поэтому... тогда что с ним случилось?

Тело постепенно доносило до воспаленного мозга свои ощущения, и были они далеко не самыми наилучшими. В спину через тонкую подстилку давили какие-то жесткие бугры, по лицу гулял прохладный сквознячок, пахло дымом и прелой листвой. Но чьи-то умелые пальцы нежно, почти невесомо поглаживали плечи, шею, словно растворяя и унося боль, и это было потрясюще приятно.

– Госпожа Эсталис, – учтиво произнес рядом мужской голос, – разрешение от почтовой гильдии получено. Можно отправляться.

– Уносите сначала тяжелораненых, капитан, – строго сказал совсем рядом знакомый голос, и все в душе вздрогнуло и потянулось к нему, даже боль, кажется, отступила. – Мы подождем.

– Хорошо.

Змею очень понравилось слово «мы», а еще он понял наконец, где находится и кто так нежно гладит его шею, и поторопился открыть глаза. Как ни странно, взгляд больше не обнаружил седой картинки, какую дает магическое зелье, все вокруг было освещено мягким желтоватым светом от огромного валуна, словно сгоравшего в холодном огне.

– Змей, ты как?! – обрадованно шепнул голос напарницы, и ее пальчики пробежали по щеке графа, взрывая сознание пониманием, что больше он не сможет лгать ни себе, ни ей.

– Плохо, – хрипло произнес мужчина, и она немедленно поднесла к его губам кружку с прохладным отваром, в который явно было добавлено какое-то зелье.

– Потерпи немного. Я не хотела нести тебя через портал без сознания, сейчас немного придешь в себя и пойдем в столицу. Целители уже ждут.

– Я не про то... – проглотив питье, Дагорд поймал руку девушки и, крепко сжав запястье, поднес пахнущую дымком ладонку к губам. – Я про тебя. Молчи... потом я не смогу сказать. Я люблю тебя... Думал, сердце разорвется, когда те гады тебя связывали, прости, не сумел сразу всех убить. Эста, у меня где-то есть жена, и она замечательная, я точно знаю. Но, когда я рядом с тобой, мне не хочется ее вспоминать... никогда в жизни со мной такого не было, уверен. Я пытался припомнить ночью, пока мы ехали сюда.

– Молчи... – шепнула девушка, и Змей по ее голосу понял, что она плачет, – молчи, милый, я прошу тебя.

– Нет. Не могу молчать. Я и так молчал всю ночь. Эста... я чувствовал, как ты меня гладишь... так не гладят тех, кто безразличен. Я никогда не забуду этот разговор, Эста... хотя и не смогу бросить жену. Но когда я вспомню про нее и уйду, не забудь, для тебя я сделаю все, чего ты пожелаешь.

– Святая Тишина, Змей, не рви мне душу... умоляю, помолчи. А за это я открою тебе тайну, я тоже тебя люблю... больше жизни.

– Эста... как же нам дальше жить...

– Тсс... сюда идут. – В голосе девушки звучало явное облегчение, и оно резануло сердце Змея острой болью.

А через пару секунд две пары крепких рук подхватили его вместе с одеялом и понесли к устроенной прямо на мосту порталной площадке из трех пирамидок.

Портальная башня оказалась знакомой Змею, это был замок Эфро, и когда его несли по

лестнице вниз, Эста шла сзади. Дагорд каким-то непостижимым чутьем это ощущал, но говорить здесь о связавшей их тайне не желал, не для чужих ушей такие разговоры. Зато, увидев на одном из поворотов, как за ними ведут Кэнка со связанными руками, возмутился вслух.

– Эста! Прикажи, пусть Кэнка развяжут, он меня сегодня спас. Да и тебя они отбили у бандитов.

– Что?! – Девушка словно очнулась от каких-то своих мыслей, оглянулась назад и возмутилась.

– Капитан! Немедленно освободите Кэнка и его людей!

– В чем дело? – вылетел на нижнюю площадку лестницы Олтерн, в домашних коротких сапожках и бархатной вышитой куртке, но в замшевых штанах.

Значит, не спал, а сидел где-нибудь у камина, ожидая известий, мельком определила тихоня и коротко доложила:

– Кэнк спас Змею жизнь, они втроем сражались рядом с нами. Несколько отщепенцев, узнав про амнистию, решили поживиться ценностями, которые ведьма вывезла из крепости.

– Немедленно отпустить, – сурово глянул на гвардейцев герцог, но те и сами уже поняли свою ошибку и торопливо распутывали веревки, – а со Змеем что случилось?

– Прозевал мечника, – превозмогая боль, пояснил граф, – со спины напал. Если бы Кэнк не крикнул, было бы хуже.

– Несите его к целителям, – скомандовал Олтерн, и стражники едва ли не бегом ринулись исполнять этот приказ. – Эста, я жду тебя в кабинете.

– Только провожу Змея и приду, – отозвалась девушка, отлично зная, как это неразумно с ее стороны.

Сначала топать в комнаты целителей, расположенные на первом этаже того крыла здания, где живут слуги и незнатные гости, потом возвращаться назад, через весь спящий замок, подниматься по лестницам и брести по коридорам. Но она хотела, чтобы, засыпая, муж видел ее лицо и ее глаза, может, тогда ему будет немного легче, когда он проснется и поймет правду.

– Хорошо, – почему-то безропотно согласился он и, проведив процессию взглядом, едва заметно поморщился, как от зубной боли.

Змею необычайно повезло с женой, и не имеет никакого значения, насколько знатны ее предки и есть ли у девушки приданое или нет. Все это не может никому добавить душевной красоты, как и сделать привлекательными непроходимую глупость или эгоизм.

Ему, Олтерну, тоже когда-то повезло... но он ради святой мужской дружбы наступил на горло собственной любви, надеясь, что ледяной клинок, вонзившийся в тот день в его сердце, постепенно растает и он сможет жить как прежде.

Глупец! Ведь тогда он искренне считал себя способным полностью управлять своими чувствами и думал, будто разбирается в жизни. Как оказалось, ни демона он не умел и не понимал, так и прожил пятнадцать лет с ножом в сердце. А сегодня этот клинок еще и болезненно повернулся, когда Олт узнал, что Леонидия не захотела прийти в его замок, а ушла с Арвельдом в Адер.

Герцог успел дойти до своего кабинета, медленными глотками выпить полбокала подогретого вина с медом, когда наконец появилась Эста.

Платье на тихоне уже было самое обычное, в каких ходят благопристойные молодые

девушки из небогатых знатных семейств, через руку переброшен теплый плащ, а лицо снова скрыто под вуалью, и она не стала ее поднимать, опустившись в предложенное герцогом кресло.

– Когда он будет в порядке? – пододвигая к наемнице чашку с горячим отваром и блюдо с пирожными, мягко спросил Олтерн, и та невесело вздохнула в ответ:

– Не раньше чем завтра в обед, хотя он выпил всего глоток. Но это и хорошо, за это время лекари обещают подлечить все остальное. У него страшный синяк на плече и выше виска рассечена голова, упал на камень.

– Как вы попали в эту заварушку? – поинтересовался Олтерн, и пока девушка объясняла, все думал, как бы попросить ее разузнать у Тмирны про Леонидию.

– А сейчас я ухожу, – поднялась тихоня, закончив рассказ, – меня ждут в замке Адер, матушка написала, маги установили на башне порталный амулет.

– Ты не в курсе, как там дела? – небрежно произнес герцог, стараясь не показать, как обрадовался возможности хоть что-то разузнать.

Само собой, не про портал, про это ему еще час назад доложили маги, которым он пообещал подписать указ об открытии школы целителей.

– Я считаю, Олтерн, раз там матушка Тмирна, то тебе не из-за чего беспокоиться, – воспользовалась Эста старым разрешением на дружеское обращение. – Просто все вымотаны и хотят немного отдохнуть и привести себя в порядок, а не сидеть на допросе. Но раз ты так уж переживаешь, я пришлю короткое послание. Только утром, сейчас там наверняка все спят, да и я тоже падаю.

– Спасибо, тогда возьми вот это, – протянул он капсулу, – чтобы не подниматься на башню. Признаться, я сам хотел туда идти... но теперь подожду.

– Благодарю, но не жди письма раньше завтрака, – еще раз напомнила тихоня, вставая, и немедленно сломала хрупкую вещь.

Мягкий свет и уютное тепло герцогского кабинета сменились на холодный порывистый ветер, раскачивающий наспех подвешенный фонарь.

Несколько секунд девушка торопливо меняла свой облик, попутно осматривая перила и пытаясь понять, какую из башен замка Геверт определил под порталную, потом решительно шагнула к двери на лестницу. Все равно идти вниз, так какая теперь разница?!

В башне было намного светлее и теплее, и вскоре Лэни уже уверенно шагала по ступеням, узнав одну из любимых в детстве башен, восточную, с которой открывался вид на лежащую внизу долину и город. Так хорошо было стоять здесь по утрам, прижавшись к юбкам матушки и чувствуя на плечах тепло ее руки.

Внизу послышался стук отодвигаемого стула, и тихоня скептически усмехнулась, сопение охранника и похрустывание орешков она расслышала, едва войдя на верхнюю площадку.

– Кто идет? – Знакомый по недавнему расследованию стражник встал на пути, многозначительно держа на весу алебарду.

– Гость герцога Геверта Адерского, – с едва уловимой ехидцей сообщила тихоня, прикидывая, каким образом он может проверить ее слова?

Понятное дело, сегодня Герт или Седерс ставили тут охранника наспех, вовсе не надеясь на гостей, желающих прийти в самый глухой предутренний час, но хоть пояснить ему, как разговаривать с посетителями, могли?

Серая тень выскользнула из-за спины охранника и одним прыжком оказалась возле тихони, обрадованно потерлась о колени, обвилась вокруг ног, и Лэни вмиг забыла про мрачно сопящего охранника.

– Хар, бандит мохнатый! Нет у меня сейчас ничего вкусенького, но я исправлюсь, притащу тебе с кухни самый большой кусок мяса. Идем, поищем, может, в гостинной чего-нибудь найдем.

И они ушли вдвоем в примыкающий к башне зал, оставив озадаченного стражника гадать, та это девчонка, которая была тут несколько дней назад, или нет? Вроде, похожа, и ирбис ластится, но платье совсем другое, и открытое лицо в обрамлении капюшона плаща очень хорошенечкое.

Нет, скорее не она. Определенно одна из подружек Геверта, и раз пришла сюда, едва поставили портал, значит, он сам дал ей капсулу, известно ведь, на башни знатных господ кто попало прийти не может. Хотя все и держат охрану... для солидности. Ну и чтобы было кому проводить и доложить.

Вот эту девицу провожать точно не нужно, а докладывать некому, спят все. Даже Седерс недавно ушел... но если не доложить, будет ругаться. Охранник тяжело вздохнул и дернул шнурок звонка, протянутого в комнату командира.

– Доброе утро! – расстроенный Геверт вихрем ворвался в столовую, где завтракал старший брат, и, не обращая внимания на сидящих за столом Арвельда и немолодого, коротко стриженного мужчину, приподнял скатерть и заглянул под стол.

Потом под диван, стоящий неподалеку от очага, под маленькие столики, за занавески. И застыл посреди комнаты с самым мрачным и озабоченным выражением лица, нахмутив брови и обдумывая нечто неприятное.

– Герт, что-то случилось? – понаблюдав за братом, осведомился Арвельд.

– Харик пропал. Он всегда приходит утром на мою кровать, играет, будит меня. Его Змей научил. А сегодня – нет.

– Прикажи слугам искать и садись, позавтракай с нами, – примирительно предложил старший брат, – пока ты ешь, он найдется.

– Уже приказал. – Геверт стремительно шагнул к окну, распахнул створку. И сразу стали слышны голоса, на все лады зовущие ирбиса. – Его Эфройский у меня пытался выкупить... а сегодня ночью портал поставили. Если окажется, что это снова его люди...

– Не окажется, – строго сообщила от порога Тмирна. – Садись и завтракай, я знаю, где Харик.

– Доброе утро, матушка, вы меня спасаете, – обрадовался Герт. – Я обещал познакомить с ним Розу.

– Надеюсь, ты не поверил тем глупостям, которые тебе наболтала эта кокетка?! – лукаво прищурилась Тмирна. – Ведь все кокетки очень несерьезные девушки.

– Не нужно так про нее говорить, – не принял шутки герцог, садясь на свое место и заглядывая в тарелку отца. – Надеюсь, Бенлишу сказали, какие блюда любит кушать на завтрак его светлость?

– Спасибо, – невесело кивнул старый герцог, – но я отвык от такой еды.

– Простите меня за вмешательство, ваша светлость, – Тмирна обратилась к старому герцогу очень вежливо, и все же в ее голосе прозвучала непримиримость, – но мне почему-то кажется, будто вы недовольны возвратом памяти?

– Я доволен, – пасмурно взглянув на нее, неохотно ответил Тидгерн, – только теперь не знаю, как мне дальше жить.

– А вы задумайтесь над тем, как живут путешественники, попавшие в лапы к Торемским работорговцам и через пятнадцать лет выкупленные родичами, как живут матросы,

которых ураган забросил на необитаемые острова?! И, наконец, как живут каторжники, много лет отработавшие в каменоломнях по ложному доносу или ошибке дознавателя? А еще вспомните про Арвельда, ведь он был подвергнут лишению памяти наравне с вами, а Геверт в тринадцать лет остался заложником в собственном замке! Ну а ваши жена с дочерью прятались у слуг до тех пор, пока девочку не приметил матерый вояка, решивший скрасить ее молодостью свои года.

– Кстати, – с ненавистью процедил Арвельд, – я давно хотел узнать имя этого любителя юных девочек.

– Спроси у Лэни, – качнула головой Тмирна, – сейчас мы говорим не об этом.

– Подождите, – заволновался Геверт. – Я только теперь понял... Арви, раз ты сидишь тут и никуда не идешь, значит, Лэни со Змеем пришли?

– Нет, только Лэни, Змей у целителей, – ответила за бывшего пациента настоятельница. – Думаю, теперь ты знаешь, где спит Харик?

– Демоны! Так нужно предупредить слуг, чтобы не искали его, – схватился за звонок герцог.

– Я уже запретила им шуметь, – остановила его монахиня. – Девочка и так вернулась только перед рассветом. Им пришлось ввязаться в бой, на Кэнка и его людей напали бывшие дружки, хотели отобрать груз. Змей едва избежал ранения, кузен предупредил, но у него разбита голова, неудачно упал.

– Демонская сила, – расстроено рыкнул Арвельд, – нужно было мне идти вместе с ними! А чем были заняты гвардейцы?

– Часть ушла в поместье и устроила там засаду, маги открыли проход. А несколько всадников следовали за Лэни и Змеем по тропе и, заметив, как они свернули в сторону на привал, тоже остановились передохнуть. Отряд Кэнка они тоже видели, но согласно приказу ждали сигнал Лэни, она собиралась договориться. А потом услышали грохот и забеспокоились, послали одного из людей к стоянке Змея и обнаружили, что она пуста, а Лэни с графом ускакали напрямик через холмы. Капитан принял решение догонять их, но уже через минуту получил тревожного вестника, а вскоре заметил световой сигнал.

Тмирна специально рассказывала все это так подробно, желая отвлечь старого хозяина Адера от его собственных разочарований и бед, свалившихся на мужчину, жившего незатейливой жизнью стражника в одном из маленьких городков, как гром среди ясного неба. И заинтересовать старого герцога бедами и проблемами выросших детей, в которых он пока не узнавал тех мальчишек, какими они остались в его памяти.

– Я не понял, – осторожно спросил Тидгерн, внимательно слушавший этот рассказ, – а почему Лэни гоняется ночами за бандитами? Геверт сказал мне, она замужем...

– Извини, отец, – несчастно глянув на нахмурившегося брата, вздохнул младший герцог, – я не объяснил тебе, что Лэни сестра Тишины и служит сейчас герцогу Эфройскому. А ее муж, граф аш Феррез, и есть тот Змей, с которым они вместе уехали на это задание.

– А еще Лэни лучшая тихоня, вышедшая из стен нашего монастыря, – твердо поправила Тмирна, – и сейчас она стоит за дверью и бессовестно подслушивает, хотя могла бы еще немного поспать.

– Поспишь тут, – ворчливо заявила Лэни, входя вместе с Харом в комнату, – а еще называется тихий провинциальный уют! Доброе утро, матушка, доброе утро, отец. Сначала по тебе прыгает вот эта туша, пытаюсь утащить одеяло и облизать лицо шершавым языком, потом топает по коридору толпа слуг, орущая как стая ворон: «Хар-Хар»!

– Святые духи, – потрясенно выдохнул старый герцог, – она стала вылитая мать.

– Это точно, – тихо подтвердил Арвельд, ошеломленно рассматривая такую Лэни, какой он не видел ее еще ни разу.

Изящное утреннее платье светло-синего кашемира с пеной гарденских кружев вокруг декольте и локтей, промытый шелк упавших на плечи локонов, собранных на затылке в перевитый жемчугом узел, кольцо с изумрудом на законном месте и нежная кожа прелестного личика, не изуродованного никакими красками.

- Вы не поторопились выдать нашу принцессу за графа? - с тихой грустью спросил отец, рассматривая взрослую дочь, и получил в ответ возмущенный взгляд ее сразу потемневших глаз.

- Нет, - ответил за сестру Арвельд и примирительно улыбнулся отцу, хотя глаза оставались серьезными, а в тоне слышалась твердость, - не поторопились. Лэни решала сама, и это ее право. Но Дагорд - лучший друг Геверта, и последние одиннадцать лет был ему и за отца, и за брата, а теперь и я считаю его своим другом.

- Спасибо, Арвик, - нежно глянула на старшего брата Лэрнелия, - ты замечательно сказал. Но после обеда, когда он сюда придет, мне нужна будет ваша поддержка... боюсь, Змей не простит мне командование в ночной вылазке.

- Боюсь, не простит, - задумчиво кивнул Арвельд, - если ты снова, как на том леднике, полезла в самое пекло.

- Но в этом и состоит профессия тихони, Арвик, - сразу перестав улыбаться, вздохнула девушка. - Если бы я не пошла, мы бы не сумели их победить. У Кэнка и так придавило стеной одного друга, и он не знал про зажигательную палочку, которую держал наготове один из врагов. Наверняка в мельнице был спрятан еще один сундук с гномьим порошком, и бандиты собирались его взорвать, едва граф отступит под прикрытие стен.

- А дожидаться гвардейцев вы не могли?

- Я послала им сигнал, - невесело кивнула Лэни, - но ты же знаешь, что я изучила карту? И капитан имел точно такую же. Не знаю, почему Кэнк свернул на дорогу, ведущую к мельнице, но на карте оттуда нет тропы в сторону поместья.

- А вот этот вопрос нужно задать Кэнку, - словно про себя пробормотала Тмирна, - не хочу делать предположений, но уверена, он вовсе не желал просто полюбоваться мельницей. И заметьте, бандиты тоже знали, куда он повернет.

- Нужно написать про это Эфройскому, - задумался Арвельд. - Я слышал, у Зоралды есть где-то тайник. Но думал, он в тех каменоломнях, куда она привезла нас.

- Я недавно отправила ему письмо, - кротко сообщила Лэни. - Кстати, Олтерн собирался после завтрака прийти сюда в гости.

Глава 23

На порталную башню замка Адер герцог Эфройский вступил во всеоружии. По крайней мере, сделал все возможное и даже почти невыполнимое, лишь бы среди хозяев этого дома не осталось ненавидящих его людей.

Как Олтерн убедился за последние два дня, амнистия – это самая страшная вещь, которую ему случалось испытать в жизни, если, разумеется, отбросить ошибки в личной жизни. Росчерк королевского пера не только отпер тюрьмы и позволил вернуть память сотням осужденных, одновременно он снял печать молчания с тех людей, которые до этого времени делали вид, будто им совершенно безразлично происходящее в королевстве. Ну и само собой заторопились открыть змеиные рты те, кто вообще никогда ни о чем не думал, кроме своих собственных карманов и амбиций. И теперь просто спешили под шумок излить свой яд.

Герцог тяжело вздохнул, поежился, перехватил поудобнее саквояж и направился в сторону приветливо распахнутой стражником двери на лестницу. В этих местах очень явственно ощущалось приближение белого всадника на ледяном коне, но герцог ежился не от холода.

Он очень сильно хотел ее увидеть, ожившую мечту своей души, и так же сильно боялся, что она не захочет с ним даже поговорить, посмотрит на его постаревшее лицо и презрительно усмехнется или просто плюнет и уйдет...

По рассказам ее бывших подданных, Олтерн отлично знал: прежней Леонидии, потрясшей его сердце наивным и бесхитростным взглядом восхищенных серебристых глаз, больше нет. А прочтя несколько десятков протоколов допросов, успел понять, не ее в том вина.

Это он сделал огромную глупость, пожалев нелюбимую жену, стоявшую на коленях и поливавшую его сапоги потоками лицемерных слез. Не смог в тот раз влить ей в шакалье горло принесенный с собой яд, рука не поднялась. А вот у нее поднималась, и на беззащитную Леонидию, и на ее родственников, да и вообще на всех, кто попадался ей под руку.

Комната, куда привел его стражник, оказалась уютными гостевыми покоем, и в кресле у небольшого стола сидела одна только Тмирна, что-то стремительно писавшая на листке бумаги.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался гость, и разочарование против его воли скользнуло в его голосе. – А где все?

– Садись, Олтерн, поговори сначала со мной.

– Хорошо. – Он сел в кресло напротив женщины, осторожно поставил рядом саквояж и приготовился слушать.

– Я понимаю, Олтерн, тебе сейчас очень нелегко, – осторожно, как рыбак, идущий по первому льду, начала разговор Тмирна, – приходится принимать много важных решений и выслушивать много несправедливых упреков.

– И справедливых тоже, – горько усмехнулся герцог.

– Знаешь, тех, кто стоит у власти, всегда есть за что ругать. То они ничего не делают, то делают слишком много... хотя большинство людей на этом месте за один день наломали бы раз в десять больше дров, чем некоторые правители за всю жизнь. Я не говорю, будто ты совершенно невиновен, но не обвиняю в неумении разгадать замыслы Зоралды. Ведьма была слишком хитра, она сумела провести даже меня и нескольких сестер Тишины. Да, не удивляйся, твоя жена приходила в монастырь почти пятнадцать лет назад.

– Спасибо... – потрясенно выдохнул Олтерн, нужно иметь большую смелость, чтобы поведать о том, чего не знает никто в королевстве. – И чего же она хотела?

– Сначала ответь на мои вопросы... только не торопись. Их не так много, но они очень

важные... можно сказать, самые главные для нескольких человек.

- Ты меня пугаешь... но я готов.

- Ну, тогда первый... что ты смог бы простить Леонидии?

- Все, - не задумываясь ни на секунду, отчеканил Олтерн, - она ни в чем не виновата. Это я виноват... не смог отказать красивым словам про истинную мужскую дружбу и последнюю любовь.

- Хорошо, - серьезно кивнула Тмирна, - я искренне рада это слышать. Но ты не все знаешь, хотя, я уверена, изучил допросы тех, кому ведьма вернула память. И пусть в том, чем занималась Леонидия, большая часть вины Зоралды, но не только ее.

- Тмирна, ты сама минуту назад сказала, как моя покойная жена умудрилась обмануть даже вас, хотя вы ни в чем от нее не зависели. А Леонидию она подчинила полностью, все допрошенные нами сподвижники ведьмы говорят одно и то же. Все они видели, как ведьма помыкает ею, словно служанкой, но боялись даже слово сказать. Я очень благодарен Змею за убийство той дряни, но еще больше был бы счастлив, если бы сам смог свернуть ее гадючью шею.

- Олтерн, я немного поразмыслила и теперь твердо уверена, что нам не стоит никому рассказывать про этот поступок графа аш Феррез, - строго произнесла Тмирна. - У Зоралды было много тайн... и вполне возможно, есть где-то люди, готовые отомстить за ее смерть. Я уже поговорила с семьей герцога Адерского и послала письмо Розы с просьбой передать приказ Наерсу и предупредить короля. Припомни всех, кому ты это рассказал, и постарайся предпринять все меры, чтобы остановить этот слух.

- Ты права, - согласился герцог, - но давай вернемся к разговору о Леонидии.

- Давай, у меня остался последний вопрос, но не сочти его бестактным. Хочешь ли ты объединить ваши жизни и на какие поступки готов ради этого?

- Тмирна, мне казалось, ты сообразительней... я много лет мечтаю всегда быть рядом с Леоной. И, разумеется, готов на все. Бросить пост советника, уехать с нею в свой самый дальний замок на берегу моря, никогда больше не появляться в столице...

- Достаточно, - подняла руки монахиня, словно перед бандой налетчиков, - увезти ее подальше и окружить самыми преданными слугами - это сейчас самое лучшее решение. Вот только пост советника бросать не нужно ни в коем случае, никто, кроме тебя, не справится со всеми проблемами и трудностями. А теперь я отвечу на тот вопрос, который ты задал мне. Зоралда приходила в монастырь просить смерти для соперницы, которая носит ребенка от ее законного мужа. К сожалению, мы не смогли найти несчастную женщину, но сумели припугнуть герцогиню обещанием, что кара за такое злодеяние будет ужасна.

- Постой... Тмирна! Я ничего не понял... какая женщина, какой ребенок?

- Женщина была твоя, Олтерн, хотя ты и уступил ее королю. И ребенок был твой. Я много лет ломала голову, почему его бывшее величество через несколько месяцев прекратил осаду своей законной супруги?! Чем таким особенным могла припугнуть или убедить его юная девушка, раз он от нее в конце концов отступился?! Ведь Георгиус знал, где она скрывается, сам отправил жену в охотничий домик под присмотром кучера и доверенных охранников и потом тайно ездил уговаривать.

- Ребенок? - Герцог был бледен, и его руки дрожали, - Тмирна, это тот мальчик, которого Арвельд увез из поместья?!

- Да, герцог с первого взгляда понял, на кого похож Тэлрод.

- О боги... где он? Где Леонидия? Тмирна, я сейчас с ума сойду... где?!

- Здесь, - тихо сказала монахиня, показывая на неплотно закрытую дверь в спальню, - ждут.

И, собрав свои бумаги, торопливо направилась к двери.

- Тмирна... - Вскочивший с кресла герцог, по праву считавшийся одним из самых храбрых мужчин королевства, растерялся, как паж на первом балу, совершенно не представляя, как встретится с выросшим без него сыном.

Проводив монахиню смятенным взглядом, Олтерн выхватил платок, лихорадочно вытер взмокший лоб и ладони и оглянулся на дверь, за которой было все, о чем он уже не смел и мечтать. Безотчетно двинулся было в ту сторону, но вовремя вспомнил про саквояж. Пospешно щелкнул замками, выхватил букетик синих цветов с заветного куста и шкатулку с браслетами, затем, вздрагивая от волнения, шагнул к спальне. Рядом с дверью сделал несколько глубоких вдохов в попытке выровнять дыхание, безнадежно махнул рукой и, робко стукнув по створке, замер в ожидании.

- Войдите... - раздался за дверью такой же несмелый ответ, и герцог, проглотив вставший в горле комок, отчаянно толкнул дверь.

Они сидели прямо напротив входа, на краю застланной постели, грустная молодая женщина с пепельными волосами и бледный худенький мальчик, и смотрели на Олтерна одинаковыми серебряными глазами. В этих ожидающих глазах светилось столько настороженной надежды, затаенного страха и растерянности, что герцог задохнулся от нежности и любви, желания схватить их и надежно спрятать, укрыть от всех несчастий и всех бед.

- Леонидия... счастье мое... - Он ринулся к этим таким еще незнакомым, но уже таким родным людям, подхватил на руки подымающуюся навстречу женщину, стиснул в объятиях, теряя и букет, и шкатулку. - Наконец-то я вас нашел.

- Олт... - всхлипнула она куда-то ему в шею, - поставь меня, тяжело же...

- Не могу. - Он нашел ее губы, прильнул к ним как к драгоценной святыне, бережно и нежно, и, почувствовав, как они тотчас дрогнули, потянулись к нему в ответ, облегченно выдохнул.

Вот теперь все у них будет хорошо, раз она так же тосковала по его поцелуям, как он по ее глазам, по ее голосу и смеху. И у них есть сын... драгоценный дар ее любви, который эта хрупкая женщина сумела сохранить в такой тяжелой обстановке, в какой его потеряла бы тысяча других женщин. Вряд ли проклятая ведьма не пыталась напоить кузину какими-нибудь гадостями. Олтерн еще раз нежно коснулся губ любимой и шепнул:

- Извини, я посажу тебя на минутку, - и скрепя сердце выполнил это обещание, но так и не выпустил из руки ее ладошку. Присел на корточки перед Тэлродом и протянул ему вторую руку: - Прости меня, сынок, что я так долго не приходил. Но если бы хоть слово... хоть намек... - Он яростно скрипнул зубами. - Ему очень повезло... Если бы я уже не присягнул Лоурдену, искали бы сейчас другого советника.

- Олт... прости... но мы слышали ваш разговор, - нежно глядя его второй рукой по лицу, призналась Леонидия, - это было мое условие... Зора отучила меня верить людям. И я согласна с настоятельницей насчет советника... и про замок. Мне так хочется пожить где-нибудь спокойно... а ты сможешь приходить, когда захочешь.

- А если я не захочу уходить? - жадно вглядываясь в ее глаза, с лукавинкой спросил Олтерн и вспомнил про подарки. - Вот... эти цветы только для тебя. А вот браслеты, и пока ты не скажешь «да», я не отпущу твою руку.

- Я скажу «да», только не отпускай, - кротко согласилась Леонидия, но сквозь эту покорность герцог расслышал застарелую тоску.

И немедленно сел между любимой и сыном, обняв обоих так, как ему хотелось с первого мгновения, крепко и бережно прижал к себе и зажмурил на миг глаза, не в силах поверить своему счастью.

- Тебе плохо? - опасливо спросил Тэл, и герцог мгновенно распахнул глаза и широко ему улыбнулся.

- Нет, сынок. Мне очень хорошо, я много лет не был так счастлив. Точнее, много лет я жил чужой жизнью и хочу про это забыть.

- А там... где мы будем жить... - продолжил осторожный допрос Тэл, - мне можно будет держать кошку?

- Что? - напрягся Олтерн. - Тебе не разрешали даже кошку держать? Но там же были женщины... твоя бабушка, тетка... или я неправильно все понял?

- Олт, - повернула герцога к себе Леонидия, - Зора убедила мать и сестру, будто все их беды из-за меня... и Тэла. Она специально все подстраивала... потому они к нам так и относились.

- Прости, любимая, но я не согласен. Если бы они были людьми... я ведь собирался устроить их жизнь, отблагодарить за заботу о моем сыне, но теперь не пошевельну и пальцем. А у тебя, сынок, будет столько кошек, собак, лошадей и прочей живности, сколько ты захочешь.

- Матушка Тмирна обещала принести мою Бертю, - серьезно сообщил парнишка, - но лошадь я тоже хочу. Герцог Адерский хочет вырастить для меня белого жеребенка.

- Дать бы по шее этому герцогу, - с притворной свирепостью выдохнул Олтерн, крепче прижимая сына. - Он мог бы позвать меня сюда вчера вечером.

- Не нужно, - тихо шепнула Леонидия, положив голову на плечо мужчины, которого любила все эти годы. - Он правильно поступил, мы были грязные, уставшие и голова еще болела после зелья.

- Неужели ты думаешь, будто все это меня бы оттолкнуло? - невесело фыркнул Олтерн. - Нет, любимая, ничего подобного. Но на Арвельда я не сержусь, наоборот. И хотя мне очень хочется еще посидеть тут с вами, придется идти к нему, чем быстрее я покончу с делами, тем быстрее смогу увести вас в южный замок. Но вы же пойдете со мной к герцогу?

- Конечно, - кротко улыбнулась ему женщина, - мне нужно спросить, сколько я должна Эсте за выполненный контракт. Она взялась охранять мою жизнь от происков Зоралды там, в горах, и исполнила свое обещание.

- И я ей за это буду всегда благодарен и исполню любое пожелание. Хотя тоже должен за выполненный контракт, - признался герцог. - Но сначала браслеты. Леонидия Тервалли, согласна ли ты взять в мужья герцога Олтерна Эфройского?

- Согласна, - побледнев, выдохнула она, глядя, как на ее руке защелкивается браслет. - А ты, Олтерн Эфройский, согласен считать женой Леонидию Тервалли?

- И женой, и матерью моего сына, - твердо произнес Олтерн, подставляя ей руку.

- А жреца не нужно? - тихо спросил парнишка, недоверчиво наблюдавший за этой церемонией.

- Герцог имеет право судить, казнить и женить своих подданных, но в храм мы обязательно пойдем. Только не в столичный, а в тот, который расположен в городке возле моего южного замка, - серьезно объяснил ему Олтерн. - Там очень мудрый жрец, который составит документы, как положено по законам богов, а не людей. И на твое рождение тоже. Ты герцог по крови и должен быть им по бумагам. А теперь идем, мне кажется, нас уже ждут.

И первый поднялся с постели, помог встать жене, обнял ее за талию и протянул руку сыну. Парнишка сомневался всего секунду, затем все же вложил ладошку в крепкую руку отца, однако, дойдя до двери, осторожно потянул ее к себе, и герцог не стал его удерживать.

Но, подхватывая свой саквояж и выводя жену в коридор, Олтерн твердо пообещал себе сделать все возможное, чтобы его сын из бледного мальчишки, затурканного злыми тетками, превратился в жизнерадостного, уверенного в себе паренька, какими должны быть все подростки его лет.

- Герцог Адерский ждет вас в гостиной. - Рыжий мужчина, в котором Эфройский сразу узнал постаревшего телохранителя Арвельда, стоял перед ними с непроницаемым

лицом. – Я провожу.

– Только запомни, Седерс, нас тут никогда не было, – строго предупредил Олтерн, уже принявший в душе ответственность за свою семью и начинающий строить непроницаемую защиту, какой намеревался их окружить.

– Я это и так помню, – чуть вызывающе ответил командир охраны и мгновенно присмирел, услышав тихий голос Леонидии.

– Спасибо, Лаутр.

– Всегда к вашим услугам, госпожа.

В гостиной, украшенной букетами из ярких осенних цветов, весело горел очаг, и вокруг него на диванах и креслах расположилось пять человек: трое мужчин и две женщины. И почти всех Олтерн отлично знал, и герцогов Адерских, и матушку Тмирну. Незнакома была только молодая хорошенькая девушка, сидевшая рядом с Арвельдом, скромно опустив глазки.

– Доброе утро! – Эфройский всего мгновение разглядывал незнакомку, затем, решив, будто это невеста бывшего беглеца, собрался их поздравить, и в этот момент им навстречу шагнул поднявшийся с кресла Геверт.

– Доброе утро, проходите, устраивайтесь. Тэл, а тебя ждет один мохнатый зверь, ты не желаешь с ним немного поиграть? Только за хвост не дергай, кошки этого не любят.

– Я знаю, – уверенно кивнул парнишка и вдруг улыбнулся. И от этой, такой знакомой улыбки сердце Олтерна облилось нежным теплом узнавания. Хотя сын и правда похож на него, но улыбается совершенно как Леона. – Моя Берта тоже очень независимая.

– Ее уже нашли, и скоро она будет здесь, – мягко улыбнулась подростку Тмирна, – но пришлось дать твоей подружке сонного зелья, иначе мои люди опасались за свои глаза. Кстати, вместе с ней едет небольшой сюрприз, но про это позже.

– Знакомьтесь, – учтиво произнес Арвельд, когда дверь за Гевертом и Тэлродом закрылась, – это Лэрнелия, наша с Гертотом сестра, они с матушкой чудом сумели в тот день спастись. И с тех пор жили в монастыре. Но матушки, увы, уже нет.

– Очень приятно, – галантно склонился перед герцогиней королевский советник, прикидывая, под каким предлогом пригласить ее во дворец, его новому господину пора знакомиться с серьезными девицами из достойных семей.

И тут же заметил на ручке, которую ему позволили поцеловать, очень хорошо знакомый перстень. Герцогу ничего не оставалось, как спрятать подальше невольную досаду на самого себя за опоздание с планами устройства личной жизни воспитанника.

– А этот монастырь случайно не расположен в северных предгорьях, неподалеку от Туриса? – светским тоном осведомился Олтерн.

– Почему случайно? – лукаво удивилась Тмирна. – Он там специально построен еще пять веков назад.

– Демон, – невольно вырвалось у герцога Эфройского. – А Змей знает?

– Пока не все, – удрученно вздохнула Лэни, поднимая наконец на гостя глаза, – но боюсь, когда узнает, то непременно попытается запретить мне заниматься своим делом.

– Извини... – помолчав всего несколько секунд, честно признался Олтерн, – но я бы тоже запретил.

– Спасибо, ваша светлость, – со вздохом произнес Тидгерн, – вы уже третий человек, который так считает.

– Почему третий? – садясь рядом с Леонидией и ставя на колени саквояж, поинтересовался советник. – Неужели кто-то из вас хочет, чтобы Эста... простите,

Лэрнелия, продолжала ходить в ужасных масках и не менее жутких платьях?

- Я так считаю, - непреклонно заявил вернувшийся в комнату Геверт, - и маски тут ни при чем. Только теперь я понял их смысл, там, где Лэни не сможет появиться под своим собственным именем, она всегда пройдет в маске.

- Прости... но я не понял, - задумался Олтерн. - Это как раз мне очень выгодно, чтобы Лэрнелия продолжила у меня работать. Но раз она теперь замужем и ваша сестра, то ей придется бывать на балах и обедах, дружить с женами других знатных господ...

- Никогда не поверю, - лукаво усмехнулась Эста, - будто Леона собирается так жить.

- И правильно сделаешь, - дружески улыбнулась ей герцогиня Эфройская, - я намерена сидеть в беседке, читать добрые книги и наблюдать, как мой сын учится ездить на лошади. Или пить с ним чай со сладостями и просто разговаривать. Я мечтала об этом много лет. Но ты о таком пока точно не гредишь... поэтому я встаю на сторону Геверта.

- Вот, нас уже тоже трое, - обрадовался Герт. - Я видел, как она работает, и потому знаю, Лэни просто не сможет целыми вечерами сплетничать с высокомерными курицами и хвастаться бриллиантами.

- Герт, я тебя обожаю, - засмеялась тихоня, - ты все верно понял. Но я вижу, как решительно Олтерн сжимает свой саквояж, и, хотя сестры Тишины не строят предположений, не могу не думать о сюрпризах, скрытых в этом кожаном сундучке.

- Не отрицаю, - загадочно кивнул советник, - но лучший сюрприз мне преподнесла ты. Надеюсь, теперь мы продлим контракт?

- Увы. - Голубые глаза смотрели спокойно и неуступчиво. - Контракт продлевать не будем. Я пока намерена остаться свободной тихоней, с правом выбора очередного дела и клиента.

- Жаль, - непритворно вздохнул Олтерн, - но спасибо и на этом. По крайней мере, я буду знать, куда в следующий раз бежать за помощью.

- Не накаркай, - хмуро предостерегла настоятельница, - случайные слова имеют обыкновение сбываться очень неожиданным манером. Лучше показывай припрятанные в твоём саквояже сюрпризы, мне уже пора уходить. Жду только знаменитую Берту.

Глава 24

– Сначала не очень приятная процедура, – приоткрыв саквояж, советник достал первый лист. – Как вы все знаете, тем, кто был наказан слишком строго, возвращаются наследные права. Я привез подписанный указ на ваше герцогство, но решать, кто будет им править, придется вам.

– Я отказываюсь, – немедленно сообщил Тидгерн твердым голосом, – пусть Арвельд с Гевертом сами решат этот вопрос. А у меня нет ни сил, ни желания этим заниматься. Я намерен через несколько дней поселиться в нашем горном поместье и начать приводить его в порядок.

– Я тоже, – так же твердо заявил Арвельд, – самое большее, на что я могу пойти, это взять на себя обязанности управляющего.

– Арви! – возмутился Герт. – Я никогда на это не соглашусь! Я столько раз мечтал о том дне, когда ты вернешься и снимешь с меня все эти заботы... и когда мои мечты почти исполнились, ты говоришь – «нет»!

– Пойми, Герт, в Адервилле люди к тебе привыкли, и доверяют, и вообще очень хорошо относятся. Даже оправдывают некоторые сумасбродства последних лет. А после того, как объяснилась пропажа воровки, симпатии всех самых уважаемых семейств на твоей стороне. Мне Седерс рассказал, он в курсе всех новостей. Поэтому я не собираюсь возвращаться, снова зарабатывать авторитет у меня нет никакого желания.

– Но ради сына! – попытался убедить брата Геверт.

– Не смейся. У меня пока даже невесты нет, а ты про сына.

– Невесты набегут, – уверенно заявила Лэни, – я видела кипу поздравительных писем. Можете не давать мне десерта, если сегодня нам удастся пообедать своей семьей. Но если кого-то интересует совет тихони, то я готова его дать.

– Конечно, интересуется, – обрадовался Геверт, – надеюсь, ты посоветуешь Арви вписать в этот указ его имя?!

– Я готов тебя выслушать, – задумчиво рассмотрев сестру, подтвердил Арвельд, – и верю, ты плохого не посоветуешь.

– Спрячьте этот лист понадежнее, – кротко улыбнулась Эста, – и пусть все остается так, как сейчас. Просто живите спокойно, советуйтесь, если случится что-то серьезное, и помогайте друг другу. А когда подрастут дети, будет видно, кому следует отдать этот указ.

– Лэни... – разочарованно пробормотал Герт и смолк, заметив блеснувшие в глазах отца слезы.

– Ты стала мудрой, как мать, дочка, – глухо сказал старый герцог, – я всегда с ней советовался.

– Ох, нет, до матушки мне еще далеко. Но раз мы разобрались с неприятным, может, уже начнется приятное? Я решила не ждать Дагорда здесь, а уйти в замок Олтерна, как только получу от целителей письмо, но хочу успеть все рассмотреть.

– Хорошо. – Олтерн вручил указ Арвельду и достал связанную тесьмой пачку листов. – Вот это тоже тебе. Это для всех беглецов, которые живут в этом замке. Документы, указы на дома, бумаги на счета в гномьем банке. Позднее всем вам будут отправлены туда же деньги, которые хранила на тайных счетах Зоралда, и от продажи привезенных из тайника ценностей. Кэнк с помощниками сегодня с утра уже решают, кому какая доля причитается.

– Олтерн... – встревоженно заглянула ему в лицо Леонидия, – а ты ночью хоть ложился спать?

– Пытался... – виновато посмотрел он на любимую, – но не смог уснуть. Но давайте

закончим. Тут бумаги на компенсацию Тидгерну, это Арвельду. Вот это документы на два особняка в столице и три в Адервилле. Это на поместья, это на передачу западных лесов до самых гор. А вот это копия договора на покупку племенного скота. Мои люди нашли самых надежных скотоводов, и они обещали с завтрашнего дня начать отбор молодняка и подготовку обоза. Если кто-то из вас захочет лично посмотреть животных, вот капсулы.

Он поставил подписанные шкатулки и достал следующий ларец.

– А вот это Эсте. Жаль, конечно, но в тот момент, когда готовили этот подарок, я еще не знал, что она герцогиня, поэтому выбрал все в комплект к ее кольцу.

– И как раз угадал, – заглянув в ларец, призналась Лэни, – я теперь обожаю изумруды.

– Но это не все. Вот тебе документы на особняк, а вот на поместье, оно расположено неподалеку от моего замка, и там уже установили на башню порталный амулет. Слуги там тоже живут, это одно из поместий, принадлежавших ранее казне.

– У короля останется после амнистии хоть одно поместье? – тихо усмехнулась Тмирна. – Не слишком ли щедро ты их раздаешь?

– Не нужно так за него волноваться, – упрямо прищурился Олтерн, – Георгиус же ни за кого не переживал, когда кричал – «всех повесить»?! И кстати, вот тебе тоже указ. Я знаю, вы давно присматриваетесь к ближайшим королевским землям и деревушке с храмом. Теперь все это отходит монастырю. Надеюсь, ты от них не откажешься?

– Разумеется, нет. – В глазах женщины светилось лукавство. – Я не имею права самовольно отказываться от того, что подарили всему монастырю.

– Ну и последний указ, – достал советник бумагу из опустевшего саквояжа, – позволение герцогу Арвельду Адерскому жениться по своему усмотрению и освобождение герцогства на пятнадцать лет от всех налогов. Если будут еще какие-то пожелания, постараюсь исполнить.

– Спасибо, Олтерн. – Арви впервые взглянул на него дружелюбно. – Этого и так достаточно. Лучше расскажи, добрались вы до крепости в южных горах или нет?

– Умеешь ты попадать в самую больную точку, – хмуро вздохнул советник. – Да, добрались. Поклонились магам, и они помогли, не знаю даже, с чего такая доброта. Поставили на холме неподалеку от крепости порталный амулет, мы отправили туда отряд гвардейцев. Оказалось, очень вовремя. Ведьма приказала отряду преданных воинов, отправленных в крепость, напоить всех своим зельем, забаррикадировать все входы и никого не впускать и не выпускать. Если бы не маги, мы бы на всю зиму там застряли. Запасов еды в крепости оказалось предостаточно, колодец свой. На свободе остались только те, кто находился на землях королевства, но и тут самые большие отряды получили приказ идти в Торем.

– Хотя сестры Тишины и не строят предположений, но все действия Зоралды говорят об одном, она тщательно сжигала за собой мосты, – сама себе кивнула Тмирна. – Следовательно, в крепость ведьма больше возвращаться не собиралась. Но пока рано говорить о том, куда именно она собиралась бежать. Ясно лишь одно, ведьма осталась в каменоломне лишь затем, чтобы устроить «врагам» последние гадости. И размах, с каким ведьма действовала, наталкивает на мысль о сильных союзниках или помощниках, без которых просто невозможно было бы за всем уследить. Поэтому я намерена попытаться разгадать своими методами, куда она собиралась отправиться. Ну а если получится, то и кто ее там ждал. А вас прошу про все это пока помалкивать. Особенно про смерть ведьмы. Она была демонски предусмотрительна, и мне очень не хочется, чтобы у кого-то из нас начались новые неприятности. Олтерн, прикажи дознавателям как можно поподробнее выяснить, кто именно направил бандитов навстречу Кэнку, где они взяли гномий порошок и вообще все детали этого нападения. Я буду ждать твоих сообщений.

В кабинете ненадолго повисло молчание, каждый из присутствующих прикидывал, откуда может прийти новая беда и как ее избежать. Стук в дверь показался зловещим, и все невольно напряглись, но это оказался командир охраны, пришедший спросить, куда вести девушку с клеткой.

- Пусть подождет в коридоре, – распорядилась настоятельница, но внезапно запротестовал Арвельд.

- Не будь такой жестокой, Тмирна! Я сам обещал Тэлу ее поймать и хочу видеть, чего меня лишили. Пригласи сюда девушку, Седерс, – махнул он ожидавшему приказа другу, – и позови Тэлрода.

Девушка, как и предполагал Олтерн, оказалась в скромном, но удобном сером платье и в маленькой шляпке с вуалью. Не такой густой, какую носила в замке Лэрнелия, но достаточно плотной, чтобы черты ее лица расплывались, словно в тумане. И клетка, которую она несла, как саквояж, в обтянутой перчаткой руке, тоже была тщательно занавешена.

- Я, как охотничья собака перед белкой, скоро начну замирать перед каждой девушкой в сером платье и вуали, – задумчиво признался Олтерн, внимательно следивший за Лэни и заметивший быстрый, многозначительный взгляд герцогини на вошедшую подругу.

Он не сомневался, что тихоня узнала гостью, и не пожелал прятать любопытства, сжигающего его, как ребенка, оказавшегося перед коробочкой с неизвестной игрушкой.

- И напрасно, – насмешливо произнесла Тмирна, – когда нет явной опасности или наши сестры не хотят показать свое ремесло глупышек или тихонь, они ничем не отличаются от обычных девушек.

- Ты специально выдала нам эту тайну? – заинтересовался Геверт и заметил скользнувшие по лицам настоятельница и сестры лукавые улыбки, – хотя... конечно же, когда я в первый раз увидел Лэни, то никак не мог бы заподозрить чего-то особого. Наоборот... она показалась мне слишком...

- Глупышкой, – насмешливо подсказала Тмирна.

- Вот именно, – вздохнул он и оглянулся на молчаливую гостью, – приятно познакомиться, я Геверт.

- Прости, Герт, но она не будет с тобой знакомиться, – мягко сказала Эста, – не нужно это ни тебе, ни ей. А вот и Тэлрод бежит, и с Харом.

- Хар не набросится на кошку? – встревожилась Леонидия. – Ему эта клетка на один зуб.

- До сих пор он не тронул ни одного животного, – постарался убедить ее Геверт и на всякий случай поднялся с кресла. – Но я послежу за ним.

- Я сама послежу, Хар меня отлично слушает. – Опередив брата, Эста встала рядом с клеткой. – Мне все равно пора уходить.

- Пойдем вместе, – кивнул ей Олтерн, – только посмотрим на кошку.

- Матушка, вы меня звали? – Тэл был растрепан, и на его щеках появилось подобие румянца. – А Хар умеет прыгать через кресло!

- Так, может, зря мы доставали из дупла твою Берту? – лукаво осведомилась Тмирна. – Возможно, нужно было сразу ловить тебе ирбиса?

- А вы сумеете? – Глаза юного герцога загорелись надеждой. – Ирбис это здорово. Но Берту я все равно люблю, она очень смелая.

- Так ведь ей есть кого защищать, – загадочно улыбнулась монахиня и коротко кивнула воспитанницам.

Девушки откинули с клетки покрывало и подняли ее немного повыше, так, чтобы видно было всем. На подушечке спала довольно крупная черная кошка с белыми «носочками» на всех лапках и белым клинышком на мордочке, переходящим на шею и живот. И на этом белом животе, наполовину прикрытые пышным черным хвостом, спали два таких же черных котенка, размером примерно с детскую ладошку.

- Это кто, ее дети? – поразился Тэл. – Но я их не видел.

- Она их надежно прятала, - пояснила Тмирна. - Хорошо, что за ней пошли мои люди. Ну, забирай свою кошку, она проспит еще не меньше пары часов, за это время ты успеешь найти ей удобное место. Нам тоже пора идти.

Она не стала ни прощаться, ни предупреждать, просто встала с места и кивнула ученице. Девушка немедленно оказалась рядом с настоящейницей, хрустнула капсула, и в комнате стало на два человека меньше.

- Очень решительная женщина, - озадаченно качнул головой Олтерн и обернулся к жене. - Леона, у Тэла есть теплая одежда? Тебе я дам свой плащ.

- Я сейчас распоряжусь, все принесут. - Эста торопливо шагнула к двери, и братья понимающе переглянулись.

Никогда еще они не видели, чтобы сестренка так откровенно обнаруживала свое беспокойство, значит, у них со Змеем и вправду может случиться ссора.

- Я тоже пойду в столицу, - решительно вскочил с места Геверт. - Даг мой лучший друг, и я хочу быть возле него, когда он проснется.

- Вообще-то он шел спасать меня, - неторопливо поднялся Арвельд. - И к тому же я собирался посмотреть дома в Датроне и купить себе новую одежду. Поэтому подождите еще пять минут, я только уберу документы и возьму оружие.

- Тогда и я успею переодеться, - сообразил Геверт и помчался к двери, обогнав Лэни.

- А на кого вы оставляете замок? Да и герцогство? - встревожился старый Тидгерн.

- На тебя, отец, - спокойно сообщила ему Лэрнелия, - тебе ведь все здесь знакомо лучше, чем кому-либо. Да и Седерс в курсе всех дел, на него можно положиться.

- Я же говорил, что не собираюсь... - начал старый герцог и смолк, заметив ее укоризненный взгляд.

- Не будь таким упрямым, отец. Я знаю, у тебя была нелегкая жизнь... но братьям тоже досталось. Не останавливай их, пусть хоть несколько дней отдохнут.

- Ну, раз ты так считаешь, дочка... - сразу сдался Тидгерн, - пусть идут, я не против. А если и в самом деле гости придут?

- Придумай сам, как с ними поступить. - Лэни надела принесенный служанкой плащ и подняла капюшон. - Ты же герцог. Арви, вы готовы? Уходим.

Глава 25

С порталной площадки Эста направилась прямо в комнаты целителей, не оглядываясь на братьев и герцогскую семью и никого не ожидая.

Да и одета она была вовсе не в костюм тихони или глупышки. «А знатным дамам не пристало разбираться в мужских делах», – усмехнулась девушка, торопливо спускаясь по лестнице. Пропуск, особый браслет, позволяющий избранным гостям гулять по всему дворцу, красовался на ее правом запястье, и Лэни специально держала его на виду, мысленно благодаря Олтерна за предусмотрительность.

Едва ступив на порталную площадку, советник приказал ожидающему его Наерсу выдать такие и ей, и братьям и приставить сопровождающих.

И теперь стражник, который должен был важно топтать впереди гости, возмущенно сопел у нее за спиной. Его попытка забежать вперед и занять подобающее сопровождающему место позорно разбилась о голубой лед, блеснувший в глазах герцогини.

Эста и сама знала, как быстрее добраться до человека, который за несколько дней стал для нее важнее и дороже и родных братьев с отцом, и даже матушки Тмирны. Разумом девушка осознавала, насколько это недальновидно и неосторожно, вот так, до последней капли, открыть свое сердце еще почти незнакомому мужчине, а душой же ясно ощущала, по-другому она просто не сможет.

Возле дверей, ведущих в крыло целителей, обнаружился стражник с очень суровым выражением лица, а неподалеку, в проходном зале, гуляли несколько дам и девиц. Судя по метнувшимся к Лэни взглядам, все они явились за тем же, за чем и она сама. Дождаться пробуждения своих возлюбленных, братьев или отцов.

И совершенно неожиданно для себя тихоня обнаружила среди них баронессу ле Сонди, затянутую в лиловое шелковое платье самого модного фасона с невероятно откровенным декольте. Да в таком платье достаточно склониться к ложу просыпающегося отверженного, и тот тотчас забудет все, о чем вспомнил во сне.

Стремление госпожи Ритолы кого-то утешить Лэни нашла бы похвальным, но почему-то мысль о таком утешении вызвала у нее интуитивное отвращение. И тихоня не стала противиться любопытству, такому естественному для дам ее круга, мило улыбнулась недоверчиво разглядывающему ее браслет стражнику и тихо осведомилась, к кому пришла госпожа Сонди.

– Говорит, жених у нее тут, граф аш Феррез, – нехотя проворчал стражник, совершенно не одобрявший выбор своего нового командира, но не имевший никакого права его осуждать.

– Она нагло лжет, – отрезал позади Эсты голос Арвельда, и в тот же миг герцог смолк, остановленный красноречивым взглядом сестры.

– Наверняка просто обманывается, – мгновенно превращаясь в кокетку, кротко мурлыкнула Лэни, – женщинам свойственно заблуждаться. Вы сюда, ваша светлость?

– Да, дорогая, – мгновенно включился в игру герцог и, подставив сестре руку, обернулся к ее сопровождавшему. – Можешь идти по своим делам. Дальше мы сами.

В коридоре, куда открывались двери спален для бывших осужденных, было пустынно, но далеко не тихо.

За одной из дверей кто-то яростно ругался и бил посуду, за другой стонал так тоскливо, что от этого невыносимого воя на лице Геверта мгновенно проступило виноватое выражение, а у Арвельда заходили на скулах желваки.

– Нужно немедленно уносить его отсюда, – первой сориентировалась нахмурившаяся Эста. – Я не желаю, чтобы Змей проснулся в этом ужасе. У меня есть капсулы в то

поместье, которое дал за работу Олтерн, вы идете со мной или взять охранников?

– О чем ты говоришь, Лэни! Конечно, мы идем с тобой. Капсула отсюда уведет или нужно нести его к башне?

– Полоска почти до верха, – мимоходом взглянула Лэрнелия на хрупкую вещицу, – и как раз на четверых. Там ведь будут слуги, помогут. Но сначала я напишу письмо Олтерну.

– Вы кто такие? – Утомленный и злой целитель, вышедший из спальни, смотрел на гостей с неприкрытым осуждением.

– Я герцог Геверт аш Адерский, – с несвойственной ему надменностью поджал губы Герт. – Пришел забрать советника и друга графа аш Феррез.

– Но насчет него есть особое указание герцога Эфройского. – Голос немолодого целителя стал еще неуступчивее.

– Пять минут назад Олтерн выдал нам вот эти браслеты именно для того, чтобы никто не усомнился в нашем праве, – твердо заявил Арвельд и потряс перед лицом лекаря своим пропуском.

– Не спорьте с ним, – тихо шепнула позади него Эста, – сейчас придет Олтерн.

– Зачем?! – не понял Геверт, но смолк, одернутый за рукав бесцеремонной ручкой сестры.

– Кто? – Целитель все же расслышал слова девушки, – Вы думаете, вам удастся меня шантажировать? Да я его светлости царапины лечил, еще когда он мальчишкой был! И не поверю...

– Добрый день. – Стальной Олтерн стремительно шел к ним по коридору. – Что тут случилось?

– Ах, ваша светлость. – Лэни шагнула к нему и повисла на локте, очаровательно улыбаясь. – Тут какое-то недоразумение... может, найдется свободная комната, где мы можем спокойно поговорить?!

– Конечно, герцогиня, – учтиво улыбнулся советник, но его светло-серые глаза настороженно следили за движениями тихони. – Зукарис, есть тут свободное помещение?

– Третья дверь, – недовольно проскрипел целитель, явно разочарованный своим давнишним пациентом.

– В чем дело? Я Леону с Тэлом оставил в гостиной на полпути к покоям, – пройдя в комнату и дождавшись, пока вошедшие следом Арвельд и Геверт плотно закроют дверь, тихо спросил Олтерн, сразу прекратив улыбаться.

Впрочем, лицо Эсты тоже было невероятно серьезным.

– Олтерн, ты давал Ритоле задание присмотреть за Змеем?

– Нет. А откуда ты про нее... демон, ну это я от недосыпа. Так... а почему ты спросила?

– Она объявила себя невестой Дага и сейчас пытается прорваться в его спальню.

– Что?! Не может быть! Демоны... ведь я ей так платил! У тебя уже есть план?

– Я иду в его комнату, – деловито сообщила тихоня, – а вы все уходите, вас она знает. Но по пути дайте Зукарису приказ пропустить к пациентам всех женщин. Вернетесь через несколько минут... только не спугните. Все, идем. Хотя нет. Олтерн, сразу, как выйдешь отсюда, прикажи запереть все выходы из дворца и перекрыть проход к башне. Никого не выпускать, ни слуг, ни гостей, даже тебя самого, пока ты этот приказ не отменишь.

– Демонская сила, – помрачнел советник и устремился прочь.

Арвельд поспешил за ним.

– Лэни... а как же ты тут одна?! – засомневался Герт, разочарованно посмотрел на мелькнувшую по лицу сестры лукавую усмешку и, вздохнув, кинулся догонять спутников.

– Вот именно, – кивнула вслед ему тихоня и направилась в коридор к поджидавшему ее целителю.

– Так в которой спальне находится граф аш Феррез?

– Последняя справа, – с неприязнью процедил лекарь и торопливо отвернулся, не желая разговаривать с наглой девицей, наверняка очередной фавориткой господина.

Но она и не думала на него обижаться, почти бегом побежала в комнату Змея, мечтая проскользнуть туда незаметно для пронырливой Ритола.

В комнате оказалось почти темно, сдвинутые тяжелые шторы пропускали очень мало света, но тихоне этого хватало. Всего несколько секунд Лэни стояла у постели Дагорда, вглядываясь в мирное лицо любимого, потом тихо вздохнула и оглядела комнату, прикидывая, чем бы отвлечь внимание баронессы. Приготовленная для пациента свежая рубашка, висевшая на спинке стула, показалась девушке вполне подходящим предметом, на тренировках приходилось обходиться значительно меньшим.

Лэни прикрыла мужа одеялом по самую шею, достала из кармана лоскут черных кружев и торопливо повязала по-вдовьи, прикрыв большую часть лица и сразу став почти неузнаваемой. Затем взяла со стула чистую рубашку и сочла приготовления законченными. А едва заслышав за дверью торопливый перестук каблучков, встала так, чтобы, войдя, ее нельзя было заметить сразу.

Открыв дверь, Ритола несколько секунд медлила, видимо, проверяя, не следит ли кто за ней, затем шустро скользнула в спальню и, оставив створку полуприкрытой, метнулась к постели.

– Добрый день, – радостно произнесла Лэни, – я кузина Дага. А вы его знакомая?

– Да, – растерянно пробормотала баронесса, отступая на полшага и пытаясь что-то достать из изящной сумочки, подвешенной у пояса.

– Ой, как мне повезло, – обрадовалась «кузина», – я хотела переодеть брату рубашку, но одна не справляюсь. Вы ведь мне поможете? А потом я собираюсь сходить за питьем, мне кажется, в кувшине уже не совсем свежее.

– Хорошо. – Ритола стала полубезнее. – Говорите, что я должна делать?

– Просто подержите рубашку. Я сейчас приподниму Дага, и вы накинете ее ему на голову. – Тихоня протягивала рубаху, держа перед собой двумя руками, и баронессе ничего не оставалось, как принять этот план.

– Давайте, – отпустив заветную сумочку, Ритола протянула руки и через несколько секунд потрясенно раскрыла рот, обнаружив, с какой немыслимой скоростью и сноровкой «кузина» обмотала их рубашкой и связала рукавами.

А незнакомка тем временем, действуя как заправская ищейка, ловко сняла с баронессы пояс с кошельками и обшарила все потайные места в ее одежде.

– Демон побери, вы что себе позволяете?!

– Тихо, – ласково пробормотала тихоня, толкнув пленницу в кресло, – не шумите. Семья графа аш Феррез хочет поближе познакомиться с его невестой.

– Но я не невеста! – взвизгнула Ритола, с тоскливой злобой глядя на свои вещички, которые незнакомка, назвавшаяся кузиной, складывала на поднос и собиралась завернуть в скатерть.

– Можно? – В комнату ворвался Олтерн в сопровождении братьев Лэни и Наерса. – Ну, есть улики?

– Вот, – показала Лэни на кучку добытых доказательств, – кинжал, полный золота кошель, фиал с неизвестным зельем, ключи, записки и в сумочке порталная капсула в неизвестное место.

– Это все не мое, – придя в себя, с жаром принялась защищаться баронесса, – я не знаю, где она это взяла! Ваша светлость! Вы же знаете меня, я ведь всегда преданно вам служила!

– Не преданно, а продано! Наерс, забирай ее. Вещи я сам принесу, – зло прошипел Олтерн, дожидаясь, пока дознаватель с арестованной выйдут из комнаты, затем повернулся к Лэни: – Спасибо. Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Только совет. Пусть маги проверят, куда капсула, там может быть ловушка. А мы уходим в то поместье, которое ты нам дал. Если нужно будет, пришли письмо. Но больше никому не сообщай, где мы. Как я понимаю, пока никто не знает о том указе?

– Правильно понимаешь, – кивнул герцог, – тогда до свиданья. Мы сейчас тоже уходим, позже я пришлю посылку с капсулами, надеюсь, вы придете к нам в гости.

– Лэни, мы готовы. – Арвельд с Гертом уже завернули спящего друга в одеяло и подняли на руки.

Тихоня махнула рукой, шагнула к братьям, тут же обнявшим ее за талию, и разломила капсулу.

Портальная башня была невысокой, это Арвельд понял тотчас, едва рассмотрев за перилами поблескивающие желтой черепицей крыши дворца. И действительно, удобная лестница вела не на лестничную площадку, а в уютную круглую гостиную с большим камином и цветными витражами в высоких окнах.

Не успели братья донести графа до нижней ступеньки, как распахнулась дверь, и из широкого, хорошо освещенного коридора выскочили несколько слуг и охранников.

– Добрый день, – вежливо произнес жилистый крепыш в камзоле мажордома, – я Милред, управляющий этого дома. Кого имею честь видеть?

– Графиня Лэрнелия аш Феррез, – веско назвала Лэни свой новый титул, – новая хозяйка этого дома. А это мои братья, герцоги Адерские. Где лучшие покои? Помогите отнести туда вашего господина.

– Прошу за мной, – поклонился Милред, сделав знак слугам, и они бережно перехватили у Арвельда одеяло. – А когда прибудет ваш багаж? И коляской или на башню?

– Позже, – строго отрезала Лэни. – Мой муж был ранен и только от целителя. Нам пока не до багажа.

Господские покои оказались в противоположном конце коридора, и, проходя мимо широкой лестницы, ведущей вниз, Лэни рассмотрела начищенный паркет и хрустальные люстры парадного зала, но большого интереса к мебелировке не проявила. Больше всего девушке не хотелось, чтобы Змей проснулся внезапно и забеспокоился, поэтому она желала как можно скорее уложить его в постель. Эста очень надеялась, что в удобной спокойной обстановке муж благоразумнее воспримет все произошедшее.

Однако прошел целый час, прежде чем веки Дагорда, возле которого последние полчаса тихоня сидела не отходя, дрогнули и приоткрылись.

Лэни затаила дыхание и даже губу прикусила, а потом спохватилась и резко опустила на лицо кружево. Ведь он видел ее настоящее лицо очень недолго, и то ночью, да и ни прически, ни платья нормального у нее тогда не было.

– Эста? – Неуверенный шепот обжег горячей надеждой, а загорелая рука мужа уже нашла ее левое запястье и поднесла к распахнувшимся глазам. – Эста-а!

Вторая рука поднялась к плечу девушки, коснулась рассыпавшихся локонов, ласково пропустила их сквозь пальцы.

- Какие у тебя волосы... я помню их на ощупь. Зачем ты закрыла лицо?

- Ты же его никогда не видел... - внезапно смутилась девушка, - я всегда была в маске... или гриме.

- Так открой... или лучше я сам?

- Как хочешь... - Лэни протянула руку и нежно провела по его щеке. - Змей... я так тебя люблю...

- Эста... - Открывая ее лицо, рука мужа осторожно приподняла кружево, потянула, снимая, и отбросила в сторону. - Святые духи, какая ты красивая... похоже, зря я выбросил твою тряпку. Будешь везде ходить только в ней...

- Ах ты, собственник, - счастливо засмеялась тихоня, но долго смеяться ей не дали сильные руки, притянувшие поближе к истосковавшимся жадным губам.

- Зайчик... ты не сердишься за то, что ночью я тебе ничего не рассказала?

- А ты не сердишься, любимая? Ведь я же признавался в любви своей напарнице?

- Нет... я ведь знала, тебя ведет интуиция и не до конца подавленная память. Да и эльвийские браслеты уже действуют... Я чувствовала, как он тебя ударил мечом. Слабо, конечно, но поняла.

- Демон... Эста... но почему ты так легко им сдалась?! Ведь у тебя три кинжала!

- Четыре, не считая маленьких ножей. Но ведь все эти люди такие же обманутые беглецы, как мой брат... И, кстати, когда я не на работе, я не Эста.

- И, кстати, другого имени ты мне не назвала, любимая, как и не сказала, кто твой брат на самом деле.

- Назвала, ты просто забыл, зайчик. Меня зовут Лэни, полное имя - Лэрнелия. А мои братья сейчас сидят в столовой и ждут нас к обеду.

- Но я не хочу никуда идти! Мне тут так нравится...

- Мне тоже, зайчик... очень. Но не забывай про Маста, он тоже хочет с тобой поздороваться. Да и младший из братьев мечтает тебя обнять...

- Ну уж нет, обниматься с мужчинами я не буду.

- А с женщинами?

- Только с одной, и можно без обеда.

- Зайчик, если мы не пойдем сейчас обедать, они обидятся... да и сюрприз пропадет.

- Ты приготовила мне сюрприз?!

- И огромный. Вставай, иди умываться, я пока причешусь.

- Учти, родная, я собираюсь тебя послушаться исключительно для того, чтобы получить сюрприз. А потом мы вернемся сюда... мне прописан постельный режим. Кстати, где это мы находимся? - только теперь задался вопросом Дагорд, оглядывая просторную спальню, богато отделанную резными колоннами из драгоценного мрандового дерева и обитую плотным салатным шелком с изящным потайным узором.

- В нашей спальне, зайчик, - лукаво улыбнулась мужу Лэни, - и более того, в своем доме. И даже в собственном поместье.

- То есть... - нахмурился граф, - хочешь сказать, ты богата?

- Нет, я не хочу этого сказать. - Тихоня не выдержала и нежно поцеловала мужа. - Это мы с тобой уже довольно обеспеченные люди. Этим поместьем Олтерн расплатился с нами за уничтожение своей бывшей жены.

- Правда? Ну тогда это другое дело. - Змей вернул жене поцелуй и крепче сжал ее в объятиях. - В таком случае давай пригласим твоих братьев погостить несколько дней и перенесем обед на завтра... или послезавтра. Сюрприз может и подождать, я терпеливый...

- Зайчик! Поверь мне, они нам такого не простят... а я их очень люблю и не хочу ссориться! Иди уже умываться, пока ты спал, я нашла тебе в гардеробе одежду. Ты ведь не против походить денек в одном из запасных костюмов его величества?!

- Против. Но ради тебя я готов надеть его на один час... не более.

- Жулик, - засмеялась Лэни и нехотя выбралась из его объятий. - Поторопись, а то они придут сюда.

Широкий коридор, или, скорее, проходной зал, в который они попали, выйдя из своих покоев, был освещен осенним солнцем, проникающим через череду высоких стрельчатых окон, и Лэни, искоса посматривавшая на крепко обнимавшего ее за талию мужа, тихонько улыбалась от удовольствия.

Целители вернули волосам Дагорда родной цвет и очень ловко подровняли изуродованные в монастыре пряди, сотворив вполне приличную прическу. Да и нарисованные морщины с кожи смыли и брови привели в порядок, теперь ни один стражник или придворный не будет сомневаться, кого он встретил на лестнице.

- Лэни! - Змей резко остановился и, развернув девушку к себе лицом, заглянул ей в глаза. - Если ты будешь так на меня смотреть, мы немедленно пойдем назад.

- Как я на тебя смотрю? - притворно возмутилась она и тут же сдалась, сама прижалась сильнее, - не могу смотреть по-другому... я так счастлива... ты рядом, и все понимаешь. Как вспомню ту трактирщицу... и еще некоторых...

- Лэни...

- Нужно идти, милый. Они и правда не заслужили такого отношения, ты сам скоро все поймешь. Но я хотела попросить об одной вещи...

- Для тебя я готов сделать все, родная моя. Я ведь тоже все помню. И как ты отважно вышла к костру, и как кинжал мне дала... зная, что я в этот момент живу с чужой памятью и могу сделать какую-нибудь гадость.

- Я верила... ты никогда не был способен на подлость.

- Так о чем ты хотела попросить? - вспомнил Змей минут через пять.

- Не обижайся на моих братьев. Это я запретила им говорить тебе правду... прости. Так было нужно.

- Лэни! Я уже простил. Неужели я настолько похож на самовлюбленного самодура? И на тебя я тоже не могу сердиться... и никогда не смогу.

- Тогда идем, а то вон тот лакей уже три раза поднимал глаза к потолку.

- Ну вот пусть и держит их там постоянно и не пялится на чужих жен, - и не подумал проникаться раскаянием Змей. - И, в конце концов, мы новобрачные, нам положено. Почему ты остановилась?

- Так это и есть столовая. Только не забудь, зайчик, ты обещал!

- Не сомневайся, счастье мое.

В столовой было немного сумрачнее, чем в зале, она выходила окнами на восток, а

солнце уже катилось к западу. Но мужчину, сидевшего в кресле у горящего камина, граф узнал сразу, хотя на нем был дорогой замшевый костюм и рубаха с кружевным воротником.

– Рад тебя видеть, – шагнул к нему Дагорд вместе с женой, и не думая убирать руку с ее талии. – И рад, что вам удалось уйти из поместья Зоралды.

– Я – Арвельд, – сообразив, почему Змей не упоминает его имени, широко улыбнулся герцог, вставая. – Как ты уже знаешь, старший брат Лэрнелии. Самый старший. И я тоже очень рад тебя видеть, Змей, и очень сожалею о твоих ранах.

– Пустяки, все уже почти прошло, – отмахнулся Дагорд, и Лэни хмуро засопела, видела она, как прошло, половина спины еще синяя, а не до конца заживший шрам на голове незаметен лишь из-за волос, которыми прикрыт. – Но мне обещали знакомство с еще одним братом?!

– А мы знакомы, Змей. – Мужчина, стоящий у окна и полускрытый занавесью, развернулся и шагнул к графу. – И я давно считал тебя братом... теперь могу открыто так называть.

Геверт крепко обнял друга, и тот в ответ стиснул плечи герцога.

– Демонские силы... вот это действительно огромный сюрприз... но Герт, ведь твоя сестра погибла! Ты даже надгробие поставил!

– Они бежали с матушкой потайными ходами и пару лет жили у слуг, – пояснил Арви, – потом ушли в монастырь. Но никто из нас этого не знал.

– Стало быть, вы обвели меня вокруг пальца, – догадался Змей и с нарочитой свирепостью уставился на жену. – А я-то, как круглый дурак, полагал, раз Герт влюбился в эту глупышку, то мне нужно вырвать ее из сердца! Хорошо вы тогда надо мной повеселились?!

– Даг, никто и не думал веселиться, – встревожился Геверт, – просто тогда Лэни нужно было отработать у Олтерна... а мы в тот момент считали его одним из главных врагов и понимали, что ей и без того придется туго...

– Просто отправили сестрицу во дворец, чтобы она нашла там себе герцога или очаровала принца, – продолжал «бушевать» Змей, не забывая нежно поглаживать руку жены.

– Зайчик, – Лэни отлично видела озорных чертиков в глазах мужа, но сегодня вовсе не желала играть в кокетку, – перестань пугать слуг, они и так под дверью уже втроем подслушивают. Идем лучше к столу? Кушать хочется, да и новости мы хотели рассказать, среди них есть очень занятные.

– Например, про Ритолу, объявившую себя твоей невестой. – Геверт никак не мог прийти в себя от наглости бывшей любовницы.

– Что? – сразу забыв про шутки, ошетинился Змей. – С какой это стати?

– А вот это сейчас выясняют дознаватели, – устраиваясь за столом, пояснил Арвельд. – Но независимо от тех сведений, какие они узнают, мы с Гертом решили пригласить вас с Лэни погостить зиму в Адере. Ты же сам знаешь, там намного безопаснее, и слуги все проверены не по одному разу.

– Арви, – расслышав тихий вздох мужа, кротко ответила Лэни, – мы посоветуемся. А пока давайте забудем про проблемы, лучше наливай бульон, раз выставил лакея.

Глава 26

– Нет, никуда мы не пойдем, – твердо сообщил граф, выслушав все новости, и заглянул в глаза жены. – Ты согласна, любимая? Не так уж много у Зоралды было преданных людей, чтобы она сумела устроить их во все королевские поместья. Скорее ведьма старалась бы следить за Олтерном, раз он был ей так нужен.

– Я, конечно, согласна, но вот в последнем ты ошибаешься, зайчик, – вдруг заявила Лэни. – Судя по всему, в последние годы он уже больше не был ей нужен. Это доказывает серьезность ловушек, которые на него ставили. Вот подумай сам, она вполне могла отравить или убить Олтерна, когда жила в его замке, но в то время Зора его любила и собиралась биться за свою любовь.

И мятеж устраивала, желая прижать его, поставить в безвыходное положение... но это не удалось. Вот тогда она придумала новый план, создать собственное королевство, закрепить свой статус и однажды захватить мужа, иначе ради чего бы ей держать при себе Леонидию? Только для приманки, более незачем. Однако, судя по ее действиям, примерно года два назад ее прежние намерения резко изменились.

С этого момента ведьма уже желала только одного – отомстить Олтерну, не дать ему чувствовать себя спокойным и счастливым в собственном замке, выместить на нем всю обиду и разочарование. А потом это ей надоело... или, скорее, появилась нужда в деньгах, и она решила его убить и получить наследство. И вот тут прячется какая-то загадка или мы просто не знаем каких-то важных событий, произошедших в жизни ведьмы в это время. И это незнание не позволяет точно определить, почему Зора резко сменила намерения. Возможно, она выяснила, что Олтерн предусмотрительно лишил ее всех прав на свои деньги и теперь наследства ей не видать в любом случае. А может быть, возникло какое-то другое обстоятельство. Ясно только одно, Зоралда собралась разом покончить со всеми врагами, а таковыми она считала троих: герцога, Леону и Змея.

Разумеется, ведьма вовсе не ожидала подарков от судьбы и неустанно плела интриги, подбираясь к своим жертвам. Потому и насторожилась, когда Дагорд сам пришел к ней в лапы, но убивать его не стала, а попыталась воспользоваться этим, чтобы напоследок сделать всем как можно больнее. И теперь меня интересуют две вещи, куда именно шла Зора и кто ее там ждал? Точнее, пока еще ждет, хотя, несомненно, уже начинает волноваться, не получив условленных сообщений.

– Только не говори, будто ты намерена сама его искать, родная, – нахмурился Змей, – напиши обо всем Олтерну, пусть даст указание своим людям.

– Я сделала лучше, – небрежно отщипывая от кисти виноградинку, гордо усмехнулась Лэни, – рассказала все эти соображения в личной беседе доверенному помощнику герцога. И думаю, мы займемся этим делом вместе с ним.

– И кто этот помощник? – немедленно нахмурился Змей.

– Очень обаятельный мужчина... – мечтательно протянула графиня, – и вообще такой...

– Лэни, – не выдержав, с улыбкой предупредил Арвельд, – прекрати так шутить. Иначе Даг или замок Олтерна снесет, или тебя в башне запрет.

– Я чистую правду говорю, – лукаво поглядывая на мужа, кротко сообщила Лэни. – Мы с ним уже ввязались в это дело, нам и распутывать до конца. Не забывайте, Олтерн намерен пару лет хранить имя своей жены в тайне.

– Зря ты ей помешал, Арвельд, – укоризненно посмотрел на герцога Змей и, перехватив руку Лэни с очередной виноградинкой, нежно поцеловал сладкие пальчики. – Мне так хотелось послушать, какой такой вообще? А обо всем остальном поговорим, когда я прочту все отчеты дознавателей.

– Мы прочтем, – мягко поправила Лэни и ловко втиснула в возмущенно приоткрывшийся рот мужа ягодку. – И, как ни печально, начинать читать придется с завтрашнего утра. На послезавтра король назначил торжественный прием в честь своей коронации, и нам необходимо к этому моменту хоть приблизительно представлять, на какие пакости

способен сообщник ведьмы и где он может быть.

– Тогда мы уходим, – решительно поднялся с места Арвельд. – Олтерн попросил помочь дознавателям и судьям, я ведь многих пособников Зоралды знаю лично.

– Хорошо... – задумчиво кивнула Лэни, – встретимся утром. – Не забывайте называть меня Эстой, я буду тихоней.

– И маску не забудь прилепить, – кровожадно поддакнул жене Дагорд, – думаю, тебе вообще нужно везде в ней ходить.

– Никогда бы не поверил, – засмеялся Герт, становясь рядом с братом и крепко хватаясь за его пояс, – если бы мне рассказали раньше, будто он способен на такое заявление.

Послышался хруст капсулы, и братья исчезли.

– Я сам бы никогда такому не поверил, – слегка ворчливо признался Змей и хитровато уставился на жену: – А ты не забыла, любимая, что срок, отпущенный этому костюму, истек час назад?

– Конечно нет, – серьезно подтвердила она, и не собираясь прятать танцующие в глазах смешинки, – и давно думаю о том, что тебе пора его снимать. Герцогский целитель приготовил несколько баночек мазей и велел мазать спину и голову не менее четырех раз в день.

– Извини, родная, – подхватывая Лэни под руку и ведя к двери, лицемерно вздохнул Змей, – но приводить сюда герцогского целителя, чтобы ты его мазала, я не собираюсь. Не такой уж вредный он человек... пусть поживет еще.

Лукаво усмехаясь, тихоня послушно шла рядом. Пусть еще несколько минут, пока они идут к спальне, муж считает, будто такими шуточками можно заставить ее забыть про первую заповедь сестры Тишины.

Если нет непосредственной угрозы жизни, первым делом заниматься ранеными, потом все остальное.

– Кто такие?! – раздался из-за запертой решетки грозный голос стражника.

– Неужели не узнал? – язвительно осведомился Змей.

– Пароль!

– Берта. – Граф дождался, пока им откроют дверь и пропустят внутрь, затем подхватил Эсту под руку и повел вниз. – Даже не знаю, посадить его в карцер за такую наглость или пожалеть ради праздника?!

– Похвалить, – посоветовала тихоня, даже не подумав говорить тише, – он точно исполнил приказ.

– Молодец! – оглянувшись, сказал стражнику Змей и поймал уважительный взгляд, брошенный в спину его спутницы.

Дальше до кабинета старшего дознавателя супруги шли молча, не имея никакого желания никому из слуг и охраны показывать даже краешек того нежного тепла, которое согревало их так долго искавшие друг друга души.

– Привет, Наерс, – поздоровался граф столь обыденно, словно и не ходил тут под чужой личиной и не смотрел еще два дня назад на дознавателя, как на незнакомого человека. – Я привел тебе помощницу. Дашь ей все записи, какие попросит, а мне скажи, где находится Кэнк? Вернее, мой кузен Гартлиб Феррез.

– Добрый день, господин Дагорд, – уважительно кивнул дознаватель, – я все понял. Гартлиб живет в комнатах для гостей, а сидит через три комнаты от меня. Он уже приступил к допросу.

- Спасибо. Я еще зайду перед обедом, – открывая дверь, коротко бросил Змей, и это было напоминание жене о том, что обедать она должна только с ним.

Как будто ей хочется обедать с кем-то другим, молча усмехнулась Лэни, снова прятая лицо под вуалью тихони. Но вот прогуляться по дворцу и немного прислушаться к разговорам слуг и придворных она непременно сходит, только сначала просмотрит бумаги.

Едва войдя в свой кабинет, Змей велел вызвать к нему парочку охранников, из тех, кому полностью доверял, командиров стражников и гвардейцев и Гартлиба.

Первыми явились командиры, получили по листку с указаниями и отправились их исполнять. Затем пришел Гартлиб.

Распахнул дверь, разглядел Змея в форменном камзоле командира герцогской стражи и настороженно уставился на брата.

- Проходи, садись, – кивнул ему что-то быстро писавший Дагорд, – и извини, пока не обнимаю. Плечо и спина еще побаливают.

- Я понимаю. – Кэнк сел на стул, открыто рассматривая кузена. – А ты помолодел и похорошел.

- Всегда таким был, – не поднимая от работы головы, отозвался Дагорд, снял с шеи медальон с личной печатью и прижал ее к документу, – вот, держи. Это распоряжение о передаче тебе родового имени. Я не был там шестнадцать лет и пока снова не имею на это времени. Но, когда все родные соберутся, приду навестить. Геверт несколько лет держит там небольшую охрану, иначе селяне растащат дом по камушку, однако работы очень много. Я помогу деньгами, специально копил.

- Спасибо... Даг. Но это слишком щедрый дар... я не могу...

- Можешь. Кроме тебя, Гарт, некому взять все это в свои руки и привести в порядок, чтобы могли жить наши родичи. И я ведь не предлагаю тебе строить все самому, найми рабочих. Для тебя у меня есть другое предложение. Мне нужны дознаватели, и я могу дать тебе должность... пока младшего. Но это все равно очень хорошая оплата, уважение, связи. Ты уже знаешь, тем, кто пострадал невинно, будет выплачена компенсация, однако в нашей семье она достанется не всем. Тебя приговорили к наказанию памятью и не отправили ломать камень только из-за заключения целителей, которое странным образом изменилось, пока ты лежал в лихорадке. Пропало упоминание о колотой ране, зато появилось утверждение, будто лихорадка болотная, а рана на бедре – след сучка.

- Я столько лет пытался понять... – хмуро усмехнулся Гарт, – кто же это мне так удружил.

- В каменоломнях с ранеными мятежниками особо не церемонились, – глухо сказал Змей и, достав бутылку старого вина, налил по полбокала себе и брату. – Можешь посмотреть на рудничные кладбища. И поверь, это был нелегкий выбор.

- Я даже не думаю, будто это был легкий выбор, – кивнул кузен, беря бокал. – Спасибо за предложение. Оно мне подходит... только я хотел задать вопрос... об одной женщине.

- Забудь, – категорично отрезал Змей. – Забудь обо всех женщинах и помни только одно, ты их никогда не видел и видеть не желаешь. И ничего не знаешь ни о какой-то госпоже, ни о ведьме. А если успел кому-то рассказать, очень настоятельно посоветуй забыть.

- Вот как, – понимающе прищурился Гарт, – ясно. Но я не успел сказать, а вот кто-то ночью говорил, и несколько человек слышали.

- Этот кто-то многого не знал, а всем, кто слышал, уже дали такой же совет, как и тебе. Еще, Гарт... девушка, которая была со мной в горах, и моя жена – это две совершенно разные женщины, и об этом тоже нужно помнить и молчать.

– Весело ты живешь, – озадаченно присвистнул кузен, – я запомню. Кто мой непосредственный командир?

– Наерс, можешь идти к нему и обрадовать. Только одна просьба... если что-то вспомнишь или услышишь странное или необычное, если тебя насторожит или заставит сомневаться любая мелочь, – не молчи ни минуты. Сразу иди ко мне или Наерсу.

– Понятно. – Гартлиб поднялся к двери, взялся за ручку и вдруг вернулся, шагнул к столу вплотную, уставился на брата полными боли глазами. – Прости. Я ничего не мог сделать в тот момент, она заставила всех нас выпить зелье. И приказала им немедленно меня убить, если заметят хоть малейшее послабление пленникам, если я вам воды дам или веревки сниму. Я не боюсь смерти... но тогда я ничего не смог бы для вас сделать. Она не догадывалась о том, что ее зелье на меня уже не действует, и я надеялся пробраться ночью в камеру. Но не получилось... даже вернуться было некуда, она велела одному из моих спутников обрушить вход гномьим порошком, я понял это слишком поздно.

– Гарт, поверь, я не обиделся. Вернее, уже знаю, как все было на самом деле, и вовсе не собираюсь тебя упрекать. Зато потом ты меня спас... квиты. Иди.

– Спасибо.

Не успел кузен Змея уйти, как в кабинет вошли двое вызванных графом воинов. И уже через минуту, получив секретный приказ охранять помощницу Наерса и следовать за ней везде, куда бы она ни пошла, отправились выполнять поручение, искренне радуясь удаче. Не каждый день выпадает такое легкое задание.

Лэни обнаружила охрану только за пару часов до обеда, когда, перечитав кучу документов и отправив матушке письмо, решила немного побродить по дворцу в платье горничной. Достать его по просьбе Наерса помогла смышленная служанка, принеся им по звонку горячий чай и печенье. Для преображения тихоня воспользовалась кладовой дознавателя, надела форменное платье прямо на свой рабочий костюм, сняла шляпку и натянула присланный утром из монастыря черный парик с синим шелковым бантом. Подправила сделанный еще дома грим невзрачной девицы и, помахав завистливо вздохнувшему коллеге, вышла из кабинета.

Двое воинов, небрежно игравших в кости на скамье неподалеку от двери, как будто не обратили на нее никакого внимания, однако не успела тихоня дойти до угла, как услышала позади скрип скамейки и звук сдвоенных шагов.

Сначала Лэни еще сомневалась, но, спустившись по лестнице на первый этаж и сделав по коридорам хозяйственной половины несколько резких поворотов, окончательно убедилась, это действительно ее телохранители. И хотя тихоне очень приятна была забота мужа о ее безопасности, ходить всюду с эскортом она вовсе не собиралась.

Простое и необходимое решение пришло само, когда Лэни столкнулась в одной из комнат с вытирающей пыль горничной с синим бантом, дающим служанке право на доступ в покои гостей, и точно таким, как у нее самой.

– Тебе велели отнести чай в кабинет господина аш Феррез, – уверенно сообщила девушке Лэни. – Тут я сама убегу.

И едва та вышла из комнаты, поспешно сорвала с головы синюю ленту и сунула в карман, приколов к парик загодя завязанный наподобие бантика беленький платочек. Ничего другого в кармане не нашлось, но девушка ни секунды не сомневалась в правильности своих действий. Если охранники сосредоточились на цвете банта, то и не подумают подробно рассматривать каждую служанку, носящую банты других цветов.

Ловко натирая брошенной служанкой тряпкой завитки на массивном буфете, тихоня держалась второй рукой за угол и ждала, заглянут ли охранники в комнату или нет.

Заглянул. Тот, который выглядел старшим. Верный камень в браслете показал небрежный взгляд человека, не обнаружившего ничего интересного, и дверь закрылась. Тихоня метнулась к ней, прислушалась к удаляющимся шагам, вернула синий бант на

место и выскользнула прочь. Нужно было торопиться, Змей обнаружит ее пропажу очень скоро.

В столовой для прислуги сидела строго поджавшая губы экономка, считавшая это место чем-то вроде личного кабинета. И видно всех слуг, и можно проследить за болтливыми девчонками, так и норовившими подольше посидеть без дела.

– Ты кто такая? Новенькая? Допускать к гостям разрешено? Дворец знаешь? Плохо, наверное, будешь помогать Гилии. – Экономка явно относилась к тем людям, которые всегда сами отвечают на свои вопросы, не ожидая, пока найдется по-настоящему достойный собеседник. – Бегом на кухню, нужно отнести в гостиную на втором этаже напитки и выпечку, там знатные дамы обсуждают завтрашний прием у короля.

Лэни плохо представляла, как можно обсуждать завтрашний прием, но сделала самое кроткое и послушное выражение лица, учтиво поклонилась и помчалась искать неизвестную Гилию.

И уже через пять минут тащила вслед за худощавой женщиной средних лет накрытую белоснежной салфеткой ажурную серебряную корзинку с булочками и пирожными.

Дамы работали усердно, судя по пустым подносам и вазам; на столе лежал многократно исправленный список, а в глазах собравшихся стыло разочарованное утомление.

– Осталось выяснить, – устало вздохнула одна из дам, не обращая внимания на расставлявших по столу угощение служанок, – кто прибудет из дома герцога Каридского и кто из Адера, и можно рассчитать все цвета.

– Но цвета Геверта белый, голубой и серый с серебром. Значит, алый лучше вычеркнуть совсем...

– Но если они наденут серое, то можно и не вычеркивать... – неуверенно пробормотала одна из молодых дам и смолкла, получив полный глубокого осуждения взгляд.

Лэни начала разливать чай чуть медленнее, ей хотелось понять, что такое тут планируется против ее братьев, и в этот момент дама болезненного вида, сидевшая у самого камина, сказала фразу, задевшую Лэни больше, чем упоминания о Герте.

– Но если Ритола точно вышла замуж за Змея, то она способна испортить всю картину. Она просто обожает слишком яркие платья... как бы узнать поточнее?

Этот вопрос прозвучал явно не в первый раз, и, похоже, даже не во второй, так как собеседницы не бросились обсуждать такую горячую новость с подобающим жаром, а лишь небрежно дернули кто губкой, кто плечиком и потянулись за чашками и свежими пирожными.

Закончив сервировку, горничные мышками выскользнули из комнаты, но госпожу, задавшую вопрос про Ритолу, Лэни запомнила очень хорошо. И хотя была почти уверена, что эта дама не может быть шпионкой покойной ведьмы или ее сообщников, в необходимости ее допроса не сомневалась. Но сначала Лэни собиралась поговорить со своими новыми «подругами» и выяснить, кто такие эти дамы и почему Олтерн вообще разрешил им тут собираться. Хотя последнее вполне можно было узнать и другими способами, например, спросить собственного мужа или написать матушке и Розе. Но все-таки именно горничные обычно замечают такие детали и словечки, которые не приметны никому, кроме них.

Однако, едва свернув в ведущий к кухне коридор, тихоня обнаружила стоящую посреди него ожившую статую, подозрительно похожую на ее собственного мужа. И судя по тому, с каким почтением служанки и лакеи обходили его, почти прижимаясь к стеночке, лицо Змея не выражало сейчас ни доброты, ни терпения.

И хотя Лэни вовсе не собиралась бегать от любимого мужа и не успела еще даже придумать, как поступить, скрыться или продолжать спокойно идти дальше, какая-то неведомая сила мгновенно дернула ее назад и в сторону, придержала за колонной, пока спутница ушла вперед. А потом, точно рассчитав варианты, повела в узкий коридорчик, ведущий к черной лестнице, по которой слуги поднимались в свои спальни на третьем этаже.

И уже взлетая стремглав по этой лестнице, Лэни поняла, это включилась отточенная многолетними тренировками интуиция тихони, где-то в глубинах подсознания просчитавшая, что встречаться со Змеем, особенно вот таким, пышущим благородным гневом, ей никак нельзя. Слишком яркой и увлекательной для приметливых служанок, наверняка через одну тайно влюбленных в нового командира охраны, получится эта встреча, слишком много поймут они из даже самых сдержанных фраз... если Змей на такие еще способен.

И тогда ей можно забыть о своем ремесле, которому отдано столько времени, сил и души, и останется только сесть рядом с утомленными дамами возле корзины с пирожными и полдня обсуждать, кто в каком платье должен явиться на бал, ведь именно этим, если Лэни правильно поняла, они занимались с таким рвением.

На площадке второго этажа тихоню ждал сюрприз – один из ее охранников. Она издала услышала его мрачное сопение и угадала по нетерпеливому постукиванию ноги готовность воина на любые действия, лишь бы исправить свою оплошность, выловить подопечную и доставить командиру. И вот это было бы еще хуже, чем если Лэни подошла к мужу сама.

Появление новенькой горничной, которую к Змею ведет суровый охранник, крепко уцепив за руку или плечо, чтобы не вырвалась, равносильно торжественному объявлению герольда в главном зале дворца. И потому Лэни заранее вытащила из крохотного кошелька заветную горошинку и с сожалением зажала между пальцами.

Приходится выбирать между бережливостью, привитой Тмирной, и разоблачением.

– Стойте, госпожа! – строго проговорил охранник, заступая путь выскочившей на площадку девушке с совершенно непримечательным личиком, и она послушно приостановилась и даже подалась ему навстречу.

А в следующий момент резко вытянула вперед руку, бросив прямо в лицо не успевшего отклониться воина щепотку чего-то невесомого, и, ловко поднырнув под руку, помчалась дальше.

Само собой, он прыгнул следом и почти ухватил за подол, но девчонка оказалась быстрой и ловкой, как корабельный юнга. Разозленный новой неудачей воин бросился за ней, но тут в носу и в глазах запекло, а дыхание перехватило спазмом кашля.

– Ах ты, паршивка! – взбеленился мужчина, но дышать становилось все труднее и пришлось мужественно признаваться себе в неудаче. Стражник выхватил из-за пазухи свисток и поспешно приложил к губам.

Однако опоздал он и тут, и свистеть уже тоже не мог, сотрясаемый непрекращающимся кашлем.

Глава 27

А Лэни уже добежала до следующей лестницы и стремительно помчалась вниз, благодаря Святую Тишину за помощь. И заодно удачу, как раз наступило время обеда, и потому ни в коридорах, ни на лестницах не было ни одного лакея или служанки. В такие часы все заняты подачей еды многочисленным придворным и домочадцам. Да и празднующихся гостей тоже не видно, эти поторопились занять лучшие места в столовых.

В коридор, ведущий к кабинету Олтерна, девушка свернула, уже успев продумать свои действия, и теперь шла хоть и торопливо, но твердо, как человек точно уверенный в правильности своих поступков.

Как оказалось, она не ошиблась в расчетах, герцог уже был в замке, об этом можно было издали понять по стоявшим у двери преданным телохранителям.

– Привет, Рис, Олтерн один? – дружески кивнула тихоня знакомому охраннику, и тот мгновенно расслабился, узнав по голосу и глазам девушку, несколько дней назад выполнившую их работу.

– Добрый день, госпожа Эсталис, пока один.

– Доложи.

– Господин, – приоткрыв дверь, спросил Рис, – пришла госпожа Эсталис.

– Пропускай ее всегда без вопросов, – донесся из кабинета голос герцога.

– Добрый день, Эста, – широко улыбающемуся девушке Олтерну хватило мига, чтобы сообразить, кем сегодня работает графиня. Несомненно, снова глупышкой. – Проходи, садись.

– Некогда, Олтерн! Я от мужа сбежала, – нарочно трагическим голосом прошептала тихоня, чтобы герцог немного осознал серьезность момента и перестал светиться, как начищенный к празднику светильник.

– Что?! – И в самом деле нахмурился он. – Ты не шутишь?!

– Ни капли. Он приставил ко мне охранников, а мне нужно было послушать разговоры слуг. Ты же понимаешь, между собой они не церемонятся, и можно узнать много интересного, если умеешь искать. Ну и сбежала я от охранников... а теперь он меня ищет.

– Но ведь такие поиски сразу раскроют тебя перед всем замком, Змей же должен понимать?!

– Он понимает, Олтерн, – печально вздохнула Лэни, – но моя безопасность ему дороже.

– Ну, тут я его тоже понимаю, – честно признался герцог, едва представив, как бы себя чувствовал он сам, если бы его Леона ходила по кухне в фартучке и подавала тарелки придворным кавалерам.

– Я сама его понимаю, – еще горше вздохнула тихоня и вдруг насторожилась. – Олтерн, он идет сюда. Я спрячусь в умывальне... а ты поздоровайся с ним и иди, проверь, как там порядок в замке.

– Ладно... – не успел еще проговорить герцог, а графиня уже исчезла за дверкой в углу кабинета. Слава святым, его Леона не тихоня!

Змей злился. И больше всего на себя самого. За вспыхнувшее в душе сумасшедшее пламя, в котором вмиг сгорели его привычная рассудительность и осторожность, едва откуда-то повеяло даже не угрозой, а намеком на опасность для Лэни. И в голове не осталось ни одной мысли, кроме как найти, схватить, унести, спрятать свою глупышку так, чтобы не добрался ни только злодей, а даже сквознячок.

И ведь в то же самое время жило в душе горьковатое понимание непреложной истины, его Эста далеко не обычная герцогиня, выросшая в гостинной за пальцами, а сестра Тишины, опытный и умелый мастер в своем деле. Лучшая, как все время подчеркивает Тмирна.

Хотя только этому пониманию и должны говорить спасибо все стражники и слуги дворца за то, что спокойно кормят обедом гостей и обедают сами, а не обшаривают пядь за пядью комнаты и залы в поисках его жены.

Разумеется, он предпринял меры, и сейчас никто не подозревает, для чего на самом деле по кухне с подозрительным видом ходит один из дознавателей, размахивая зачарованным от ядов амулетом над котлами и жаровнями. Все считают это просто мерой предосторожности, ведь недавние покушения на герцога не успели стереться ни из чьей памяти. И только сам Змей да два его помощника точно знают, кого они ищут. Совсем не отраву, а ловко ускользнувшую из-под присмотра помощницу Наерса.

Мысли о том, что скажет своему зайчику сама Эста, когда он ее найдет, граф старательно задвигал как можно дальше, главное, что он ей скажет. Вернее, о чем напомним...

Змей не сдержал блаженной улыбки, вспоминая ее нежное лицо, освещенное пламенем единственной свечи, тихий счастливый смех в ответ на его опасливый вопрос. И уверенный ответ – конечно хочу, милый, мечтаю, чтобы у нас был сынишка.

Листики и цветочки на запястье словно шевельнулись и потеплели, обдавая пониманием приближения жены, и Змей мгновенно принял самый строгий и неуступчивый вид. Не стоит показывать любимой, что воспоминание об обещанном наследнике повергло его в самое благодушное настроение. Иначе она так и будет рисковать собой и своим будущим ребенком, которого Святая Тишина уже вполне могла вознамериться им подарить.

Несколько минут цветочки становились все теплее, оживая как под лучами солнца, и Змей, напрягшись, ждал: вот сейчас, еще пара секунд – и она появится из-за поворота коридора. Но появилась и опасно скользнула на кухню совсем другая женщина, хотя графу показалось, будто краем глаза он заметил промелькнувший подол форменного платья.

Дагорд даже счел сначала, что обманулся, но через минуту, когда на душе появилось ощущение все увеличивавшейся пустоты и цветочки на запястье как-то остыли и словно привяли, вдруг понял, она действительно недавно была рядом. И теперь уходит.

Змей повернулся и, стараясь шагать размеренно, пошел прочь, постепенно все ускоряя шаг и ощущая, как разрастается в душе тревога.

Почему Лэни ушла?

Какую опасность, спугнувшую ее мгновенно, как осторожную сороку, могла заметить тихоня? Граф пытался припомнить, не было ли неподалеку чего-то или кого-то, но в памяти остались только деловитые слуги, тихо, как запуганные мышки, пробежавшие мимо него.

Кашлявший охранник выбрался навстречу Змею из коридорчика для слуг и в промежутках между кашлем и руганью сообщил, что девчонка сбежала в сторону лакейских спален, бросив ему в лицо какую-то гадость.

– Болван, – зло рыкнул на него Дагорд, – за каким демоном ты ее вообще хватал? Тебе приказали охранять девушку, а не ловить! Она ведь не преступница! Запомни, если с нею случится беда, то я первый оторву вам головы. А потом придет Олтерн, приставит и открутит снова!

И помчался в указанном направлении, с каждой секундой все сильнее начиная убеждаться в неприятном открытии. Не нужно быть великим дознавателем, чтобы сообразить, от кого именно убегает Эста. От него самого, демон его побери!

А это может означать только одно, вольно или невольно он чем-то нарушил ее планы или даже рассердил свою глупышку. Или даже обидел? Но она ведь умная и должна понимать, раз есть подозрение, что в замке, несмотря на чистку, остался преданный

ведьме человек, то именно Эста подвергается опасности больше других, почти так же сильно, как герцог и сам Змей.

Пробежав по коридору до очередной лестницы, Дагорд задумался, а куда дальше? И с чего начать разговор, когда он ее найдет? А найдет он обязательно, хотя звать охранников больше не будет. Просто попытается научиться пользоваться своим браслетом, как путеводной нитью.

Оказалось, это не так и трудно, нужно всего лишь выбрать один цветочек и внимательно на него смотреть. Дагорд специально возвращался туда, где жены быть не могло, и цветочек начинал еле заметно бледнеть, потом шел к лестнице, поднимался на десяток ступеней...

Всего несколько таких опытов – и вскоре граф уже уверенно шел по коридору, сворачивал в знакомое крыло, начиная подозревать, что знает, куда именно она бежала, спасаясь от погони.

Тяжелая обида поднялась откуда-то из глубины души, заставила остановиться у окна, перевести дух и попытаться разобраться, почему она прибежала за помощью к Олтерну, а не к нему?! Неужели считала мужа непробиваемым тираном, который запрет ее в кабинете или даже отправит домой? Или рассердилась за приставленных охранников и теперь не хочет вообще с ним разговаривать?! Неужели же обиделась... не подумала, ради чего он это сделал?! Или не поняла, как больно Змею было там, на леднике, когда он увидел бегущие между ее пальчиков алые струйки?!

А ведь Эста даже не подозревает, как несколько острейших ножей разом вонзилось в самое сердце Змея, когда его напарницу грубо связывали сразу трое злобно сопящих безжалостных бандитов?! Нет, испытать эту боль еще раз он не желает ни за какие блага на свете. А ведь тогда Даг еще не знал, кто она на самом деле, и не догадывался, сколько прав имеет на ее защиту.

И как теперь объяснить жене, куда она должна бежать со всеми своими сомнениями и вопросами? Именно к нему, своему мужу и защитнику, а вовсе не к чужим, хотя и надежным мужчинам или братьям! Отныне он сам намерен всегда разбираться и в ее тревогах, и в собственных поступках!

Дагорд сильнее сжал зубы, развернулся и решительно направился к двери в кабинет, с досадой ощущая, как с каждым шагом исподволь тает его уверенность в своих выводах и действиях.

– Добрый день.

– И тебе добрый. – Герцог, стоявший неподалеку от двери, заговорщицки подмигнул Змею и направился к выходу, – подожди меня тут минутку, срочное дело.

И уже взявшись за ручку двери, красноречиво показал графу глазами в тот угол, где был вход в умывальню.

Змей застыл на месте столбом, осознав, что Эста от него спряталась.

От бандитов не пряталась, в ловушку шагала спокойно, как на ковер, и даже от Зоралды сбежать не пыталась... да вообще никогда не отступала, наоборот, еще и его в авантюры втягивала. А вот теперь и убежала, и спряталась... после всех нежных обещаний и признаний, после всего, случившегося с ними за эти дни и ночи?!

Демонская сила, да как же он умудрился так запугать или обидеть любимую? Чего не додумал или недопонял? И как сейчас идти в эту умывальню, какие слова говорить, как смотреть в глаза, полные тревоги или, спаси Тишина, даже ужаса?! Как преодолеть внезапно вставшую между ними стену непонимания и недоверия?!

Дагорд стиснул зубы, как от боли, и, тяжело ступая, прошел к окну. Встал вплотную, вцепился руками в раму, прижался лбом к стеклу, пытаясь побороть растерянность и унять обиду. А заодно понять, как жить дальше, если он никогда даже не предполагал, что можно так мучиться раскаянием за поступок, сделанный из самых лучших побуждений и с самыми благими целями.

Тихих, словно поступь Хара, шагов жены Змей не слышал, но о приближении Эсты понял по согревшим запястье цветочкам. Однако обернуться не смог, закаменел спиной, ожидая холодных колких слов и гневных упреков.

Теплое тело прижалось к спине, тонкие руки обняли, сомкнулись на груди, потом расцепились и осторожно погладили нежными пальчиками напрягшиеся мышцы.

– Он очень злился?

– Кто? – не понял Змей, чувствуя, как стремительно тают обиды и подкатывает к горлу тугой комок.

– Тот охранник...

– Нет... но я на него еще и накричал, – отпустив окно, Даг осторожно положил прохладные ладони на ее руки.

– Тогда можно не извиняться. – По голосу жены Змей понял, что она облегченно улыбнулась.

Маленькая капсула появилась в ловких пальчиках ниоткуда, раздался хруст, и на Змея обрушился голубой простор неба, с которого светило не спрятанное ни за одно облако нежаркое солнце, редкий для осени подарок.

– Я хочу пообедать дома, – сообщила тихоня, так и стоя за его спиной, и только теперь граф сообразил, она задумала все это заранее, потому и держала наготове капсулу.

– Лэни... – Змей резко обернулся, поймал ее в объятия, спрятал лицо в шелке волос, на которых уже не было ни дурацкой вуали, ни шляпки. – Я...

– Я все понимаю, зайчик. – Виноватая нежность, прозвучавшая в ее голосе, с оглушающей скоростью растопила в душе графа все остатки обиды и сомнений, и взамен там вспыхнули совсем другие чувства.

– Лэни... солнышко мое... я так боюсь за тебя... – в промежутках между поцелуями признавался Змей, ведя жену по лестнице. – И еще, оказывается, совсем не знаю, как другие семейные люди решают важные вопросы...

– Я тоже... – отвечая на поцелуй, шепнула ответное признание Эста. – Но я очень тебя люблю... и постараюсь научиться.

Вернувшись через полчаса в свой кабинет, Олтерн никого там не застал, хотя охранники доложили, что из кабинета никто не выходил.

Никого не нашлось и в умывальне, войти в которую герцог решился далеко не сразу. Зато потом, усевшись к столу, герцог обнаружил две записки, написанные на разных листках, но одним и тем же почерком.

На верхнем листке стремительно летящими буквами была начертана всего пара слов: «Ушли обедать!».

Олтерн успокоенно улыбнулся и загнал поглубже завистливый вздох, он и сам был не прочь пообедать дома. Посидеть на диване в любимой гостиной южного замка, той, которая находится на третьем этаже в угловой комнате и обращена к морю широким балконом. И снова крепко держать в кольце рук Леону, положившую на его плечо голову так доверчиво, что в носу начинает щипать от давно выжженных жизненными напастьями слез.

Вторую записку он прочел два раза и несколько минут размышлял, как поступить со старой маркизой Китерой Твигерн, родной тетушкой Фиренса Твигерна, богатого вдовца и потому желанного жениха для почти десятка знатных невест из отряда старых дев.

Маркиза вполне могла искренне озаботиться нарядом Ритолы, которую незадолго до последних событий всячески отваживала от немолодого племянника, годящегося

тетушке по возрасту в младшие братья. И точно так же могла выполнять чье-то задание, но Олтерн не знал ни одного надежного способа, каким можно заставить госпожу Китеру признаться. Несмотря на кажущуюся болезненность и хрупкость, эта дама обладала невероятным упорством и ее невозможно было заставить, припугнуть или подкупить.

– Добрый день, ваша светлость, – дружно приветствовали герцога братья Лэрнелии, появляясь в двери кабинета. – А где Дагорд?

Олтерн насмешливо кивнул и помахал листком бумаги.

– Можно прочесть? – Арвельд оказался у стола первым, прочел, задумался. – Эста писала. Странно. Неужели тут не нашлось бы места, где можно пообедать?! Не слишком ли шикарно тратить на это капсулу? Она вовсе не мотовка.

– Зато не шикарно, чтобы помириться, – буркнул Олтерн. – Садитесь, рассказывайте новости, сейчас придут Наерс и Гартлиб, Змей его назначил дознавателем. А вы пока прочтите кусочек разговора, услышанный Эстой.

– Мы пока хотели бы узнать про Эсту и Змея, – не купился на деловой тон Арвельд. – И поподробнее, они оба нам небезразличны.

– Я никогда не поверю, будто сестра могла сделать нечто неподобающее. – Геверт точно помнил, это он настаивал, чтобы Лэни не бросала ремесло, и готовился защищать ее от любых обвинений.

– Змей приставил к жене охрану, – хмуро глянул на него Эфройский, – а она пошла прогуляться по замку в платье горничной. Я уже расспросил своих людей, слежку Эста заметила быстро и обвела парней вокруг пальца, отправив к Змею другую служанку в таком же платье. Охранники проследили, как девушка принесла чай и спокойно уходит, и спросили у Дагорда, нужно ли ходить за ней и дальше. Разумеется, он сразу все выяснил и начал ее искать. А она прибежала сюда. Потом пришел Змей, и я сразу ушел: Эста заранее попросила. Думаю, теперь уже волноваться не стоит. Расскажите пока, нашли хоть что-то интересное?

– Немного, – еще хмурясь, признался старший из братьев. – Как выяснилось, тех, кому ведьма полностью доверяла, было очень немного, и мы с Кэнком в их число, разумеется, не входили. Да их вообще знали очень немногие, кто-то слышал случайное слово, кто-то отвозил в условленное место запертые тяжелые сундуки и видел, как их забирали люди, похожие на обычных бродяг. И только один из тех, кто хорошо меня знает, рассказал, что такие посылки ведьма отправляла за последние пару лет довольно часто, а среди бродяг он узнал одного из мятежников, освобожденных в числе первых. Про этого человека известно немного. Он довольно хитер и сумел избежать отправки в каменоломни, переодевшись в кучера, а настоящий кучер в это время в его одежде попытался сбежать и попал в магическую ловушку.

– Демонская сила, – зло хлопнул по столу пачкой бумаг Олтерн. – Мне все больше хочется собрать всех работавших тогда судей и дознавателей и предъявить им эти записи. Хочется послушать, как они будут выкручиваться.

– Не стоит, – твердо заявил от двери женский голос, и все мужчины резко обернулись в ту сторону.

– Матушка Тмирна! Но ты же собиралась отдохнуть и переделать свои дела!

– И отдохнула, и сделала, – насмешливо сообщила она, проходя к стоящему у камина дивану. – Прикажи, Олтерн, чаю принести, погорячее, у нас уже первая метель.

Глава 28

- Лэни, а может, больше не пойдешь сегодня в Эфро? – задавая этот вопрос, Змей и сам понимал, как глупо надеяться услышать в ответ «да», и все же не мог не спросить.

- Зайчик... – Тихоня подняла на мужа глаза, теснее прижалась к его груди и лукаво шепнула: – Да с удовольствием. Только одно условие, ты остаешься со мной.

- Как ловко ты умеешь выкручиваться, – почти всерьез разочаровался граф.

- Ничуть. Говорю истинную правду. Ну, представь себе, я ушла в Эфро, а ты остался тут, какое у тебя будет настроение?!

- Гадкое, – честно признался Змей и попытался применить испытанный аргумент, – но я ведь мужчина...

- Ты, между прочим, сейчас усомнился в моей любви, – укоризненно вздохнула девушка. – По-твоему, если я останусь тут без тебя, то буду весело напевать и спокойно кушать малиновый десерт?!

- Нет... – сокрушенно вздохнул граф, убедившись в слабости своего аргумента, – не будешь. Тогда собирайся, где твоя вуаль?

- Не будет вуали, – нежно улыбнулась ему Лэни, – сегодня ты идешь в Эфро с женой. За нею и уходил. И ночевать мы сегодня будем в тех покоях, которые тебе выделил Олтерн.

- Эста! – мгновенно напрягся Змей и пристально уставился ей в лицо. – Почему ты поменяла свое решение? Ты же хотела на завтрашний бал прийти с братьями!

- У матушки теперь другие планы, – нежно поцеловав мужа, невозмутимо сообщила Лэни, выскользнула из его объятий и направилась в гардеробную. – Но постарайся больше не называть меня сегодня Эстой. Иначе мне придется устраивать сцену ревности.

- Раньше я завидовал дроу, и, как теперь уверен, зря. Не понимаю, как они не путаются в своих женах, – шутливо проворчал себе под нос Дагорд, но Лэни, разумеется, услышала.

- Мне кажется, кто-то хитрит, – отозвалась тихоня, – и придумывает новый способ не пустить меня в замок. А ведь я собираюсь весь вечер заниматься именно тем, чем ты и мечтал меня занять, сидеть в гостиной со знатными дамами и кушать пирожные. Ты только представишь им меня... но постарайся забыть сообщить, чья я сестра.

- Заранее соболезную этим сорокам, – сообразив, какая именно тема волнует его жену, развеселился Змей, – но с удовольствием исполню твою просьбу. Ты еще долго?

- Я уже готова. – Лэни выпорхнула из гардеробной и, лукаво улыбаясь, уставилась на ошеломленного мужа. – А ты?

- А я думаю, – приходя в себя, с сомнением протянул граф, – может, и правда, останемся лучше дома?!

- Зайчик... не шути так.

- Хорошо, – со вздохом согласился Змей, привлек жену к себе и со вздохом осторожно коснулся губами ее щеки, как ни обидно, времени еще раз подкрашивать губки у нее не осталось. – Но как только мы найдем всех сообщников ведьмы, сразу устроим себе праздник на несколько дней. Только ты и я. Обещаешь?

- Конечно. Неужели ты мог сомневаться?

- Вот в том-то и дело, что нет, – вздохнул он расстроено и, накинув на жену плащ, обнял ее крепче, ожидая, пока тонкие пальчики сломают капсулу.

- Тмирна? – Устроившийся напротив настоятельницы герцог подозрительно

рассматривал, как женщина неторопливо, со вкусом пьет чай, аккуратно откусывая ломтик орехового рулета, как тщательно выбирает сладости и снова подливает себе чайку. – Мне кажется, или ты специально тянешь время? Кого мы ждем?

– Графа аш Феррез с женой, – кротко улыбнулась в ответ монахиня и взяла очередное печенье.

– Значит, ты уверена в их приходе, – отметил вслух Олтерн. – И могу поклясться, уже придумала какую-то интригу. И теперь мне интересно, какую?

– Всем интересно, – невозмутимо кивнула женщина, – поэтому, пока не придет Лэни, рассказывать не буду. Выпейте пока чайку, потом не скоро доведется. И кстати, выдай страже приказ пропустить с башни новых фрейлин, шесть человек, они придут через четверть часа после Лэни.

– А тебе известно, когда придет она? – заинтересовался Геверт, поглощавший рулет с таким же аппетитом, как настоятельница.

– Уже идет, – мягко улыбнулась герцогиня Адерскому Тмирна, и Олтерн, ругнувшись про себя, поспешил к двери, чтобы отправить на башню телохранителя с указаниями.

А выдав приказ, заметил свернувшего в коридор Змея, бережно ведущего под руку женщину в наряде знатной дамы, и остановился у двери, поджидая, пока они подойдут.

Но по мере того, как привлекавшая внимание всех стражников парочка подходила ближе, лицо герцога хмурилось все более озадаченно. Он еще вчера рассмотрел, что герцогиня Адерская довольно хорошенькая без страшного грима глупышки, но командир его охраны вел настоящую красавицу. Умело подведенные глаза, оттененные подкрашенными ресницами, стали глубже и синее, волосы, собранные в высокую, обернутую серебряной сеточкой прическу выглядели благородной короной старинного рода, а несколько шаловливых локонов, словно случайно упавшие на белую шейку, казались свитыми из золотистого шелка. Темно-зеленое кашемировое платье было элегантно той изысканной простотой, которая никогда не выходит из моды и никогда не бывает смешной. Тонкость талии подчеркивала шнуровка, плечи и подол украшали вышитые шелком того же цвета изящные узоры, в ушах и на шее красовались драгоценности с изумрудами, подобранные самим Олтерном и перекликающиеся с фамильным кольцом графа.

Но больше всего, совершенно неузнаваемо преобразила утреннюю тихоню уверенная свободная походка и горделивая, чуть небрежная осанка.

– Я глубоко ошибался, – с показной печалью вздохнул герцог, когда парочка прошла вслед за ним в кабинет, и Змей плотно прикрыл дверь, – посчитав, будто этой девушке больше не удастся меня поразить.

– И даже не представляешь пока, насколько глубоко, – очень серьезно подтвердила Тмирна, делая вид, что не замечает, с каким восхищением братья рассматривают графиню.

– Отец первым понял, – грустно вздохнул Геверт, – насколько она похожа на нашу матушку. Даже я помню, как на приемах все мужчины старались пригласить ее на танец.

– Она замечательно танцевала, – подтвердил Арвельд и смолк, заметив, как Змей при этих словах нахмурился и его брови грозно поползли к переносице, – но сомневаюсь, чтобы в монастыре...

– Зря сомневаешься. – В глазах настоятельницы плескалось живое веселье. – Мы же знали, куда попадут наши воспитанницы, и позаботились обо всем.

– Демонская сила, – озадаченно выдохнул Дагорд и уставился на беззаботно улыбающуюся жену. – Лэни! Если хоть один из этих бездельников...

– Как жаль, зайчик, – на миг сильнее сжала его локоть затянутая в перчатку ручка, и из-под ресниц лукаво глянули голубые глаза, – но все мои танцы уже расписаны и бездельникам не осталось ни одного.

- И кто этот шустрый, который успел записаться? - Понимая, по какой опасной кромке между шуткой и правдой идет разговор, и не желая останавливаться, угрожающе протянул Змей, заботливо снимая с жены плащ, усаживая ее поближе к очагу и немедленно занимая место рядом.

- Ох, их несколько, - притворно засмушалась тихоня, втихомолку делая настоятельнице мимолетный знак, - и среди них два герцога, один граф и несколько совершенно темных личностей, одного зовут Тао, другого Маст, есть еще какой-то Змей, но этого, говорят, нужно обходить дальней дорогой, он ужасный сердцеед.

- Мне показалось, - притворно нахмурился Олтерн, - или герцогов и в самом деле неправильно посчитали?

- Очень правильно, - мгновенно отрезал Дагорд, - а если кто-то попытается исправить этот счет, то жуткий сердцеед Змей вполне может расценить это как расторжение контракта.

- И все же один танец с графиней аш Феррез всем этим господам придется уступить. Его величество обязан пригласить герцогиню Адерскую, и отказываться от этого приглашения я ей не советую, - строго сообщила Тмирна, прерывая шутливую перепалку. - А сейчас, Дагорд, ты отведешь свою жену к придворным дамам. Скоро сюда придут новые фрейлины его светлости, и появление Лэни ни в коем случае не должны связать с ними. И последнее предупреждение, не забывайте, эти девушки пришли сюда работать. Не стоит ухаживать за новенькими фрейлинами слишком назойливо, приставлять к ним охрану, а тем более следить за ними глазами. Но если услышите вот такой звук - немедленно хватайте ближайших женщин, только не новых фрейлин, и уходите порталом в безопасное место. Капсулы должны быть у всех.

Тмирна достала крошечный медный рожок и дунула. Резкий тревожный звук разнесся под сводами кабинета, заставляя чуть поморщиться сразу помрачневших мужчин.

- Я не считаю, - спокойно обвела их глазами Тмирна, - будто все это может пригодиться, однако, пока жду важных сообщений, не предпринять все зависящие от меня меры предосторожности было бы беспечностью.

- Поддерживаю. - Помрачневший Олтерн проследил, как Змей уводит жену, и уставился на монахиню: - Даже не знаю, как тебя благодарить. Но я и раньше собирался удвоить в королевском дворце посты и охрану против обычного, а теперь утрою. И если у тебя есть совет, как еще можно защитить людей, я приму его с удовольствием.

- Есть... - Матушка на миг задумалась, оценивающе поглядывая на герцога. - Уговори Лоурдена отменить закон о придворных магах. Сейчас для этого самое подходящее время. Да и в Дройвии маглары с плато постепенно набирают авторитет, подскажи, как неумно отказываться от таких союзников. Напомни про то, как они помогли нам в освобождении заложников ведьминоного зелья. Ведь уже совершенно ясно, закон, запрещающий магам постоянно жить на территории королевства, безнадежно устарел.

- Я попытаюсь, - хмуро кивнул советник, - но ничего не обещаю. Ты ведь знаешь, Георгиус даже к почтовой гильдии относился с подозрением и, если бы не несомненная выгода, давно разорвал бы с ними договор. А Лоурден привык уважать отца и во многих вопросах придерживается его взглядов. Тем более сейчас, когда уверен, будто отец сам решил отдать ему корону. А разубеждать его я не рискну, хотя и не держусь за свою должность. Однако боюсь, что он тут же назначит советником вместо меня не Арвельда и даже не герцога Каридского, а маркиза Твигерна. А вот он довольно темная личность... и очень крепко держит в надежном месте все свои секреты.

- Этим я сама займусь, - кротко пообещала настоятельница, и Геверт невольно поежился, не хотел бы он оказаться на месте человека, которым собирается заняться эта милая немолодая женщина.

- Никогда не представлял, - едва не рычал Змей, ведя Лэни по коридорам, - какое наказание иметь красивую жену! Ну, вот почему они прячутся на тебя так, словно у них нет другого дела!

– Зайчик, – не выдержав, засмеялась тихоня, когда они вышли на лестницу и поблизости не оказалось ни одного стражника. – Ну перестань меня смешить! Я их просто не вижу... ты же не замечаешь хороших горничных?!

– Замечаю... – нехотя признался Дагорд, подозревая ловушку или проверку, – но не обращаю внимания, так как мне нужна только ты.

– Да?! – Лэни сделала вид, будто озадачена. – Значит, у женщин все по-другому. Мне, например, все остальные мужчины сейчас на одно лицо, как болванчики в Торемской игре. Но ты ведешь меня не туда, дамы сидели дальше!

– Знаю. Но тут свободная комната, – распахивая дверь, Змей впустил туда жену, развернул к себе лицом и, крепко обняв, изучающе уставился в глаза. – Лэни, скажи мне, задуманная Тмирной проверка очень опасна? Только не скрывай, я предпочитаю знать заранее.

– Зайчик, мы ведь можем поговорить вечером, – и не думая отстраняться, нежно улыбнулась ему Лэни. – Сразу после ужина уйдем в твои комнаты. А сейчас нет времени объяснять. Но я тебя уверяю, Тмирна очень не любит всякие засады, битвы и прочие военные действия, поэтому постарается сделать все, чтобы завтрашний обед прошел тихо и достойно.

– Хорошо, – поцеловав жену, сдался граф. – Но охрану неподалеку от гостиной я все же посажу. И не спорь, никто не догадается, кого они охраняют.

– Я и не спорю, – кротко улыбнулась мужу Лэни, думая о том, как права все-таки была Тмирна, неустанно повторявшая воспитанницам, что многие семейные лодки разбиваются о подводные скалы и садятся на мели, если женщины все время стараются грести против течения, не замечая, что оно несет их в счастливую страну.

– Добрый день, прелестные дамы! – В галантном приветствии графа лишь опытный слух тихони уловил насмешливую нотку. – Позвольте вам представить графиню Лэрнелию аш Феррез, мою жену. Извините, я вынужден уйти, но оставляю ее на ваше попечение. Не скучай, любимая!

Такая тишина возникает в полной женщин комнате, только если кто-то из них случайно разобьет драгоценную вазу, гордость хозяина дома. Да и то ненадолго. А тут молчали все, и Лэни, с милой улыбкой провинциалки разглядывавшая обительниц гостиной, невозмутимо подсчитывала, сколько разочарованных, завистливых и откровенно злых гримас исказило холеные личики молодых и не очень дам.

– Добрый день, – мелодично произнесла девушка, – мне сказали, вы заняты важным делом, возможно, я смогла бы помочь... если мне объяснят, что именно нужно делать.

– Добрый день, графиня, – первой опомнилась одна из старших дам, – очень приятно познакомиться. Я – маркиза Тидэрия аш Кадерт. Это графиня Маринса аш Тейретти, это...

Лэни учтиво кивала, делая вид, будто пытается запомнить имена и лица, которые давно выучила наизусть по портретам и описаниям старших сестер.

А дамы в это время откровенно изучали ее с той придирчивостью, с какой опытные конюхи разглядывают на ярмарке выставленных на продажу лошадей. Щупают спины, рассматривают копыта, заглядывают в зубы.

– Очень приятно, – вспомнив не раз виданную в детстве картину, лучисто улыбнулась дамам Лэни, показав рядок ровных белоснежных зубов, особую гордость монастырского целителя.

Не так просто в тех северных местах сохранить к концу зимы хорошие зубы, потому-то неустанно следила Тмирна, чтобы, следуя его советам, сестры каждый день ели салат из квашеной капусты с зеленым лучком и побегами чеснока.

Дамы ответили кислыми улыбками, предложили Лэни присесть и выпить чашку чая,

явно намереваясь устроить перекрестный допрос, как это провинциалке удалось так быстро, а главное, втайне от них, окрутить одного из самых соблазнительных женихов? Если до сих пор Змей соглашался только на брак с очень весомым денежным мешком, а все состоятельные невесты тут наперечет, и все их достоинства и недостатки обсуждены до мельчайших подробностей.

Однако тихоня с той же очаровательной улыбкой и самым кротким взглядом от чая отказалась, заявив, что недавно обедала и теперь просто горит желанием сделать что-нибудь полезное для устройства завтрашнего приема.

– Ах, милочка, все не так просто, – устало вздохнула одна из дам, – видите ли, по старинной традиции каждая знатная семья приходит на такие торжества в цветах своего дома. А они в нашем королевстве все выдержаны в холодных тонах, от серебристо-белого через всю гамму синих и темно-зеленых цветов вплоть до фиолетового и черного. Но вот четырнадцать лет назад королем были пожалованы титулы самым преданным воинам и слугам, и никто не проследил, чтобы они выбрали себе цвета правильно, не до того было. В результате некоторые взяли теплые тона, от желтого до бордового. А потом кто-то из них женился на знатных девушках, кто-то получил поместья мятежников и перекрасил гербы и флаги. И теперь на каждом приеме гости неизбежно распадаются на две кучки, молодые господа потихоньку враждуют, девушки стараются не принимать приглашения, чтобы не разжечь столкновения, и иногда из-за этого распадаются уже заключенные помолвки.

Лэни была в курсе этой проблемы, более того, отлично знала, кто из господ, принадлежащих к самым древним родам, втихомолку поддерживает противостояние старых и новых титулованных домов. Как и то, что многим придворным это не безразлично, так как далеко не все стычки юных горячих господ кончаются лишь легкими ранами. И даже мнение матушки по этому вопросу тихоня знала. Но до сих пор не догадывалась о важности проблем собравшихся тут знатных дам. Оказывается, интересы женщин простираются намного дальше обычного тщеславного желания, чтобы гости на королевском приеме выглядели не сбродом комедиантов на осенней ярмарке, а изысканным благородным обществом, они еще и пытаются несколько сгладить разницу между знатью старинной и новоиспеченной и соблюсти хоть неустойчивое, но равновесие. И ради этого Лэни готова была простить им и разочарование, и подозрительность, и даже зависть, и взять решение проблемы в свои крепкие ручки.

– Но разве не проще всего, – с наивной улыбкой спросила девушка, – разослать всем письма с сообщением, что герцог Эфройский просит гостей одеться в королевские цвета, так как будут гости из Дройвии, Сандинии и Торема? Дабы поддержать таким деянием молодого короля и не ставить его в неловкое положение? Ведь цвета Сандинии – белый и зеленый, а Торема именно алый и желтый?

– Ах, мы бы написали, – скрывая насмешку, протянула одна из дам, – но герцог нам даже приехать сюда разрешил скрепя сердце, хотя понимает, насколько некстати сейчас такое собрание в королевском дворце, а наши собственные дома не защищены так же, как Эфро, и пришлось бы отвлекать от забот наших мужей.

– То есть вы считаете, будто его светлость не подпишет такие письма? – «догадалась» Лэни. – Ну я могу попросить мужа... думаю, он не откажет походатайствовать перед герцогом.

– А граф уже полностью выздоровел? – неожиданно осведомилась Китерия Твигерн, и тихоня вмиг подобралась. Насколько она помнила, эта немолодая дама появлялась в свете с единственной целью – найти достойную невесту своему брату, маркизу Твигерну, и здоровье Змея ее не должно было интересовать. – Он ведь пострадал от каких-то бандитов? Может, будет неделикатно нагружать его нашими заботами?!

– О, большое спасибо, – счастливо закивала ей Лэни. – Он совершенно здоров, целители его светлости настоящие волшебники. А где у вас бумага?

Кислых ухмылок стало еще больше, но спорить дамы не стали, сообразив, как тонко эта незнакомая провинциалка намекнула им на свою близость к власти.

– Ах, – многозначительно прошептала подругам одна из дам, когда их новенькая подруга принялась старательно выводить буквы на дорогой герцогской бумаге, – право, жаль

Фиалонну... она поступила очень опрометчиво.

Лэни сделала вид, что ничего не услышала и не поняла, вовсе не собираясь выяснять, желала ли эта дама ее оскорбить или просто надеялась на несообразительность графини. Просто запомнила на будущее, что союз Змея с Фиалонной этой даме был бы приятнее, чем с ней самой, и пообещала себе: ни эту злочку, ни одобрительно кивнувших ей дам никогда и близко не подпустить ни к своему дому, ни в Адер.

Вид старательно работающей жены графа постепенно начал действовать на дам не столько укором совести, сколько пониманием, какие упреки позже посыплются на тех, кто отлынивал за чашечкой чая, пока остальные писали письма, в случае, если предложение графини окажется удачным.

- А у вас уже есть список господ, кого обязательно нужно предупредить? - деловито осведомилась Лэни, чтобы не выдать свою осведомленность, и небрежно поправила волосы, обернувшись на миг к большому зеркалу в тяжелой раме.

Однако волновала девушку вовсе не прическа, а примолкшая маркиза, настойчиво не встающая со своего места. Лэни не могла не начать подозревать госпожу Китерию, но очень хотела бы понять, чего или кого та ждет. А может, даже и готовит.

Раздавшийся в коридоре шум, означавший приближение группы людей, подтвердил бы последнее предположение, если бы Эста не узнала его в первый же момент. Легкие, невесомые шаги сестер тихоня успела заучить наизусть за столько лет, проведенных рядом, а уверенную поступь Олтерна уже научилась отличать от не менее уверенной, но более легкой и быстрой походки командира его охраны. И раз Змей вел сюда новых «фрейлин» вместе с Олтерном, значит, произошло нечто, потребовавшее ее присутствия в другом месте.

Отводя глаза от зеркала, Эста с кажущимся легкомыслием осторожно оглядела окружавших ее женщин и внезапно поймала полный ненависти взгляд миловидной дамы, сидевшей наискосок от нее. Сразу всплыло в памяти имя - графиня Тоселла Шордон, а следом за именем всплыли и намеки Ритолы на какой-то фарфор. Вот теперь и эту даму Лэни никогда не впустит в свой дом, и Геверту запретит к ней ездить, как бы ни было там интересно.

Слишком хорошо успела убедиться Эста за последние дни, насколько опасны бывают для окружающих такие вот эгоистично-властные женщины, которые считают остальных людей не равными себе свободными существами, а вещами, которые можно получать, если возникнет желание, и выбрасывать, если они прискучат.

- Добрый день, милые дамы, - Олтерн легкого сарказма не скрывал, но улыбался с образцовой учтивостью. - Примите в вашу дружную компанию новых фрейлин ее светлости герцогини Эфройской. Надеюсь, и им найдется посильная работа.

Его глаза хитро блеснули, и Лэни укоризненно вздохнула. Герцог сегодня ведет себя как шаловливый юнец... хотя она может понять, откуда у него такое настроение.

- А вам, прелестная графиня аш Феррез, позвольте предложить руку, я намерен проводить вас к вашему супругу.

- Простите, ваша светлость, - и не подумала прикоснуться к подставленному локтю Лэни, - но я пойду сама. Мне кажется, наши духи имеют совершенно несочетаемые ароматы.

Где-то в коридоре сдавленно хихикнул Змей, подтверждая подозрения тихони, что на самом деле мужчины затеяли проверку ее слуха. Или способности быстро находить выход из неожиданного положения.

И раз у них возникло желание шутить и устраивать розыгрыши, значит, новости, которые получила Тмирна, позволяют надеяться на лучшее и у сообщников Зоралды не появится никакого желания мстить королю, его советнику или Змею и тихоне.

Лэни вышла в проходной зал и, слыша за спиной поступь Олтерна, успела пройти в сторону мужа несколько шагов, безошибочно угадывая за одной из колонн его дыхание, когда из полуприкрытых дверей гостиной донесся дружный испуганный женский

вскрик.

Они мчались назад так стремительно, словно убегали от выпня, и оказались у двери одновременно, однако Змей успел поймать жену за талию и решительно задвинуть себе за спину. Но тихоня все равно умудрилась разглядеть побелевшие лица дам и неудобно свесившуюся безжизненную голову Тоселлы.

– Она получила письмо, – заметив стоящего в дверях герцога, кратко сообщила одна из сестер Тишины, – открыла и вскрикнула. В нем было ядовитое дыхание.

– Демонская сила, ну и негодяй, – процедил сквозь зубы Змей, и Лэни была полностью с ним согласна.

Действительно, он величайший подлец. Тот, кто успел просчитать свои слабые места и начал расправляться с сообщниками. И, стало быть, именно Тоселла, почти каждый вечер собиравшая в своем доме веселые компании, была главной среди этих сообщников, раз он начал расправу именно с нее.

И, следовательно, им с мужем сегодня ночью не удастся спокойно отдохнуть и поговорить, огорченно вздохнула тихоня, отступая прочь и беспрекословно кладя руку на подставленный локоть герцога. Змей уже поднес к губам тревожный рожок и, несомненно, некоторое время будет очень занят, а ей нужно как можно быстрее оказаться возле Тмирны.

Монахиня должна немедленно узнать о случившемся, чтобы приступить к составлению новых планов, взамен всем прежним, рухнувшим в один момент.